

ВАЛЕРИ БРАЙСОН

**ГЕНДЕР И ПОЛИТИКА
ВРЕМЕНИ
ФЕМИНИСТСКАЯ ТЕОРИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ**

Киев
«Центр учебной литературы»
2011

УДК 396:316.356:159.922.1

ББК 60.651.5в6+66.74

Б 87

*Это издание осуществлено при поддержке
российского научно-образовательного учреждения
«ИрлЕМ» (Институт Ритмологии Евдокии Марченко)
в рамках научного проекта «Время в зеркале науки»*

Перевод с английского Алексея Якубина

Брайсон В.

Б 87 Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии.—
Пер. с англ. — К.: Центр учебной литературы, 2011. — 248 с.

ISBN 978-611-01-0250-6

Одна из наиболее известных работ современного представителя британской политологии и политической социологии В. Брайсон, в которой автор рассматривает проблему феминистской теории и политики времени. Оригинальный подход, который использует британская исследовательница, состоит в рассмотрении с точки зрения феминистической теории взаимосвязи темпоральных предложений политической теории, темпоральных культур, а также средств использования времени в капиталистических обществах и современных социальных государствах.

Для ученых, преподавателей, студентов высших учебных заведений, а также всех, кого интересуют проблемы феминизма и политики времени.

УДК 396:316.356:159.922.1

ББК 60.651.5в6+66.74

ISBN 978-611-01-0250-6

© Серия «Время в зеркале науки»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга, востребованная временем 6

О книге, или почему критическое изучение времени может
помочь улучшить наше общество (*вступительное слово*
переводчика) 8

БЛАГОДАРНОСТИ 14
ВСТУПЛЕНИЕ 15
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ 16
СТРУКТУРА КНИГИ 19

**ЧАСТЬ I. ВРЕМЯ, ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО:
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
ОСНОВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ** 23

**Глава первая. Время, темпоральность и полити-
ческая теория** 23
Темпоральные перспективы: почему история имеет
значение 25
Темпоральность, действие и стратегии для полити-
ческих изменений 29
Социальные государства во времени 31
Политическая теория, политические движения
и изменение представлений о времени 33
Политические последствия и выводы 35

**Глава вторая. Темпоральные культуры/культура
и социальная природа времени** 38
Дюркгейм и после него: социальные функции времени . . . 38
От традиционного времени к времени модерна 40
От времен модерна к временам постмодерна 44
Все времена не равны: проблема власти и контроля 46
Выводы: сопротивление капиталистическому времени . . . 49

**Глава третья. Использование времени
в капиталистических обществах** 51
Свободное время как дефицитный ресурс 51

Государства, использование времени и темпоральные режимы	56
Удлиненный рабочий день и капиталистическая экономика	61

ЧАСТЬ II. ФЕМИНИСТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСОВ 67

Глава четвертая. Мужчины и женщины в феминистской политической мысли	67
Женщины и мужчины: естественные и/или социально обусловленные различия в отношении ко времени?	68
Какие женщины, какая женщина?	71
Влияние постмодернизма	73
И все же	76
От сестринства к солидарности — появление консенсусов?	80
Выводы	84

Глава пятая. Общественное и частное в феминистской политической мысли	86
Феминистская критика разграничения общественно-го/частного	86
Общественная и частная работа	87
Гражданство в общественной и частной сферах	94
От частной помощи — к общественному благу	95
Справедливость, время и противопоставление общественного/частного	99
Выводы	104

Глава шестая. Феминистская политика и социальные государства	106
Феминистские перспективы социальных государств	107
Режимы благосостояния, феминизм и время	111
Женщины, время и политическое представительство	116
Социальные государства, глобализация и время	118
Выводы	120

ЧАСТЬ III. К ФЕМИНИСТСКОЙ ПОЛИТИКЕ ВРЕМЕНИ 123

Глава седьмая. Время и темпоральность в феминистской политической мысли	123
--	------------

Время и темпоральность в современной феминистской мысли	124
Роль утопического мышления	127
Локализация феминистских теорий времени во времени	128
Значение истории для феминизма	130
Возвращение к теориям основного направления:	
Маркс, Гидденс и Пайерсон	134
Выводы	145
Глава восьмая. «Женское время»	147
Биология и «женское время»	148
Забота и «женское время»	157
«Женское время» в патриархальном капиталистическом обществе	167
Выводы	172
Глава девятая. Женщины и использование времени в современных капиталистических обществах	174
Феминистские утверждения	175
Изучение использования времени	182
Исследования использования времени под пристальным вниманием	187
Изучение использования времени: последние достижения и результаты	193
Политические последствия и выводы	200
Глава десятая. Время/на, в котором/рых мы нуждаемся, и время/на, которое/рые у нас есть: политические последствия и выводы	202
Ухрония: время/на, которым/рыми мы хотели бы располагать	202
Время/на, которое/ые у нас есть	207
Отсюда — туда	212
Заключительные замечания	222
Список источников	223

КНИГА, ВОСТРЕБОВАННАЯ ВРЕМЕНЕМ

Уважаемые читатели!

Перевод работы Валери Брайсон «Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии» является результатом осуществления проекта «Время в зеркале науки», инициатором проведения которого в Украине выступает российское научно-образовательное учреждение ИрлЕМ (Институт ритмологии Евдокии Марченко).

Уже не первый год Институт ритмологии Евдокии Марченко проводит разнообразные исследования и проекты, цель которых — изучение субстанции времени, влияния этого феномена на развитие человеческого мозга и мышления, возможностей человека в целом.

«Время в зеркале науки» — первый масштабный проект по изучению феномена времени в Украине. В его рамках был проведён конкурс переводов, главная цель которого — познакомить отечественную научную общественность с зарубежными научными трудами по тематике времени, которые ранее не переводились на украинский или русский языки. Таким образом, удалось не только популяризировать произведения известных зарубежных исследователей, но и пробудить интерес к проблемам исследования времени.

Одним из результатов проекта является книга, которую читатель держит в руках. Несколько слов об авторе. Валери Брайсон — яркая представительница современной британской политологии и политической социологии, профессор Университета Хаддерсфилд, одна из наиболее видных адептов особенного теоретического направления политических исследований — гендерного аспекта времени. Она является автором нескольких фундаментальных работ в области политической теории феминизма. Сегодня нашему читателю предоставляется уникальная возможность познакомиться с ее книгой под названием «Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии».

Ее оригинальный подход заключается в рассмотрении в рамках феминистической теории трех взаимосвязанных и частично совпадающих сфер, таких как темпоральные предположения, лежащие в

основе политической теории, природа и значение различных темпоральных культур и способы контроля и использования времени в капиталистических обществах.

Насколько это актуально и для чего это нужно, неужели действительно женщины имеют особую «темпоральную культуру»? Или для них существует «другое» политическое время, «другие» варианты выбора политики в современных социальных государствах? На эти и другие вопросы Валери Брайсон отвечает в своем исследовании, локализируя феминистические темпоральные идеи во времени и анализируя значение истории для феминистической мысли.

Наверное, наиболее точно о важности и актуальности этой работы как в теоретическом, так и в, что особенно важно, практическом плане отозвалась сама Брайсон: «Книга также доказывает, что различные средства использования, контроля и понимания времени все в большей степени приобретают актуальность важного политического вопроса. И они требуют своего решения, если мы хотим понять политику в целом и природу гендерного неравенства в частности; неуспех в этом начинании будет иметь самые плачевные последствия, и не только для женщин, но и для всего общества».

Издание работы Валери Брайсон на русском языке — важное событие как для научного сообщества политологов, так и для исследователей других гуманитарных направлений. Каждый, кто ознакомится с ней, согласится, что эти исследования имеют междисциплинарную направленность. Именно поэтому они будут интересны широкому кругу читателей.

Будем искренне признательны и благодарны за отзывы, предложения и замечания к этому изданию.

О КНИГЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ КРИТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ МОЖЕТ ПОМОЧЬ УЛУЧШИТЬ НАШЕ ОБЩЕСТВО

Вступительное слово переводчика

*Женское освобождение — тяжелейший процесс,
но я верю, что он станет необходимым,
ключевым этапом перехода к лучшему обществу
для мужчин и женщин.*

Г. Маркузе

Представляемая книга Валери Брайсон всецело разделяет позицию Маркузе, вынесенную в эпиграф. Ее начальные строки резонируют с таким умонастроением: «Эта книга связана с надеждой, что политическая теория улучшает наше понимание обществ, в которых мы живем, и, таким образом, ее развитие имеет своей целью ослабить эксплуатацию и дает возможность большому количеству людей проявить заложенный в них потенциал». Вряд ли можно сказать лучше о предназначении политической теории, её влиянию на все без исключения стороны жизни современных обществ.

Было бы ошибочным заявлять, что научные изыскания Валери Брайсон совсем уж не известны отечественной научной общественности. Одна из ее предыдущих книг «Политическая теория феминизма»¹ уже переводилась на русский язык в 2001 году. Данная работа, без сомнения, ставшая классической в сфере исследований взаимосвязи политики и феминизма, сегодня активно изучается в ведущих университетах нашей страны. Благодаря как оригиналам работ Брайсон, так и упомянутому выше переводу научная общественность Украины может ознакомиться с её теоретическими наработками в области политической теории феминизма.

Тем не менее, представляемая на этот раз работа Брайсон значительно отличается и по своему характеру, и по общей тенденции от предыдущей. Это уже не просто хорошее пособие для тех, кто изу-

---

¹ Брайсон В. Политическая теория феминизма. Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. — М.: Идея-Пресс, 2001.

чает феминизм, в ней очень явно представлено авторское видение этой проблемы, а также затрагивается новая тема — связь времени и «создания гендера».

В книге «Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии» на опыте Великобритании и США автор демонстрирует, к каким негативам и опасностям ведет доминирующее часовое время капитализма, какие скрытые и явные последствия несет человеческой природе, обществу, политике и свободе увеличение рабочего дня. Ведь не секрет, что многие отечественные реформы копируются из этих стран. В некотором роде они — «наше будущее», если такие сценарии у нас будут реализованы.

Заслуживает внимания и сама теоретическая позиция Валери Брайсон. Она определяет ее как марксистский феминизм. Подобные воззрения связаны с британским пониманием теории Маркса, в которых его идеи интерпретируются как призма для анализа постоянного саморазвития общества, его темпоральной природы, влияния сегодняшних процессов на будущее развитие общества. Общество, которое, с одной стороны, порождает различные ограничения, а с другой — создает новые возможности для свободы. Марксизм, в понимании Брайсон, это способ критического взгляда на общество, способ критического мышления, ведь во многом без критического анализа нет и мышления.

Это именно та разновидность англо-саксонского марксизма, которая не только выжила после Второй мировой войны, но и переживает сейчас «теоретический и практический ренессанс». Во многом этот марксизм был генеалогически связан с целой плеядой выпускников Кембриджского университета, а также с известным марксистским историческим журналом «Паст энд Презент» («Прошлое и Настоящее») и Кембриджской экономической школой во главе с Джоан Робинсон.

Феминистский марксизм является одним из наиболее динамичных направлений англо-саксонского марксизма, связывающим воедино вопросы классовой эксплуатации и гендерного угнетения. Как пишет Брайсон: «Марксизм, несомненно, комплексная теория, хотя, открывая для феминизма возможности новых открытий, он не является чем-то типа «клада», из которого по желанию могут быть извлечены готовые ответы. Разработанные Марксом идеи в отношении классов и экономических процессов могут быть применены для анализа отношений полов, но их невозможно переносить автоматически»². Главные аргументы, привлекающие феминисток в

---

² Брайсон В. Политическая теория феминизма. Введение. — М.: Идея-Пресс, 2001. — С. 90—91.

марксизме, это указание на исторический, порождающийся характер общественных институций и принятие, актуализация точки зрения наиболее угнетенных групп для понимания реальных практик функционирования того или иного общества.

Именно в рамках марксистского направления в Британии впервые была поднята проблема времени. И сделал это известный британский марксист Эдвард Палмер Томпсон (1967), исследуя возникновение британского рабочего класса, которое он связал в том числе с появлением темпоральной дисциплины часового времени на заводах и фабриках.

Поэтому попытка Брайсон продолжить эти исследования представляется, с одной стороны, органичной, с другой — достаточно необычной для этой академической традиции. Во многом это связано со своеобразным пониманием Валери Брайсон концепта «времени», а именно: из текста книги очевидно, что время для нее, с одной стороны, часть объективной реальности, влияющая на жизнь людей (часто очень негативно), а с другой — удобная концепция для координации их деятельности³, характерной особенностью которой является представление о параллельном существовании множества разных времен. Таким образом, Брайсон пытается преодолеть классические парадоксы оппозиции реализм—конструктивизм. Эта оппозиция, на данный момент, является чересчур тесной для всех социальных наук. В качестве примера можно привести классическое исследование нации еще одного британского ученого марксистской традиции Бенедикта Андерсона, сделанного им в книге «Воображаемые сообщества» (1981)⁴, в которой он рассматривает нацию как социально сконструированное сообщество, воображенное людьми, воспринимающими себя как его часть. Очевидно, что споры о соотношении его теории воображаемых сообществ с конструктивизмом или реализмом обнаруживают несостоятельность самой этой оппозиции. То же самое можно сказать и о понимании времени самой Брайсон.

Эта позиция может показаться противоречивой. Но кто сказал, что противоречивость научного знания — это его недостаток? Вспомним Карла Поппера и его подход, сущность которого состоит в том, что любое научное знание противоречно и гипотетично по

---

³ Брайсон даже предлагает в книге для этого аспекта времени использовать понятие «relational time», то есть не просто относительное «реляционное» время в первом понимании слова «relational», а как время отношений между людьми, особенно членами одной семьи, родственниками. Именно в таком значении понятие «реляционное время» используется далее по всему тексту перевода.

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. — М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

самой своей природе, а все, что непротиворечиво в науке — это не наука, а метафизика, выдающая себя за науку. Думаю, что это имеет прямое отношение и к разработке научного понимания времени.

Важным компонентом такого взгляда на время является его проективный и творческий характер. То, что было создано однажды людьми, ими же может быть изменено. Тем более, если доминирующий тип времени в эпоху капитализма — часовое время ведет к негативным последствиям для психического и физического здоровья людей, нарушает их биоритмы, еще более угнетает обездоленных. Как пишет Брайсон в этой книге, «способы использования, оценки и понимания времени в современных капиталистических обществах играют центральную роль в поддержании гендерного неравенства в общественной и частной жизни мужчины, как и женщины, терпят ущерб из-за этого процесса». Для изменения несправедливых порядков нам снова нужно использовать наше воображение, понять, чего мы хотим, и начинать действовать в желаемом направлении. Этот процесс автор называет «мысленным экспериментом», а желаемое темпоральное положение вещей — «ухронией».

Следует отметить, что отечественные исследования времени также начали проводиться в русле советского марксистского обществоведения во второй половине 20-го века. В первую очередь на материале и в связи с исследованиями немецкой классической философии и немецкой социологической традиции⁵. Марксистские корни отечественных исследований времени (остающиеся в виде уже существующих научных трудов и общего отношения к проблеме) во многом помогут в понимании и принятии этой книги. А ее новации, без сомнения, помогут очертить новые ориентиры исследований.

Хотя правдой является и то, что, в отличие от социально-философского и социологического контекстов, взаимосвязь времени и политики долгое время не привлекала ученых на постсоветском пространстве, возможно, из-за ее кажущейся «философичности» и «непрактичности». Только в последние 5—7 лет такие исследования стали появляться, изначально черпая свое вдохновение в так называемом «хронополитическом повороте» ряда современных российских ученых, в первую очередь Михаила Ильина⁶, Ивана Чихарева⁷.

---

⁵ К примеру, см. обзор исследований социально-исторического времени в марксистском обществознании в книге *Лой А.Н.* «Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство»». — К., Наукова думка, 1978.

⁶ *Ильин М.В.* Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. — М.: МГИМО,

На сегодня отечественные исследования роли и функций времени в политике и политического времени во многом пребывают в самом начале своего пути. Как ни странно, это происходит параллельно и пересекаемо с процессами, которые происходят в западной социально-политической мысли в ее попытках осмысления и использования времени. Как пишет Валери Брайсон, «понятие «время» почти не используется в политической теории основного направления (mainstream political theory), оно (время) рассматривается просто как данность, как факт природы (и то второстепенный!), как кое-что само собой понятное, и отнюдь не как необходимая составляющая политических концепций или предмет, который нуждается в дальнейшем теоретическом и прикладном исследовании, за некоторыми редчайшими исключениями, которые лишь подтверждают общее правило. Если вы попытаете поискать информацию о политическом времени на страницах большинства специализированных изданий по политической теории или политических концепций — вы даже там не найдете ни одного упоминания, такой информации там просто нет!»⁸ Как видим, ситуация постепенно исправляется, значит, становится все более возможным «время для изменения самого времени».

Таков краткий исторический и теоретический контекст перевода «Гендера и политики времени» Валери Брайсон. Насколько он будет убедителен, зависит от читателей, от их желания принять, вообразить, оспорить и идти дальше идей, высказанных в этой книге. Как верно отметил Дж. Кейнс: «Идеи экономистов и политических философов, независимо от того, правильные они или нет, являются гораздо более значительными, чем многим кажется. В действительности они во многом управляют миром. Практики, которые уверены, что свободны от любого интеллектуального влияния, обычно являются рабами какого-нибудь давно умершего экономиста».

1995. — 112 с. — (Часть 1: Хронополитическая перспектива); Ильин М. В. Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. — М.: МГИМО, 1995. — 138 с. — (Часть 2: Хронополитическая перспектива; Часть 3: Тенденции и перспективы российской хронополитики); Ильин М. В. Феномен политического времени // Политические Исследования [ПОЛИС]. — 2005. — № 1. — С. 57—68.

⁷ Чухарев И. А. Проблематика политического пространства и времени в современной типологии и международных отношениях // Политическая наука. — 2009. — № 1. — С. 7—31; Чухарев И. А. Хронополитика в теории мировой политики [Лучшие кандидатские диссертации философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова]. — М.: Современные тетради, 2006. — 152 с.

⁸ Bryson V. Time. — Режим доступа: <http://www.hud.ac.uk/politics/research/confs/index.html>

В заключение хотелось бы выразить благодарность, во-первых, Валери Брайсон как автору за любезное и безвозмездное разрешение на выполнение перевода этой научной работы, во-вторых, особая признательность всему коллективу проекта «Время в зеркале науки», проводимого при поддержке Института Ритмологии Евдокии Марченко, и лично руководителю проекта — Людмиле Зубрицкой за поддержку этого важного начинания, а также моим коллегам — Максиму Андрущенко (за очень много вещей, научных и не только), Олегу Зубчику (кандидату философских наук — за поддержку), студентам Александре Гончаровой, Дмитрию Рою и Владимиру Калинин (за важные критические дискуссии об этой книге) и, конечно же, моей семье.

*Алексей Якубин,
кандидат политических наук*

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикация этой работы, как и предыдущих моих книг, была бы невозможна без горячей поддержки и одобрения Джо Камплинг (Jo Campling). Я очень благодарна Рут Листер (Ruth Lister), чья работа первоначально вдохновила меня, за ее конструктивный отклик и поддержку на ранних этапах подготовки рукописи, а также Вики Рэндалл (Vicky Randall) за ободряющие и полезные комментарии ко всему тексту рукописи.

Любые неточности в книге — лишь на моей совести.

Огромное спасибо также Джорджине Блэкли (Georgina Blakeley) — за то, что она для меня самая лучшая и надежная коллега, Университету Хаддерсфильда — за предоставленный творческий отпуск и Люси Брайсон (Lucy Bryson) — за проверку правильности ссылок на использованные мной источники.

Благодарности другого порядка хочу выразить моей сестре Фран Ламберт (Fran Lambert), давшей мне возможность продолжить работу над книгой в период затянувшегося семейного кризиса, и моим друзьям за их горячую поддержку.

Если бы Алан Пирсон (Alan Pearson) терпимо относился к выражению ему благодарности, я бы, конечно, поблагодарила и его — за полезные комментарии к первой редакции этого текста и за многое другое.

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга связана с надеждой, что политическая теория улучшает наше понимание обществ, в которых мы живем, и, таким образом, ее развитие имеет своей целью ослабить эксплуатацию и даст возможность большему количеству людей проявить заложенный в них потенциал.

Если конкретнее, то эта надежда основывается на феминистской политической теории и убеждении, что неравноправные отношения между женщинами и мужчинами — это реальность, это важная тема, и это несправедливо. Фокусируясь на западных социальных государствах, эта книга опровергает бытующее сегодня стереотипное мнение, что феминизм — это пережиток прошлого и что его единственным политическим приоритетом и сосредоточением дискуссий является вопрос гендерного неравенства. Скорее всего, это предложение рассматривать феминистскую политику как неразрывную часть остальных «прогрессистских» движений, так как требования женщин не могут быть решены в отрыве от других проблем социально-экономического неравенства, преодоление которых также будет не окончательным, если оставить в стороне «женский вопрос».

Книга также доказывает, что различные средства использования, контроля и понимания времени все больше приобретают актуальность важного политического вопроса. И они требуют решения, если мы хотим понять политику в целом и природу гендерного неравенства в частности; неуспех в этом начинании будет иметь самые плачевные последствия, и не только для женщин, но и для всего общества.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Понимание политики как «кто получает, что, когда и как»⁹ включает в себя и доступность времени наравне с другими дефицитными ресурсами. В этом случае время, важное само по себе, играет роль ключевого политического ресурса, в котором нуждаются граждане, если они принимают активное участие в жизни своих сообществ и защищают собственные интересы и позиции. Один из главных тезисов этой книги состоит в том, что современные практики распределения времени — несправедливы и порождают политическое неравенство. Как будет показано далее, удлинённый рабочий день¹⁰ оплачиваемой занятости, особенно в США и Великобритании, оказывает разрушительное воздействие на индивидов, их семьи и общество, содействуя «дефициту внимания» и падению экономической эффективности наравне с гражданской активностью. В связи с этим право граждан найти здоровый баланс между оплачиваемой занятостью и другими аспектами жизни должно стать одним из политических приоритетов.

Эта «политика времени» комплексно связана со стремлением женщин изменить и улучшить нынешнюю семейную, экономическую и политическую ситуации. На первый взгляд, может показаться, что общества ожидает полнейший коллапс, если женщины перестанут выполнять свои традиционные и трудоемкие домашние и попечительские обязанности. Несмотря на это, они повсеместно рассматриваются как второсортные и не требующие вознаграждения. Эти обязанности всегда ставили женщин в менее выгодное положение и мешали им быть «настоящими работягами» (такими, как мужчины), следствием чего стало непризнание их права на принятие в таких случаях вознаграждение — достойную заработную плату и хорошее пенсионное пособие на склоне лет. Недоплата за женские обязанности имела своим следствием ограничения женщин в свободном досуге и политических возможностях. Более столетия

---

⁹ Такая бихевиоралистская модель политики предложена американским политологом Г. Лассуэлом (1902—1978) в 30-х годах XX века в его работе, которая так и называлась: «Политика — кто получает, что, когда и как» (1935). Эта книга имела огромное влияние на становление и развитие изучения политического поведения людей, управления в политической науке англоязычных стран. — *Прим. переводчица.*

¹⁰ Ситуация, когда продолжительность рабочего времени в течение дня больше нормальной; обычно речь идет о графике работы, при котором общая продолжительность рабочей недели составляет более 40—48 часов. — *Прим. переводчица.*

назад Ханна Митчел — британская суфражистка и социалистка — с негодованием писала: «Ничто не могло победить обед и чай, и большинство из нас, кто уже успел выйти замуж, должны были постоянно бороться, так сказать, с одной постоянно занятой работой рукой» (Mitchell 1977, p. 130). Эта книга показывает, что женская «временная бедность» («time poverty») продолжает существовать и в наше время в качестве ограничения гражданских прав женщин. Неравенство в способах использования времени и его оценивании — это часть «порочного круга», обрекающего многих женщин на экономическую зависимость, уязвимость к эксплуатации и насилию в семье, а отсутствие свободного времени делает невозможным обрести им собственный политический голос, опыт гражданской деятельности и изменить положение вещей.

В последние годы феминистская критика и движение совпали во времени с увеличением участия женщин на рынке труда и распространении общественного беспокойства о разрушительном эффекте удлинённого рабочего дня. Этот вопрос даже попал в партийные программы во многих западных странах. Ощущение актуальности указанной темы нашло свое место в недавнем докладе британской Комиссии по равным возможностям:

«То, как мы работаем, больше не соответствует миру, в котором мы живем. Если будет изменены привычные представления о работе, то мы бы все от этого только выиграли. Если не будет перемен в этом направлении, нас всех ожидает мрачное будущее: понапрасну растроченный потенциал, меньше времени на социальную опеку, больше болезней, связанных со стрессом, постоянная низкая оплата для женщин и их семей, снижение конкуренции в бизнесе, экономике и даже постоянные пробки и угрозы экологии» (UK's Equal Opportunities Commission 2007, p. 3).

Эта книга только усилит вышеприведенные аргументы. Читатель также увидит, что политика времени ведет нас еще глубже и поднимает целый комплекс вопросов, затрагивающих значение истории для политической практики, влияние использования времени на гендерную идентичность, связь между различными «темпоральными культурами» и моделями власти, способы измерения и оценивания времени. Эти основные, связанные с политикой аргументы прошли через все последующие главы книги, в которых мы покажем, почему время и вознаграждение за него, время, затраченное на заботу о других, — это важные элементы экономической и общественной деятельности. А еще то, что это время должно быть поделено совместно с мужчинами и поддержано широкой общественностью, и что наемный труд и социальное обеспечение должны быть реорганизованы соответственно. Возникает также потребность придать должное зна-

чение временным ритмам, за пределами овеществленных времен-часов капиталистической экономики, в которой время уравнено с деньгами, где необходимому времени для развития нормальных человеческих отношений просто не остается места.

Все эти аргументы базируются на убеждении, что члены общества имеют наравне с индивидуальными коллективные потребности, интересы и обязанности. Посему одних рыночных сил для их выражения недостаточно. Наше исследование исходит из того, что государства должны поддерживать и обеспечивать социальные службы общества, регулировать заработную плату, давая возможность и мужчинам, и женщинам проявить заботу о других и исполнять, тем самым, свой долг. Такой политический курс прямо противоположен либеральному индивидуализму, распространенному в США, где наше исследование обнаруживает до предела обостренные проблемы, связанные со временем; эти противоречия гораздо более сглажены в социал-демократических странах Скандинавии, где мы находим очень много положительного, хотя отдельные проблемы есть и там. Эффективная феминистская политика нуждается в признании этих различных исходных позиций. Соответственно, в книге уделено максимум внимания значению различных образов времени в контексте исторического развития и оптимальному балансу между стратегическими целями с более насущными потребностями и требованиями текущего политического курса. В этом ключе переосмысление марксистской теории истории включает в себя адаптацию ее базового концепта «вос(производство)»¹¹ к личностной сфере человека, делая тем самым все более возможным распознавание изменений, создающих радикальные вызовы традиционным гендерным моделям использования времени.

Несмотря на то, что эта книга предлагает рассматривать время как центральный элемент феминистской теории и политической деятельности, это не значит, что оно равносильно «окончательному решению». Скорее, политику времени следует рассматривать как часть замкнутого механизма, чьи шестеренки — это различные формы власти и неблагоприятных условий, которые соприкасаются и поддерживают друг дружку, при этом они постепенно изнашиваются, и это порождает надежду, что феминистические цели достижимы и реальны.

¹¹ Воспроизводство, в хозяйственной жизни (англ. *reproduction*) — непрерывно продолжающийся (незатухающий, бесконечно повторяемый) процесс производства благ, по ходу которого возобновляются (воспроизводятся) и жизненные средства, и их производители (человек как потребитель и как рабочая сила), и производственные отношения между участниками этого общественного процесса. Одно из базовых понятий классической марксистской социально-политической и экономической теории. — *Прим. переводчика.*

СТРУКТУРА КНИГИ

Книга состоит из трех основных частей. В первых трех главах рассмотрены теоретические работы науки основного направления¹² о политике и времени; большинство из них были написаны мужчинами. В них можно найти многое, интересующее феминисток, в первую очередь: распространенные и стереотипные представления о том, что мужской опыт работы, семейной жизни и «свободного» времени — это «естественно». С этой доминирующей перспективы, темпоральные¹³ переживания и потребности, связанные с женскими традиционными домашними обязанностями или их репродуктивной ролью, игнорируются или маркируются как «маргинальные» и «другие». Напротив, вторая часть работы (с четвертой по шестую главы) показывает, как феминистская перспектива, отталкивающаяся от женщин, проводит реформатирование проблемы и обеспечивает нас более широким пониманием. Третья часть (главы седьмая — десятая) посвящена поиску оптимального сочетания выводов первой и второй частей. Ее главная цель — рассмотреть как желаемые возможности, так и реалистические перспективы феминистской теории и политики времени. В этом заинтересованы все граждане, вне зависимости от их гендерной роли.

Данное исследование стало возможным благодаря использованию многих теоретических подходов, и едва ли читатель знаком со всеми из них в достаточной мере. По этой причине мы будем сочетать раскрытие наших собственных аргументов с описанием ряда существующих концепций, показывая их теоретические последствия для гендерной проблематики и политики времени.

---

¹² Социальные и политические науки основного направления (mainstream political or social sciences) — принятое в западной науке обозначение исследований, которые не ставят своей целью изменение существующих политических, экономических и социальных порядков. Им противостоят — критические исследования, сторонники которых считают, что все социальные науки латентно идеологические по своей сути и потому их главная цель — показать эту заангажированность и выступить на стороне угнетенных групп общества. — *Прим. переводчика.*

¹³ Темпоральность (англ. *временные особенности*) — временная сущность явлений, порожденная динамикой их особенного движения, в отличие от тех временных характеристик, которые определяются отношением движения данного явления к историческим, астрономическим, биологическим, физическим и другим временным координатам; взаимосвязь моментов времени. В современной философской культуре понятие темпоральности вошло через экзистенциалистскую традицию, в которой темпоральность человеческого бытия противопоставляется вещи, отчужденному, бескачественному, навязчивому, подавляющему времени. — *Прим. переводчика.*

Первая глава опирается на идеи Карла Маркса и более современные исследования Энтони Гидденса и Пола Пайерсона (Paul Pierson), утверждавших, что, если мы хотим понять настоящее и формировать наше будущее, нам нужно ощущение времени и исторический контекст. Это относится и к развитию социальной политики, и к расширению понимания времени как такового, что, без сомнения, изменит как политическую теорию, так и практику. Идея о том, что понимание времени изменчиво, приведет (во второй главе) к детальному обсуждению темпоральной культуры/культур и формированию овеществленного времени-часов капиталистического общества. Хотя такая модель контроля существует сегодня во всем мире, в этой главе показано, что альтернативные формы времени продолжают существовать, и сопротивление доминирующей темпоральной культуре может быть важным политическим действием. Эта тема продолжена в следующей (третьей) главе, где описано, как люди обычно растрачивают свое время в капиталистических обществах. Сначала рассмотрим свободное время как редкий ресурс, потом — как оно должно быть распределено и приводит ли нехватка времени у граждан к разрушению политической жизни. Это нужно сделать прежде, чем проанализировать недавние исследования «темпоральных режимов». В заключительной части обсуждается, есть ли удлиннный рабочий день неизбежным следствием капиталистической конкуренции или же этого можно избежать; вопреки возрастающему давлению глобальной конкуренции, мы все же находим некоторые основания для надежды.

Четвертая глава готовит почву для последующей дискуссии о том, как мы должны мыслить о «женщине» и «мужчине» в свете последних феминистских исследований о различиях среди женщин и изменчивой, сконструированной природе гендерной идентичности. Эта дискуссия связана с широкой феминистской критикой иерархических дихотомий мышления, в ней ставятся под сомнение преимущества «нормальных» мужских качеств, интересов и перспектив. Еще в этой главе одобряется идея «общности в различиях», рассматривающая темпоральные отличия и расхождения, так же как и сходство среди женщин, обращение к группе малоимущих мужчин, аргументируется позиция, почему положение наименее обеспеченных групп — лучшая исходная позиция для анализа.

Пятая глава развивает идею перехода «за пределы дихотомии», фокусируясь на феминистской критике принятого разделения между общественной сферой (сферой политики и оплачиваемой работы) и личной сферой (сфера семьи и личной жизни). Выявляя взаимосвязи, размывающие общественно/личную дихотомию, эта критика проливает свет на семейные предпосылки мужских привилегий в обществен-

ной сфере и на гражданское значение активности в общинах и семьях. Утверждается, что феминистская политика должна не только разоблачать и оспаривать современное распределение оплачиваемой, неоплачиваемой работ и свободного времени, но должна настойчиво защищать идею, что неоплачиваемая работа, в первую очередь время, затраченное на заботу о других, обязано быть оценено и вознаграждаться как имеющее ключевое значение для благосостояния общества.

Вопрос о том, как можно будет это воплотить и какие формы феминистской политики могут быть использованы для этого, связан с феминистскими перспективами в социальном государстве, — предмет шестой главы. В соответствии с общим неприятием «другого/иного мышления», рассмотренных в четвертой и пятой главах, делается вывод, что эффективная феминистская политика требует взаимодействия государственных структур и независимой от них деятельности. Такое взаимодействие развивается в современном глобальном контексте, что несет в себе как новые ограничения, так и возможности. И хотя существуют некоторые обнадеживающие примеры подобного развития, особенно в странах Скандинавии, эта глава поддерживает тезис первой главы в том, что политика не может быть просто «экспортирована» из одной страны в другую, но должна строиться на реалистической оценке локальных условий и традиций.

Седьмая глава связывает новейшие феминистские работы о многозначной и текучей природе человеческого времени с феминистским отрицанием дихотомий. В этой главе используются умозаключения первой главы для изменения лежащих в основе феминистской теории темпоральных представлений и роли истории для феминистской политики. Возвращаясь к Марксу, Гидденсу и Пайерсону, здесь исследуется идея, что изменения в материальных условиях (производстве и воспроизводстве), где задействованы люди, суммируется с кумулятивным эффектом ограниченных по своим последствиям изменений привычек и отношений между мужчинами и женщинами, приводя к нежизнеспособности нынешние механизмы поведения. В результате, возможен парадигмальный сдвиг к социальной политике, признающей важность работы, традиционно выполняемой женщинами, наряду с участием в ней мужчин.

Восьмая глава расширяет аргументацию второй главы о социальной природе времени в вопросе: существует ли специфическая женская «темпоральная культура», связанная с женским телом и/или социальной ролью? Если существует, то какова роль такого «женского времени» в патриархальных капиталистических обществах? Следуя за логикой аргументации прошлых глав, в этой главе отбраковывается идея, что «женское время» и «мужское время» можно рассматривать как замкнутые категории. Тем не менее, мы согласны с авторами, ар-

гументирующими, что женские традиционные роли и обязанности возникли в связи с естественными темпоральными ритмами и потребностями, часто вступающими в противоречие с доминирующей логикой овеществленных времени-часов, к которым женщины обязаны насильственно приравниваться. Такое наложение разных времен с доминантой времени-часов приводит к сокращению времени для заботы и отношений, что опасно и контрпродуктивно.

Девятая глава использует этот анализ для обсуждения: могут ли количественные исследования использования времени поддержать феминистское утверждение о том, что женская неоплачиваемая работа делает значительный экономический вклад в капиталистических обществах, что женщины исполняют такую работу значительно чаще мужчин, что они имеют меньше «свободного» времени, чем мужчины, и что соответствующая политика стран Скандинавии создает более равное распределение времени для его использования между мужчинами и женщинами. Факты подтверждают два первых тезиса, но, на первый взгляд, подрывают третий и четвертый. Тем не менее, в главе также показано, что такие исследования в основном базировались на отдельных темпоральных представлениях, не отражающих значимые аспекты женского использования времени и серьезно искажают их опыт «свободного» времени. Поэтому более детальные исследования в большинстве случаев поддерживают аргументы феминисток о женских лишениях и негативных последствиях этого.

В десятой главе сводятся воедино теоретические и эмпирические аргументы всех глав книги для очертания основных контуров феминистской темпоральной утопии, или «ухронии». Это обеспечивает контрастное оценивание существующих темпоральных культур, темпоральных ориентаций в современных западных социальных государствах; сравнительные выводы и политические дискуссии вокруг рабочего времени и семейных обязанностей. Ее концовка посвящена обсуждению, можно ли и как перейти «отсюда — туда», выявлен ряд движущих факторов для прогрессивных изменений, в том числе сила оппозиции. Выводы книги подтверждают центральный аргумент работы: (1) политика времени должна быть в сердце феминизма и (2) феминистская политика времени выдвигает на передний план политические вопросы, имеющие огромное значение для каждого из нас.

Часть I

ВРЕМЯ, ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО: С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ОСНОВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВРЕМЯ, ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Размышляя о взаимоотношении со временем, нельзя обойти вопросы, связанные со смертностью, быстротечностью, памятью, длительностью и идентичностью. Даже поверхностные выводы ведут нас к умозаключению, что нельзя воспринимать время напрямую, тем более, как нечто внешнее, легко измеримое. Скорее, наше ощущение времени изменяется вместе с нашей жизнью (так, дни детства кажутся бесконечными, а на склоне лет — месяцы и годы проносятся с бешеной скоростью), время может вытягиваться и убыстряться в течение дня, и быстротечный момент теперешнего может обрести отдельное значение вследствие его ожидания или ретроспективного оценивания. Этот момент может «заморозиться» в нашей индивидуальной или коллективной памяти — взгляд через заполненное людьми помещение, роковой выстрел в Далласе... Мы также по-разному придаем значение и переживаем течение времени, — все зависит от наших взглядов на человеческую жизнь, как конечную или только лишь как прелюдию к вечной жизни. Определяется ли наша жизнь естественными ритмами времени года или же зависит от настенных часов? Можно ли сохранить наш опыт с помощью записей в дневниках или фотографиях, и понимаем ли мы теорию относительности Эйнштейна?

Эти отличия носят не просто личный характер, но в значительной мере определяются социально и культурно. Они также имеют важное политическое значение. К примеру, вера в то, что социальный, политический или экономический мир, в котором мы живем, неизменяемый и «естественный», или же история — это беспрекословная реализация Божественной воли: такие

представления, в политическом отношении, меньше будут способствовать развитию движений за политические перемены в мире, чем вера в то, что мир — это продукт человеческой деятельности, и потому мы можем изменить его ради нашего же блага.

Большая часть психологических, философских, научных и теологических последствий человеческих взаимоотношений со временем останутся за пределами книги. Цель этой и следующих двух глав более скромная и прозаическая: изучить важность и оценить последствия темпоральных перспектив анализа политики и действий; рассмотреть политические последствия различных «темпоральных культур» и выявить связь между моделями использования времени и системой власти, неравенства в современных капиталистических обществах.

Для решения этих проблем невозможно использовать уже готовую политическую теорию, так как в большинстве книг по политической теории понятие «времени» отсутствует, и в политической науке нет ни одной явной традиции темпорального анализа. Тем не менее, много работ по этой тематике написано в других социальных науках, и в этой главе мы будем опираться на работы социологов, историков и антропологов и несколько разрозненных исследований политологов, кто сознательно делал акцент на политическом значении времени.

В начальных главах мы отойдем от конкретных политических проблем для объяснения темпоральных допущений, лежащих в основе политической теории и практики. В них предложено краткое описание темпоральных концепций Маркса, Гидденса и Пайерсона и их аргументы против статичных, «одномерных» подходов к анализу политики в пользу исторической перспективы. Далее это будет использовано к анализу человеческой деятельности, политического изменения и развития социальной политики. Также защищается идея изменения перспектив времени: самого по себе, как ключевой части исторического контекста политических идей и возможностей. В конце кратко показан потенциал для феминистского развития, заложенный в марксистской материалистической концепции истории, теории структуры Гидденса и анализе моделей самоусиления поведения Пайерсона. Как следствие, развитие эффективных политических стратегий требует баланса между исследованиями воображаемых альтернативных сценариев будущего и реалистической оценки как ограничений, так и возможностей, присутствующих в каждый исторический момент.

Темпоральные перспективы: почему история имеет значение

Колин Хэй (Colin Hay) недавно отметил, что сегодня «существует очень влиятельная тенденция ограничить политическую науку анализом только дня сегодняшнего, все временные траектории к которому просто удаляются» (Hay 2002, p. 137). Это означает, что во многих политологических и социологических исследованиях преобладает «одномерный снимок» того, как общества и политические системы функционируют, с анализом политических выборов, изолированных от их исторических контекстов, институтов и социальных структур, которые воспринимаются как неизменные, а не в процессе становления, и время здесь заслуживает поверхностного упоминания, когда «случайно» происходят внезапные (и не прогнозируемые в таких теоретических координатах) изменения. В противовес таким подходам, эта книга разделяет мнение тех исследователей прошлого и настоящего, которые исходит из того, что политический выбор неизбежно историчен, обусловлен длительными историческими процессами и не может быть понят в изоляции от этого, и что неизбежно стабильность, так же как и изменение, требуют времени. Даже такие кажущиеся «неизменными сущности», включая индивидов, идентичности, институции и идеи, корректней рассматривать как «события, которые происходят», если «социальные системы существуют только как системы во времени и только с помощью времени» (Abbott, 2001, p. 256; Giddens, 1995, p. 17).

Маркс и Гидденс

Целесообразно начать наше исследование с Маркса, для которого время во многом было центральным компонентом мышления, и его исследования имеют непосредственную связь со всеми следующими теоретическими работами, посвященными времени и практической политике, связанной с ним. Маркс отрицал утверждения, что существующий социальный, экономический и политический порядок естественный и неизбежный, созданный безжалостными экономическими законами и что «человеческая природа» капиталистического общества — это отражение вечных сущностей. Напротив, Маркс считал, что для

понимания мира, как он есть, мы должны исходить из того, что он не всегда был таким, как он есть, и что он будет другим в будущем; это означает, что его можно анализировать только как соединение процессов, которые как сделали его таким, как он есть, так и изменят его же. Необходимо это учитывать для разработки эффективной политической стратегии. Вот почему политические действия не могут просто отбросить «вес истории» и менять мир, как им заблагорассудится; эффективность любого политического действия неминуемо включена в контекст, в котором он происходит, так как: «Люди создают историю, но они не могут делать ее такой, какой им заблагорассудится; они ее творят в условиях, которые не выбирают, а которые им заданы и переданы прошлым» (Marx, 1968 [1851—52], p. 97).

В марксистской оригинальной теории эта идея была использована для того, чтобы доказать, что движущей силой истории есть не идеи, а развитие продуктивных сил общества. Это значит, что способ добычи людьми средств для поддержания их собственного существования, инструменты и технологии, используемые людьми, научное знание, которым они обладают, создают социальные структуры и классовые противоречия, когда экономически доминирующий класс контролирует в своих интересах политические институты, право и идеи. Другими словами, модель любого общества обусловлена его конкретными материальными условиями и поддержанием структур власти эксплуататорского класса. Тем не менее, Маркс писал, что такие условия производства никогда не бывают в статике, и в процессе своего развития они создают новые классы с новыми классовыми интересами, создающие в свою очередь, после периода классовой борьбы, новые формы социальной и политической организации. Это значит, что государства и системы верований должны быть поняты как продукты развития классовых обществ, отражающих конкретные классовые интересы и формации. Используя свой подход к анализу капиталистических классовых обществ, Маркс доказывал, что это создает условия для пролетарской революции, которая принесет бесклассовое, коммунистическое общество. С таких позиций, капитализм — это не только эксплуататорская и деспотическая система, это также прогрессивная стадия человеческой истории, создающая как материальные условия, необходимые для свободного и эгалитарного общества, так и класс, на который возложена эта миссия.

Эти идеи — достаточно сложные и противоречивые — одна из явных проблем для конкретных прогнозов на основе марксистской теории, и до сего дня среди исследователей марксизма не

утихает дискуссия, насколько в его теории присутствует экономический и технологический детерминизм (см.: Blakeley and Bryson, 2005). Тем не менее, кажется возможным распутать эти проблемы на основе темпоральных принципов, и несколько ученых, различных политических ориентаций и интересов, эксплицитно развивали марксистские идеи или близкие к ним. Например, несмотря на то, что британский социолог Энтони Гидденс отвергает всякую телеологию и экономический детерминизм, понимание истории как классовой борьбы, он, тем не менее, эксплицитно опирается на марксистские идеи, на общество и его институты, утверждая, что их следует рассматривать как процесс, а не как застывший слепок; и что их можно понять только как продукт истории, определяющий условия для будущего. Как будет показано во второй и третьей главах, он также много перенимает из марксистского анализа времени как дефицитного ресурса и его овеществленной природы при капитализме.

Гидденс считает, что его собственная теория структуризации «привносит темпоральность в центр социальной теории». Отказываясь от принятой классификации социальных теорий как диахронных (сфокусированных на процессах исторического развития и изменения) или синхронных (рассматривает мир, как он существует в теперешний момент), его цель — понимание, как социальные системы сохраняются в пространстве-времени и их предрасположенность к переменам: «Изучение структуризации социальных систем — это изучение условий, управляющих их существованием, изменениями и распадом». Гидденса также интересуют пути генерации власти через структуры доминирования, и он приходит к мысли, что они не просто «существуют», но непрерывно воспроизводятся и модифицируются с помощью социальных практик. Такой подход отводит главную роль человеческой деятельности как повторяемым индивидуальным действиям, их аккумуляция — это социальные практики (а невозможность повторения таких действий приводит к их разрушению); с таких позиций действия должны пониматься как создающие социальные структуры, а не оппозиционные к ним. Наряду с этим, Гидденс считает, что социальные структуры сдерживают действия людей многими способами, он не верит, что действия людей предопределены. Это значит, что социальные практики и социальные структуры, поддерживающие их, — изменяемые; действительно, хотя они могут «растягиваться» на большие отрезки пространства-времени, «семена изменений присутствуют в каждом моменте существования социальных систем во времени и пространстве» (Giddens 1995, pp. 29, 27).

Подход «определенного пути»

Хотя теоретические предпосылки и источники весьма различны, неприятие Гидденсом статического понимания общества разделяют некоторые современные исследователи, использующие экономический концепт «определенного пути» («path dependence»). Известный экономист Дуглас Норт дает свою дефиницию «определенному пути» как «понятию, подходящему для описания огромного влияния прошлого на настоящее и будущее». Отказываясь от неолиберального допущения, что время ничего не значит и что экономические решения могут не принимать во внимание культурный контекст, Норт предположил, что изучение экономики — это изучение изменений, и эти перемены влекут за собой выбор, который, в свою очередь, формируется «идеями, идеологиями, мифами, догмами и предубеждениями», отражающими «кумулятивный опыт прошлых поколений, воплощенный в культуре» (North, 1994, pp. 364, 362). Анализируя пути, с помощью которых эта культура порождает позитивное самоусиление, и обратную связь для определенных решений и действий, он пишет, что мы можем увидеть, как определенные поведенческие модели становятся частью общества, а не выбираются с чистого листа «рыночной рациональностью» (rational decision).

Эти идеи имеют явные последствия для принятия политических решений и результатов политики, они были использованы рядом политологов, наиболее полно Полом Пайерсоном в его книге «Политика во времени» (Pierson 2004; см. также: Putman, 1993, критику и общий обзор проблемы в Greener, 2005). Исходным постулатом Пайерсона был тезис, что «история имеет значение», что «движущая картина» — это лучшая основа, чем «снимок» для понимания политических событий, институтов и следствий. Как и Гидденс, он утверждает, что анализ стабильности не может быть отделен от анализа изменений, что темпоральные измерения социальной жизни должны быть в центре анализа политики. Это значит, что если мы хотим понимать отдельные возможности и следствия, мы должны видеть дальше сегодняшних обстоятельств, изучать медленные, длительные процессы (такие, как распространение грамотности и демографические изменения), последствия которых проявляются со временем. Именно идеи самоусиления и позитивной обратной связи «определенного пути» помогают понять, как более ранние выборы могут ограничить будущие возможности: «Однажды установленные, системы политической мобилизации, институциональные «правила игры» и даже базовые модели мышления

граждан о политике часто порождают динамику самоусиления. Однажды акторы, став на рискованный путь, со временем поймут, что очень сложно повернуть назад. Политические альтернативы, которые были доступны вначале, дальше могут быть безвозвратно утеряны» (Pierson, 2004, pp. 10—11).

Как и Гидденс, Пайерсон снова обращается в своём анализе к власти, он утверждает, что «определенный путь» очерчивает: как структуры власти могут развиваться, как «неравенство во власти, изначально незначительное, может быть самоусилено со временем и пустить глубокие корни в организациях и доминантных моделях политического действия и понимания, так же как и в институциональных механизмах» (Pierson 2004, p. 11).

Масштабные результаты — это прямое следствие партикулярных решений. Анализ «определенного пути» исходит из того, что время таких решений имеет критическое значение, и чем больше времени прошло с тех пор, как это решение было принято и воплощено в жизнь, тем сложнее его будет изменить.

Анализ «определенного пути» связан с теперешним развитием нового научного направления — «исторического институционализма». В отличие от функционалистских подходов, объясняющих институты через их роль в поддержании существующей системы и отношении власти, этот анализ смотрит на институты через призму изменений и стабильности, старается объяснить, «какие специфические элементы существующих институциональных решений можно (или нельзя) изменить, и почему их некоторые аспекты более подвержены изменениям, чем другие» (Thelan, 1999, цитата за Kenny, 2006, p. 1, выделено в оригинале). Он подчеркивает, что институты не целостны, что интересы, альянсы, на которых они первоначально базировались, изменяются со временем, открывая новые возможности для маргинальных групп в достижении изменений» (см.: Thelan, 1999).

Темпоральность, действие и стратегии для политических изменений

Несмотря на различные политические ориентации и представления, Пайерсон, Гидденс и Маркс сходятся в одном: анализ политики должен фокусироваться на процессах, а не на моментах и действиях, и политический выбор и последствия формируют их политический контекст. Это не значит, тем не менее, что каждый из

них рассматривал действия как или predetermined или, более того, бессмысленные.

Так, Пайерсон считает, что несмотря на то, что «определенный путь» показывает, как политики, верования, институты и модели поведения станут препятствием на пути изменений, это ни в коем случае не означает, что изменения не происходят или то, что этот подход не может объяснить их. Скорее, этот подход помогает понять, что давление изменений растет, что даже траектория самоусиления может стать уязвимой для «противоположных» вызовов, и даже самое маленькое событие может стать спусковым крючком для радикальных изменений. Это означает, что политические стратегии должны искать потенциальные «критические точки» и концентрировать свои усилия там, а не пытаться плыть против течения истории. Они с большей вероятностью достигнут желаемого, если будут исследовать существующие модели мышления и поведения, а не просто отрицать и игнорировать их. Теория структуризации Гидденса также открыта для возможности изменений, изображая практики, сохраняющие долгое время отдельные институты и социальные условия как такие, что, в принципе, могут не повториться.

Для Маркса весь смысл теории был в понимании истории, для ее сознательного контроля и претворения в жизнь потенциального прогресса для человечества, содержащегося уже в настоящем. И хотя он известный своим пользующимся дурной славой прогнозом в деталях, на что социализм должен быть похож, он явно был мотивирован видением будущего. Пролетарская революция, ожидаемая Марксом в передовых капиталистических государствах, не произошла, и в то же время, его видение вдохновляло политических активистов повсюду в мире, хотя следствия их деятельности иногда были очень далекими от общества свободы и равенства, о котором он мечтал. В этом смысле его работа — прекрасная иллюстрация, непредсказуемой мощи его видения будущего, сгенерировавшей влиятельное политическое движение и потенциальную опасность любого рецепта, претендующего на окончательное решение всех проблем общества (классическую критику такого «историзма», см. у Popper, 1957).

Хотя собственное обращение Маркса к истории было не очень успешным, смысл истории очень важен в развитии, артикуляции, (вос)производстве или эрозии коллективной идентичности, и такая идентичность часто базируется на общем прошлом. Когда доминирующие группы (часто неосознанно) представляют свое собственное восприятие и опыт как окончательный ответ на то, «что происходило», «другие», маргинализованные группы, остаются за пределами истории жертвами «культурного империализма», де-

лающего их «... невидимыми в качестве субъектов, личностей со своими целями и специфичным групповым опытом и интересами» (Young, 1990, p. 123; см. также: Griffiths, 1999, p. 150). Из коллективной памяти были стерты воспоминания о целых цивилизациях (например, о древних африканских государствах) или выдающихся личностях (например, о женщинах-художницах), членам подчиненных групп было отказано в гордости и самоуважении, способствующих политической активности. Другими словами, лишение людей их истории, лишает их собственного темпорального опыта, имеющего критическое значение для групповой идентичности и придающего смысл их деятельности. И наоборот, самосознание некоторых групп (таких как женщины и меньшинства на Западе или аборигены в колонизированных странах) (при)открывает свое собственное прошлое как источник расширения возможностей и основу для политической мобилизации.

Социальные государства во времени

Ощущение исторического контекста очень важно для понимания существующих вариантов политики и их реализации в современных социальных государствах. Пайерсон первым применил сравнительный подход «определенного пути» к анализу социальной политики (welfare policies). Как и другие исследователи, он считает изменения в семейной структуре, снижение рождаемости, старение населения, выход женщин на рынок труда и всемирную экономическую конкуренцию источниками нарастающего кризиса. Он утверждает, что все эти вызовы «делают невозможным поддержание существующего статус-кво» в сложившихся социальных государствах, и эти государства вынуждены отвечать на них по-разному, в зависимости от функционирующих в них институтов, политик и идей, создающих пространство для политических маневров (Pierson, 2001a, p. 416; см. также другие главы: Pierson, 2001b; критику такого подхода: Вурне, 2003).

Все эти идеи восходят к влиятельному исследованию «Три мира социального капитализма» (1990) Геста Эспин-Андерсена (Gøsta Esping-Andersen), определяющего, как различные политические траектории создали разные типы «режимов благосостояния». Хотя он признает их некоторое сходство и различие, Эспин-Андерсен определяет три основных типа таких режимов: либеральные (Австралия, США, Канада и их своеобразный гибрид — Великобритания), корпоративные/консервативные (в основном континентальная

Европа) и социальные демократии (Скандинавия). Они различаются в зависимости от того, как общественное благосостояние распределяется и кого охватывает: либеральные режимы характеризуются низким уровнем социальной помощи для безработных и тех, кто не может работать, ее неравномерным распределением в обществе; выплаты государством социального страхования в зависимости от трудового стажа и отчислений с зарплаты — это главный распределитель благосостояния в корпоративных/консервативных режимах, а в социально-демократических режимах все граждане солидарно получают высокие социальные выплаты, вне зависимости от их личного вклада в общее благосостояние. Классификация Эспин-Андерсена отражает не просто политическую составляющую, но и социально-классовое расслоение, гражданственную культуру — с их помощью тип режима формирует классовую структуру общества. Таким образом, на одном полюсе находится режим стран Скандинавии, созданный сильным рабочим движением и сведением к минимуму классовых различий, а на другом — США, где рабочее движение слабое и социальная политика поддерживает классовое неравенство. Сам Эспин-Андерсен не придавал особого значения организации времени в режимах благосостояния; этот аспект будет рассмотрен дальше — в третьей и шестой главах.

Указанная классификация помогает понять, как различные социальные государства будут реагировать на существующие вызовы (см.: Esping-Andersen, 2002a). Она также помогает определить продолжающиеся различия в общих ответах на вызовы. Например, хотя «общественные работы» как часть социальной политики были введены во многих европейских странах, так же как и в США, в первых они рассматривались в контексте социальной интеграции граждан, а в США — как часть идеологии независимости, очень влиятельной в этой стране (Vugne, 2003). Тем не менее, это не означает, что такие ответы будут просто определены уже существующими идеологиями и режимными условиями. Как пишет Роберт Кокс (Robert Cox) (2004), хотя скандинавским странам удается удерживать свое развитие в пределах траектории, направленной ключевыми ценностями универсализма и солидарности, эти ценности время от времени вступают в противоречие друг с другом, поддаются новым интерпретациям, открывая горизонты новых политических курсов. С другой стороны, Стюарт Вайт (Stuart White) (2003) считает, что сдвиг к политике равенства в США и Великобритании возможен, базируясь на близости ценности равенства с идеями свободы и самоусовершенствования, распространенными в этих странах. Идея равенства, как он считает, при этом будет по-

новому прочитана, найдя точки соприкосновения с гарантиями и защитой гражданских прав человека. Возможность таких радикальных изменений возрастает, если, как утверждает Пайерсон, социальные государства действительно достигли некой «критической точки», в которой существующий политический курс вести дальше не представляется возможным.

Политическая теория, политические движения и изменение представлений о времени

Подходы Гидденса, Пайерсона и Маркса резонно предлагают смотреть на время и его понимание в историческом контексте его возникновения и использования. Несмотря на то, что идеи Гидденса связаны с европейскими социологическими и философскими традициями, включая марксизм, он непосредственно не касается способов, как темпоральные представления были там разработаны. Пайерсон также не применяет подход «определенного пути» к возникновению собственных идей. Напротив, Маркс прекрасно осознал, что его идеи могли возникнуть только на определенном этапе человеческого развития (на этапе, когда противоречия капитализма разрушали его изнутри и стала понятна революционная роль пролетариата в этом процессе). Он утверждал, что именно его историческое положение позволило ему понять силы, ведущие к будущему социализму, этим его теория отличается от более ранних «утопических» представлений о социализме, рассматривающих социализм как вневременный, этический идеал.

Очевидно, что вера Маркса в человеческий прогресс и его собственный оптимизм отражали общий дух философии Просвещения, доминирующей в западной политической мысли с конца 18-го века, утверждавшей, что постепенное накопление знаний и мудрости позволит людям радикально улучшить общества, в которых они живут (см.: Bury, 1960; Foley, 1994). В этот период родилось новое понимание революции как радикального нового начала, а не просто еще одной фазы бесконечно повторяющегося цикла (см.: Kamenka, 1966; Walzer, 1966). Эти идеи Просвещения были связаны с серией радикальных и революционных движений, наиболее известными из которых были: принятие американской Декларации Независимости 1776 года и Французская буржуазная революция 1789 года.

Явный секуляризм большинства идей Просвещения резко контрастировал с тем типом европейского темпорального мышления,

который преобладал в более ранние периоды европейской истории. Представители классической греческой философии видели историю в терминах циклического повторения и восстановления, а не линейного развития; эти идеи не совместимы как с верой в прогресс, так и с утверждением, что история движется к некоей конечной цели. Хотя две эти новые идеи были представлены в ранней христианской мысли, доминирующим стало видение истории, как линейного прогресса от Сотворения через Грехопадение к Судному дню (тут конец истории возможен только после окончательной победы сил добра над силами зла в решающем сражении), этот процесс рассматривался полностью вне контроля обычных смертных. Один из немногих политологов, осмелившихся осторожно мыслить о взаимосвязи времени и политической теории, был Роберт Покок (Robert Posock). Он считал, что такие средневековые представления о времени оставляли мало места для рационального исследования и понимания секулярных политических изменений. Поэтому мыслители, жившие в те времена, сосредоточили всю свою интеллектуальную энергию на постижении Божественных целей и вечных истин, а не на том, что они считали временным, иррациональным миром человеческой активности. И Покок утверждает, что эти представления ограничивали возможности политической мысли вплоть до 17-го века (Росок, 1973; см. также: Bury, 1960; Wolin, 1961; Lane, 2000). Рут Левитас (Ruth Levitas) высказала схожую мысль, но считала, что такая ситуация не существовала до 17-го века, а до появлений первых социальных утопий как «выраженных стремлений лучшего порядка существования», связанных уже с человеческим временем и обеспечивающих мотивацией для политических действий (Ruth Levitas 1990, p. 191).

Хотя средневековое христианство не поощряло каких-либо интеллектуальных исследований политических возможностей или краткосрочных мирских целей, оно стало благодатной почвой для миллениаристских движений, периодически возникающих в различных европейских странах, из людей самовольно оставляющих рутину жизни и следовавших за харизматическими лидерами, обещавшими скорый приход Христа на землю и Судный день. Несмотря на видимое снятие таких эсхатологичных сценариев рациональностью просветительской мысли, Норман Кон (Norman Cohn) утверждает, что тоталитарные движения 20-го века показали, что эти «древние представления все еще с нами», тогда как ряд других авторов считали марксизм сохранившим эти средневековые модели в светской форме (Norman Cohn, 1957, p. 308 и 1962; Talmon, 1962; Olssen, 1968).

Светские и оптимистические представления Просвещения никогда не были всеобщими, усиление политического влияния христианского и исламского фундаментализмов в начале 21-го века означает, что и в наши дни политические действия и решения находятся под влиянием темпоральных представлений, логика которых лежит за пределами человеческого, «земного» времени. К примеру, значительное количество граждан США верит в неотвратимость Судного дня, что не может не влиять на отношение этих граждан к глобальному потеплению и конфликту на Ближнем Востоке. Оптимизм в наши дни тяжело дается и для светских мыслителей, современная западная мысль не может игнорировать ужасов политических экспериментов 20-го века и возможности того, что возросшие научные знания ведут не к прогрессу человечества, но к экологической и военной катастрофе беспрецедентного масштаба. Как пишет Левитас (Levitas, 1990, 2001), это чувство постоянной угрозы больше способствует мрачным, а не утопическим мыслям, она указывает на распространение повального чувства фатализма, затрудняющего позитивное мышление о том, какое общество нам бы хотелось достичь. Неуверенность в будущем была усилена открытиями естественных наук, считающих время относительным явлением, это нашло свое философское выражение в постструктуралистской/постмодернистской критике идеи прогресса, уверенности в объективности знания. Хотя такие идеи не исключают политической активности, они скорее поддерживают реформы, а не революции, локализованные формы протеста, а не масштабные изменения.

Важно не упрощать причинно-следственные связи между политической деятельностью и темпоральными представлениями, между общими (схематичными) моделями и тенденциями (см.: Lane, 2000). Для многих отдельных темпоральных представлений, существующих в обществе или мышлении отдельного человека, время может одновременно пониматься и как своеобразная абстрактная длительность, повторяемость, и как переживание изменения. Как бы там не было, существуют основания утверждать, что изменение представлений о времени оказывает влияние на человеческое понимание политических возможностей и их действительности, а это влияет и на то, какие они принимают политические решения.

Политические последствия и выводы

Исследователи, чьи работы мы рассмотрели в этой главе, мало что писали о женщинах и гендерных вопросах, а многие их идеи могут показаться далекими от повседневной жизни или практиче-

ской политики. Тем не менее, как будет показано в следующих частях книги, они имеют значительный потенциал для феминистских концептов и в целом — значительную релевантность для развития эффективной политики и политических стратегий.

Следующие главы покажут, что радикально переформулированная версия материалистической концепции истории Маркса, может включать в себя и традиционную семейную и «(вос)производственную» деятельность, приоткрывая противоречия между современными производственными и воспроизводственными условиями, делающих существующие социальные механизмы неустойчивыми. Теория структуриации Гидденса также подразумевает, что гендер, в принципе, как и другие социальные институты, уязвим для изменений через механизмы неповторения действий, непрерывно поддерживающих его до сих пор. Такие действия включают в себя конформизм по отношению к нормам гендерного времени, создающих неравное разделение на домашнюю работу и работу, выполненную в официальных местах труда. Это означает, что отдельные индивиды или государства могут бросить вызов традиционным моделям гендерного поведения, нарушив тем самым институт гендера как таковой и вызвав небольшие изменения, имеющие в дальнейшем важный кумулятивный эффект. Хотя, на первый взгляд, анализ Пайерсоном самоусиливающихся моделей предполагает, что гендерное поведение не может быть изменено на следующий день после принятия такого решения, его теория поощряет нас искать потенциальные источники конфликтов и давления на индивидуальном и коллективном уровнях. Сейчас, похоже, мы приближаемся к «критической точке», с точки зрения гендерной социальной политики, открывающей перед нами как возможности, так и необходимость радикальных изменений.

В общем, присутствие исторической перспективы напоминает нам, что мы неизбежно «начинаем из нее», а не из некой идеальной ситуации. Поэтому мы должны определять политические возможности и затруднения в этом реальном контексте. Это также означает, что наш выбор ограничен существующими институтами, идеями и структурами власти, но и они не будут существовать вечно и монолитно. Скорее, это продукт истории, существующий благодаря человеческой деятельности во времени. Они часто непреднамеренно и противоречиво развивались, вот почему являются потенциально открытыми для вызовов и изменений. Помогая определять проявления долгосрочных и краткосрочных процессов, анализ прошлого дает нам информацию о настоящем, а также руководство для формирования будущего. Создавая его, мы нуждаемся в смысле, отличном от настоящего; в этом значении утопическое

мышление — это важная составляющая развития радикальных политических альтернатив (Levitas, 2001). Тут нужно быть очень ловким для сохранения баланса между реалистической оценкой политических возможностей и пониманием еще не существующего. Необходимо осознавать, что мы не игрушка в руках истории, но и не обладаем абсолютной свободой. Подобный баланс удержать сложно. Это чуть легче (возможно!), если мы осознаем историческую природу собственного темпорального мышления, следствия этого для нашего понимания политических целей и действий, для нахождения возможных союзников и оппонентов. Тут мои собственные убеждения об изменчивости гендерных механизмов предполагают противоречия с временными представлениями тех, кто считает, что гендер дан на все времена Богом или природой. Мои представления о том, что это несправедливо, также предполагают существование некоего вневременного понимания справедливости, выходящей за пределы отдельных обществ (эта мысль оспаривается некоторыми современными феминистками). Между тем, хотя я стараюсь поддерживать в себе оптимизм Просвещения и убеждение, что индивидуальные и коллективные действия могут улучшить мир, мне все сложнее смотреть в будущее с оптимизмом. Причинами этого могут быть как мой возраст, так и доминирующие предположения современных «постмодернистских времен» — ведь понимание своеобразия собственных темпоральных убеждений соответствует акценту постмодерна на их относительности. Это чувство только усиливается от исследования «темпоральных культур», рассматриваемых в следующей главе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ/КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ВРЕМЕНИ

Первая глава содержала дискуссию об изменениях темпоральных представлений, лежащих в основе политической теории. Хотя литература по этой теме достаточно разнообразна, идея о том, что наше понимание времени исторично и социально изменчиво, также поддерживается все новыми исследованиями различных социальных наук. После краткой характеристики идей социологов и антропологов по указанной тематике в этой главе мы рассмотрим различные «темпоральные культуры», связанные с переходами от традиционного времени к модерну и постмодерну. Эти переходы затрагивают вопросы власти и контроля, а завершающая часть этой главы определяет возможные источники сопротивления времени часам капиталистической экономики.

Дюркгейм и после него: социальные функции времени

Отправной точкой для многих социологических и антропологических исследований времени является тезис Эмиля Дюркгейма о том, что человеческое понимание времени не носит врожденный характер, не просто отражает ритмы природы. Скорее, оно социально конструируется, это своеобразный изменчивый «социальный институт», который старается быть «... объективно понятым каждым в пределах единой цивилизации» и связывать индивидуальное с коллективным путем удовлетворения отдельных потребностей данного общества (1971 [1912], p. 10; в таких теоретических координатах написан ряд работ, см.: Starkey, 1988; Hassard, 1990; Gell, 1992; более критический подход, см.: Gell, 2000).

Многие социологи в дальнейшем поддержали и развили эту идею Дюркгейма, указывая на то, что время — это «социально-культурная конструкция, поддерживающая координационные усилия людей в мире и координацию их деятельности» (Goudsblom, 2001, p. 20), и что «измерение времени в своей основе зависит от организации и функций группы» (Sorokin and Merton, 1990 [1937], p. 60). С этой точки зрения, различные общества (или разные группы внутри одного общества) с различными моделями социальных

взаимодействий будут иметь разное восприятие времени, сталкиваясь с различными коллективными потребностями. Некоторые исследователи распространяют этот функционалистский анализ даже на «девиантные» темпоральные культуры, также существующие в интересах всего общества. Например, в 1960-х годах Льюис и Роуз Козеры (Lewis Coser and Rose Coser) пришли к выводу, что хотя, на первый взгляд, нежелание латиноамериканцев из низших классов постоянно работать и планировать свою деятельность противоречит ориентированной на будущее темпоральной культуре США, это может быть удобным для сохранения классовых различий, необходимых для стабильности в обществе, и уменьшает конкуренцию в достижении высших статусных позиций (!) (Lewis Coser and Rose Coser, 1990 [1963]). Многие до сих пор ссылаются на «классическую» работу Юлиуса Рота (Julius Roth) о пациентах туберкулезного диспансера, в которой он показал, что люди имеют психологическую потребность в «расписаниях» для структурирования течения времени и придания ему значения. Рот также пришел к выводу, что пациенты создают собственные групповые нормы для понимания того, сколько времени занимает каждый этап лечения, и рассматривают собственный прогресс в лечении «скорее в терминах такого этапного времени, а не с точки зрения изменений, происходящих в их собственных легких» (1963, p. 15; см. также: Frankenberg, 1988). Таким же образом рабочие могут создавать искусственные темпоральные структуры для уменьшения монотонности скучной работы (Roy, 1990), тогда как отсутствие темпоральных структур порождает разрушительный эффект: известное исследование австралийской деревни в 1930-е годы, где почти все мужчины были безработными, показывает, что они потеряли целеустремленность, ходили намного медленнее, чем до этого, питались не вовремя или забывали делать это (обсуждается в Johada, 1988).

Между тем, антропологи рассматривают изменения социально-времени как центральную проблему для объяснения функционирования общества. Действительно, «проблема времени» была одной из основных для такой дисциплины, как антропология, с самого начала ее существования (Greenhouse, 1996, p. 9). Важные исследования Малиновского аборигенов острова Тробриан в 1920-е годы и племени Нуэр Эванс-Причарда в южном Судане в 1930-е показали, что время в «традиционных» или «примитивных» обществах понимается и измеряется в зависимости от природных процессов (таких, как фазы луны), повседневной деятельности (таких, как время приема пищи) или других конкретных событий (таких, как «перед большой бурей»). В подобных обществах историческая память близка к мифу, будущее рассматривается как продолжение

настоящего, часть вечного цикла, а не как открытое к инновациям и изменениям. Таким образом, Эванс-Причард обнаружил, что в отличие от современных западных обществ Нуэр не имеют слов для абстрактной концепции времени или ресурса, существующего независимо от их деятельности, который можно измерить и потом использовать. Их жизни не были структурированы никаким внешним распорядком, и они не нуждались ни в каких других часах, кроме «крупного рогатого скота и распорядка его выпаса»; он пришел к выводу, что в этом «Нуэр повезло» (Evans-Pritchard 1940, pp. 101, 103; см. также: Malinowski, 1990 [1926—27]). Недавно Эдвард Холл (Edward Hall) (1989) предложил различать «монокроническое» время, в котором события рассматриваются как дискретные, отдельные элементы, и «полихроническое», где многочисленные события происходят одновременно. Он утверждает, что первое характерно для Северной Европы и США, второе — для Средиземноморья, Латинской Америки и Ближнего Востока. Холл также подчеркивал, что монокроническое время носит искусственный характер и что во всех обществах полихроническое (названное им также женским временем) распространено в домохозяйствах.

От традиционного времени к времени модерна

Идея о том, что «другие» общества имеют отличную взаимосвязь со временем, чем «наше собственное», исследована в многочисленных современных исторических работах, которые сходятся в том, что важные изменения в отношении времени в западных обществах между 15-м и 19-м веками совпали с распространением капитализма и фабричного производства; это часто обосновывается как сдвиг от традиционной к современной темпоральной культуре (см., к примеру, Thompson, 1999 [1967] и Thrift, 1988, 1990; общий обзор и критику см.: Adam, 1990, 1995, 2004; Nowotny, 1994; Macnaghten и Urry, 1998). В соответствии с этими исследованиями, традиционное время базировалось на естественных ритмах времени года и делах, которые нужно было делать: люди просыпались с первыми лучами солнца, ложились спать, когда наступала тьма, занимались работой в соответствии с временем года и отдыхали так же. Это был «вечный», вневременный цикл, их отношение ко времени было местечковым, связанным с делами, сезонным и повторяемым.

С развитием капитализма и индустриализацией это традиционное время постепенно начинает исчезать, заменяясь временем мо-

дерна. Последнее было связано с выплатой заработной платы рабочим не за исполненные отдельные задания и вид работы, но за то, как долго длится их рабочий день. Час и его длина были стандартизированы для нужд механического производственного цикла и максимизации прибыли, а не с сезонными изменениями или индивидуальными наклонностями, пожеланиями работников (см.: Thompson, 1999 [1967]). Поэтому коммерциализация труда была связана с овеществлением времени и зависела от распространения убеждения, что время — это абстрактный, поддающийся количественному выражению делимый ресурс, который можно продать и купить. В таком смысле время стало равноценно деньгам, и так же может быть инвестировано, потрачено, накоплено. Действительно, Макс Вебер, подыскивая цитату для выражения «духа капитализма», остановился на словах Бенджамина Франклина: «время — это деньги», сказанную им для объяснения начала промышленной революции (Weber, 1965 [1904—05], p. 48).

Для того чтобы превратиться в деньги, время должно быть измерено; становление времен модерна требовало развития более точных способов его измерения и оценивания. Как и в более ранних обществах, время в средневековом обществе могло быть измерено с помощью солнечных, песочных и водяных часов; его публично объявляли с помощью звона церковных колоколов, а строгая временная дисциплина была распространена во многих монастырских орденах. Тем не менее, только с распространением механических часов в конце 13-го века время начало измеряться точно и надежно, поощряя научное изучение его как отдельного феномена, существующего независимо от человеческого сознания. Около 1687 года, когда была опубликована книга «Математические начала натуральной философии» (лат. *Philosophiae Naturalis Principia Mathematica*) Исаака Ньютона, большинство церковных приходов уже имели часы также на соборах и небольшие механические часы стали доступны обывателям. Это упростило принятие людьми концепции времени Ньютона как объективного, измеряемого, делимого и независимого от опыта наблюдателей, их деятельности, восприятия и памяти. Отношение к единице времени, как поддающейся количественному определению, делает ее подлежащей обмену; таким образом, часы стали основой для коммерциализации времени как неконтекстуального ресурса. Эта единица времени может быть средством обмена и имеет постоянную ценность (часы «говорят», что каждый час имеет равную длину, как бы они не были воспринимаемые). В этом смысле идея, что рабочим можно платить за их время, всецело зависит от «создания нетемпорального времени» (Adam, 1995, p. 90).

Часы также создали возможность для последующего распространения фабрик, деятельность которых зависела от синхронизации рабочего времени. Эту зависимость умело проиллюстрировал Маркс в своем «Капитале», где он приводит цитату хлопкового магната: «Когда рабочий не использует свою лопату, он бесполезен, и за этот период капитал теряет восемнадцать пенсов. Когда один из наших рабочих покидает мельницу, он делает бесполезным капитал стоимостью в £100,000» (1946 [1867], p. 404). Для максимизации прибыли только времени работы рабочих было недостаточно; они к тому же должны были работать с максимальной эффективностью. Маркс определил некоторые процессы труда, интенсификация которых может повысить их продуктивность, несмотря даже на то, что рабочее время уменьшено законом; позже идеи «научного менеджмента» и изучение затрат времени на одно действие были связаны с Фредериком Тейлором, чьи «Принципы научного менеджмента», опубликованные в 1911 году, представляют собой логическое продолжение указанных процессов.

Процессы накопления капитала также требуют нового ощущения будущего, которое будет отличным от прошлого, будущего, детерминированного деятельностью в настоящем. Этот взгляд поддерживался и ньютоновскими представлениями о времени, где оно рассматривалось как стрела, летящая вперед. Эти воззрения вступают в конфликт с традиционной, темпорально-циклической культурой и со средневековыми религиозными представлениями, рассмотренными в предыдущей главе. Конечно, не только ощущение мирского будущего мотивировало собственников капитала инвестировать, а не тратить весь доход, который они получали. Как утверждает Макс Вебер в «Протестантской этике и духе капитализма», инвестирование мотивировалось также некоторыми подходами протестантской теологии, созданной в 17-м столетии. Среди верующих эти убеждения генерировались глубокой тревогой в своей избранности и верой, что упорная работа — это знак избранности Богом, что «Расточительство времени — ... это один из смертных грехов» (Weber, 1965 [1904—2005], p. 157). И хотя этот религиозный пиетет вскорости испарился, Вебер утверждает, что этот «христианский аскетизм» остался важной движущей силой 19-го века.

Убежденность в том, что моральность может быть приравнена к упорной работе, а индивиды, любящие роскошь и беззаботное времяпровождение, будут гореть в аду — не ограничивалась классом капиталистов. Работодатели явно хотели привить эти убеждения работникам через воскресные проповеди и приходские школы. С этой целью рабочим внушали, что бесцельно тратить время — это не только расточительно, но и противоречит морали: «В развитых капи-

талистических обществах все время должно быть употреблено, продано и использовано; это отвратительно для рабочих — просто «убивать время» (Thompson, 1999 [1967], p. 395; see also Nowotny, 1994, pp. 118—19). Тем не менее, как утверждал экономист 18-го века Адам Смит, рабочие также мотивированы упорно и долго работать, если они видят, что это улучшает их жизнь (см. дискуссию по этому вопросу: Nyland, 1990). Но как только качество жизни улучшилось, отношение к работе тоже изменилось: «Больше рабочие не будут искать работу до тех пор, пока имеют достаточно денег на неделю. Не только настоящее, но и будущее — теперь это деньги» (Thrift, 1990, p. 119). Как отмечает Найджел Срифт (Nigel Thrift), эти изменения в сознании рабочих впечатляюще показаны Пьером Бурдьё на примере алжирских рабочих в 1950-е, сокративших свои рабочие часы, когда их заработная плата несколько возросла. Когда же она была удвоена, они, наоборот, старались увеличить свое рабочее время: «Было похоже на то, как будто они внезапно ощутили, что их собственное будущее находится в их же руках» (Bourdieu, 1990 [1963], p. 236). Напротив, Маркс столетием раньше упоминал «восхитительный вопль гнева» «Вест Индийских» критиков эмансипации, недовольных тем, что их бывшие рабы бросали свои рабочие инструменты, как только они производили достаточно для своего собственного потребления. Они говорили: «этот сахар, и все остальное на плантациях пусть хоть исчезнет, и может отправляться в ад» и считали праздность, а не накопление богатства, настоящей роскошью. Эти рабочие, как писал Маркс, «перестав быть рабами, не стали и наемными работниками, только самостоятельными крестьянами» (Marx, 1971 [1857—58], p. 101).

Маркс считал, что превращение работы в товар — это центральный элемент эксплуатации рабочих при капитализме; он противопоставлял отчужденное время, проведенное на работе, воспринимаемое как потеря собственной человечности и свободно избранной деятельности, времени досуга — единственного времени, когда рабочий ощущал себя свободным. Как писал Гидденс, это означает, что ««рабочее время» и «наше собственное», или «свободное время», становится главным водоразделом нашего каждодневного опыта», не будучи «органично связанными с ритмами природы» (Giddens, 1995, p. 137). Тем не менее, капитализм все в большей степени требует, чтобы рабочие тратили и свое свободное время на потребление. Ведь ему не только требуется рынок для сбыта своих товаров, но и готовность рабочих потратить больше своего времени, мотивированных желанием употребить больше материальных благ (Thrift, 1990; Nowotny, 1994). Следствие этого будет обсуждаться в третьей главе.

От времен модерна к временам постмодерна

Как мы уже выяснили, нечто новое и отличительное для овеществления времени часов стало организационным принципом индустриального капиталистического общества. Тем не менее, не следует выставлять в ложном свете доиндустриальное общество как своеобразное «пасторальное золотое время», характеристиками которого была гармония с природой и «темпоральная невинность» (Thrift, 1988, pp. 57, 55), игнорируя тем самым сложности крестьянской жизни и ощущение будущего как постоянного строительства всеми последующими поколениями больших средневековых соборов. Распространение времени-часов также было неполным и по-прежнему незавершенным.

На более глубоком уровне человеческий опыт времени хотя и социально вариативный, но тем не менее ни один человек не может всецело уйти от биологических ритмов, влияющих на время нашего рождения и смерти, время, когда мы хотим есть и спать, и даже такое время дня, когда мы чаще ходим в туалет (более глубокое и захватывающее обсуждение см. у Foster and Kreitzman, 2004). Некоторые религии поддерживают определенные модели использования времени (такие, как частые молитвы и нерабочее время в шабат), противоположные требованиям капиталистической эффективности. Несмотря на усиление «коммерциализации личной жизни» (Hochschild, 2003, название книги), семейные и личные отношения часто имеют другие темпоральные ритмы, чем ритмы на работе, и, как будет показано далее, это дает основание некоторым феминисткам утверждать, что мужчины и женщины живут в разных темпоральных культурах. В целом антрополог Сюзан Гринхаус (Susan Greenhouse) отрицает идею, что «целые» общества имеют одну единственную темпоральную культуру, утверждая, что в любом обществе «понимания «времени» сами по себе вариативны и не урегулированы» (Greenhouse, 1996, p. 93), а Барбара Адам отмечает, что каждый из нас в любом обществе неизбежно живет с многообразием темпоральных культур, и в каждый момент времени мы никогда не бываем просто в настоящем, а также и в прошлом или будущем: в сетях надежд, страхов, планов и прогнозов (Barbara Adam, 1990, 1995, 2004).

Это ощущение многообразия и сосуществования различных видов времени усилено открытиями в естественных науках, где была отброшена ньютоновская концепция времени как неизменного и объективно измеряемого (см.: Adam, 1988; Macnaghten и Urry, 1998; Bluedorn, 2002). Это также входит в резонанс с некоторыми представлениями о современном «состоянии постмодерна», для ко-

того характерна текучесть, неопределенность и отрицание бинарных классификаций или идеи линейного прогресса (хотя это утверждение само похоже на форму классификации и линейное темпоральное развитие от модернизма). В современных обществах время, похоже, все более распадается на фрагменты и непоследовательности: одновременно глобальное и локальное, с традиционными расписаниями и календарями, поставленными с ног на голову в обществах 24/7¹⁴, где Рождество начинается в октябре и супермаркеты никогда не закрываются. Теперь время сжимается и растягивается, так как наши жизни связаны с невообразимой скоростью информационных технологий и «замороженной», невообразимо медленной скоростью эволюционных изменений (Harvey, 1989; Macnaghten and Urry, 1998). Хотя «расчет времени в конце 20-го столетия достиг беспрецедентных масштабов, методичности, упорядоченности и точности», распространившись глубоко в прошлое (позволив ученым даже выяснить, когда начала существовать наша Вселенная) (Goudsblom, 2001, p. 33), отсутствие уверенности в будущем порождает вопрос, а будет ли оно вообще и если да, то каким будет (Adam, 1995)? Алан Блуедорн (Allen Bluedorn) (2002) горько сокрушается об отсутствии «темпоральной глубины» в американском обществе, утратившем смысл прошлого и будущего. Для Хельги Новотни (Helga Nowotny) сама логика капитализма, сделавшая время дефицитным товаром, сейчас его же ускоряет; она описывает старый миф о Хроносе, который страшился будущего и пожирал своих детей; по ее мнению, это очень похоже на современную ситуацию, где «настоящее, запустив механизм ускоренных инноваций, начинает пожирать будущее» (Helga Nowotny, 1994, p. 11).

Некоторые видят современный мир погруженным в бесконечный поиск мгновенного удовлетворения своих потребностей, где краткосрочные прибыли осуществляются за счет долгосрочного процветания, а пожизненный брак и привязанности заменяются на мимолетные отношения, где садоводство получило новый коммерческий «облик», домашняя пища замещается рестораном быстрого питания, и пожилые люди больше не мудрые, они просто «несовременные», политиков сразу же забывают, если они не могут предложить быстрых решений комплексных проблем, политические же дебаты сводятся к десяти секундам информации в вы-

---

¹⁴ «Общество 24/7» — современный социальный феномен, вызванный развитием информационных технологий и Интернетом, общество, в котором «никогда не заходит солнце», общество «вечного теперешнего», в котором деятельность не приостанавливается ни на минуту, без выходных и перерывов: 24 часа в сутки, 7 дней в неделю. — *Прим. переводчика.*

пуске новостей. Другие видят его одним целым, где овеществленные время-часы вторгаются во все сферы жизни: мобильные телефоны и электронная почта разрушают границы между работой и домом, затурканные родители вступают в борьбу со своим рабочим графиком ради своих детей и все меньше времени остается для неоплачиваемой политической и общественной деятельности.

Тем не менее, если мы вспомним об аргументах, приведенных выше, о том, что «нет одного времени, есть много времен» (Macnaghten and Urry, 1998, p. 143), тогда станет возможным увидеть, что «старые» представления о времени и способе жизни не исчезли полностью, а новые «мгновенные» средства глобальной коммуникации открывают позитивные возможности для новых форм политической мобилизации и участия. Если мы также признаем, что некоторые темпоральные культуры могут доминировать или бороться за доминирование в определенные времена, тогда мы сможем анализировать, как эти процессы связаны с более широкими вопросами власти и контроля, поставив перед собой ряд вопросов: какие структуры определяют жизнь и в чьих интересах, кто следит за тем, чтобы правила соблюдались, и как эти процессы происходят? (Adam, 1990, p. 109). С этой точки зрения, конфликт между темпоральными культурами, по своей сути, это конфликт политический.

Все времена не равны: проблема власти и контроля

Спротивление идее о том, что время должно быть измеримым и его измерение должно структурировать нашу повседневную жизнь, можно отыскать в далеком прошлом, как минимум во втором веке до нашей эры, когда персонаж древнеримской комедии прокликает солнечные часы за то, что те «порезали и порубили прескверно мой день на мелкие ошметки», и они диктуют, когда он должен есть, а не голод и его желудок (цитата за Foster and Kreitzman, 2004, pp. 12—13). Однако, хотя измеримое время могло вызвать ропот отдельных индивидов, мы не имеем никаких доказательств коллективной оппозиции часовому времени, вплоть до эпохи промышленного капитализма.

В своей влиятельной работе, впервые опубликованной в 1967 году, Эдвард Томсон показал, что распространение овеществленных времени-часов на рабочую силу в Британии не обошлось без борьбы, и последующим конфликтам между рабочими и работодателями по поводу количества часов работы предшествовала «борьба против времени», т.е. против идеи, что работа должна измеряться часами, а

не исполненными заданиями, что рабочие должны каждый день отрабатывать определенное количество часов, независимо от любых внешних факторов. Хотя Срифт утверждает, что этот процесс был более неравномерным, чем Томсон описал, но он соглашается с ним в том, что часовая временная дисциплина была успешно навязана британским рабочим в 19-м веке с помощью системы наказаний, поощрений и воспитания. По его мнению, другая массовая кампания 19-го века за ограничение рабочих часов только продемонстрировала, что рабочие перестали бороться против базовых принципов времени: «С этого дня они могли выигрывать отдельные битвы, но война ими уже была проиграна» (Thrift 1990, p. 117). В одном из эпизодов своей биографии американский певец-песенник Боб Дилан написал, что, по его мнению, Гражданская война в США в некотором роде была «битвой между двумя различными видами времени», где сельскохозяйственные ритмы Юга столкнулись с промышленным временем Севера (Bob Dylan 2004, p. 86).

Сегодня большинство детей на Западе приучается к часовой временной дисциплине в раннем возрасте, когда они сталкиваются со школьными расписаниями и подвергаются наказанию за опоздания. Они также узнают, что время некоторых людей более ценное, чем других: взрослые могут сказать, чтобы их подождали, дети же не имеют права растратывать время взрослых. Этот урок продолжается дальше в их жизни, например, через взаимоотношения врача-пациента; действительно, Рональд Франкенберг (Ronald Frankenberg) утверждает, что больницы должны быть рассмотрены как места власти и авторитета, «где время осмотра каждого фиксировано» (Ronald Frankenberg, 1988, p. 148; см. также: Roth, 1963). Эта связь между контролем и временем, конечно, наиболее явная в сфере занятости, и не только в том, что работники должны приходить и уходить в четко определенные часы, но и в том, что те из них, кто хочет продемонстрировать свое особое рвение начальству, работают больше положенного времени, даже если эти их действия не повышают особо производительность труда. Эта временная дисциплина идет дальше, чем просто получение дополнительных крох прибыли из их работы, и все больше налагаемых на работников-менеджеров обязанностей, охватывающих все их время (см.: Collinson and Collinson, 2004). Как будет показано дальше (в восьмой главе), это также приводит к замещению и вторжению в их личную жизнь услуг платной помощи и заботы, отвечающей императивам часового времени, а не их собственным ритмам.

Эта гегемония часового времени не замыкалась только на индустриальных странах, она пошла дальше, распространившись по всему миру с комплексными процессами колонизации, империа-

лизма и глобализации. Она символизировалась принятием Гринвичского времени¹⁵ в 1884 году в качестве стандарта, от которого другие часовые зоны по всему миру отмерялись. Это «всемирное время» стало синонимом синхронизации, линейности, измеряемости, делимости овеществленных часов-времен капитализма с настойчиво сопровождающими их пунктуальностью, скоростью, дисциплинированностью и упорной работой. Как было и в Британии, этому времени оказывали сопротивление. К примеру, мы уже упоминали выше, что Маркс отмечал, что бывшие рабы предпочитают праздность рабочему времени, как только они имеют достаточно денег для жизни; а представители кабилской народности в Алжире вообще считали часы «мельницей дьявола» (Bourdieu, 1990 [1963], р. 222). Тем не менее, в значительной степени верно, что «другие» (не западные, домодерные) формы времени «заставили замолчать с помощью темпорального империализма» (Fitzpatrick, 2004, р. 202), любое отклонение от доминантной западной темпоральной культуры маркировалось как «прошлое, лень, варварство» (Adam, 2004, р. 136; см. также: Griffiths, 1999). Как будет показано в восьмой главе, некоторые феминистки утверждают, что «женское время», имеющее другой темпоральный ритм, схожим образом было превращено в «тень» часового времени.

Во многом академические исследователи времени также были причастны к установлению доминирующей темпоральной культуры. Дискуссии по поводу «развития» часто ссылаются на идею о том, что некоторые страны живут в «прошлом» сравнительно с «динамическим западным миром, для которого характерно линейное развитие, в отличие от загнивающего не западного мира, попавшего в ловушку циклического времени» (Schendel and Nordholt, 2001, р. 11). Схожим образом, как показал Гринхаус, и антропологи, признавая относительную природу темпоральных культур, в основном исходили из того, что линейное ньютоновское время (западное время, «наше» время), тем не менее, более «важное», чем другие формы. Также Гринхаус указывал на то, что в концепции деятельности Гидденса (рассмотренной нами в первой главе) можно увидеть, что индивидуальные усилия, «последствия которых схватываются и аккумулируются как «структуры»», предполагают линейное видение времени («официальную темпоральность западных стран»). Это видение, скорее, культурно ограничено, а не всемирно распространено, но его частный характер, как подчеркивает Гринхаус, Гидденс не смог распознать (Greenhouse, 1996, pp. 86, 80; см. также: Weston, 2002 и дискуссию с Гидденсом в

---

¹⁵ Greenwich Mean Time (GMT) — Гринвичское время, (среднее) время по Гринвичу, всемирное время. — *Прим. переводчика.*

восьмой главе). Как будет показано в девятой главе, «реальность» линейного времени некритично предполагает и количественные изучения использования времени.

Выводы: сопротивление капиталистическому времени

Аргументы предыдущих подразделов показывают, что доминирование часового времени не «вырвало с корнем» другие времена, даже если последние были им маргинализированы, погружены в безмолвие или была оспорена их легитимность. Утверждение существования и нужность «других» темпоральных культур — это в то же время политическое действие. Точно так же, как и работы тех исследователей, которые мы рассмотрели в этой главе, проливающие свет не только на искусственный характер доминирующих темпоральных представлений, но и связанные с ними вопросы власти. Как показано ранее, сопротивление имеет классовый характер; в самом деле, Тони Фицпатрик (Tony Fitzpatrick) утверждает, что «классовый конфликт состоит из попыток субъектов власти навязать свое субъективное время лишенным власти субъектам и подчинения или борьбы этих субъектов с этим процессом» (Tony Fitzpatrick, 2004, p. 210). Сопротивление западному измерению времени имеет прямую связь с сопротивлением западному колониализму. Например, Виллем Шендел (Willem Schendel), анализируя существование различных временных конструкций в Бангладеш, утверждает, что их нужно рассматривать «... не как «домодерные» пережитки, но как выражение и результат политической борьбы». Он пишет далее: «Время не только навязано глобальной мировой элитой... время также может быть инструментом в руках местных групп в поисках своего собственного присутствия в истории» (Willem Schendel, 2001, p. 38). Экологи-активисты также отстаивают оппозиционные временные рамки, сталкивающиеся с капиталистическим стремлением к быстрой прибыли в ущерб долгосрочных экологических последствий.

То, что более существенно для этой книги, сопротивление доминантной темпоральной культуре, включает в себя утверждение ценности времени, измеренной не деньгами, но и не приверженностью своему работодателю, ни просто отведенных для отдыха или потребления. Такое время отвечает человеческим потребностям, будь то исполнение отдельных заданий независимо от их длительности или забота о ком-то, общение с другими, создание отношений. Как пишет Барбара Адам, «Не все время это деньги. Не все че-

ловеческие отношения регулируются рационализированным временем часов. Не все времена равны» (Barbara Adam, 1995, p. 94).

Несмотря на утверждения Томсона и Срифта, будто со середины 19-го века рабочие перестали бороться против часового времени, эти — «другие» времена, снова и снова возникали в британском рабочем движении. Например, Кен Старки показал, что спор между квалифицированными железнодорожными рабочими со своим руководством в 1982 году о «гибком сокращении» рабочего времени включал противоположные взгляды на время: руководство видело его, в первую очередь, с точки зрения денег, а рабочие были заинтересованы рассматривать его с точки зрения влияния на свою социальную и семейную жизнь; подобные проблемные требования поднимали и ливерпульские докеры в середине 1990-х годов (Starkey, 1988; Lavalette and Kennedy, 1996). Сегодня схожие проблемы часто артикулируются в дебатах о балансе «работа-жизнь» и «дружественной к семье политике», Мадлен Бантинг (Madeleine Bunting) определила разрыв «двух различных темпоральных моделей: «сверхвременных» требований работодателей и «своевременных» нужд личных отношений». Бантинг также утверждает, что этот разрыв актуализируется «историческим совпадением драматического сдвига в моделях занятости женщин и ускорением культуры сверхурочной работы». По ее мнению, эта культура сделала из работников «добровольных рабов», готовых работать все большее количество часов, в обществе, где бизнес приравнен к успеху и статусу (Bunting, 2004, pp. 16, с. 215—16 и название книги).

Эти же тезисы лежат в основе нашей книги, их мы и рассмотрим более детально в следующих главах. В данный момент важно отметить, что современные политические дебаты о декретном отпуске и гибком рабочем графике касаются, в основном, распределения часов, но они также должны быть рассмотрены (как и более ранняя борьба, описанная Томсоном) в качестве современной борьбы «против времени», против всеохватывающей природы часового времени. Это, в свою очередь, означает, что против подобных изменений будут работодатели, и не только потому, что это угрожает их краткосрочным прибылям, но и потому что они представляют угрозу доминирующей темпоральной логике, лежащей в основе капитализма и рыночной экономики. Подобные вопросы будут подниматься в следующей главе, исследующей, как время используется и как может быть использовано, как распределяется и контролируется в капиталистических обществах. Тут важно помнить, что если анализ времени, как правило, использует неявное допущение о поддающейся количественному определению природе времени, то это не исчерпывает всех его значений.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВРЕМЕНИ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

В этой главе будет рассмотрено, как время используется и должно использоваться в современных индустриально развитых обществах. В первом подразделе будет доказано, что распределение и доступность свободного времени — это вопрос политической справедливости и политической легитимности. Второй подраздел показывает, что социальная политика оказывает значительное влияние на модели использования времени и расширяет существующую работу для исследования важности найденных «темпоральных режимов», базирующихся на различных темпоральных культурах, темпоральных ориентациях и использовании времени. Тут также будет продемонстрировано, что, несмотря на свою узнаваемость, эти модели часто фрагментарны и противоречивы. Третий подраздел посвящен масштабам и последствиям удлинённого рабочего дня, а также его давлению и борьбе с этим давлением. Хотя глава завершается тем, что, скорее всего, оспаривание существующих моделей использования времени встретит жесткое сопротивление, все же можно отыскать некоторые основания для оптимизма.

Свободное время как дефицитный ресурс

Время отличается от других редких ресурсов тем, что всегда присутствуют ограничения для его накопления. Никто не может получить больше 24-х часов в сутки и, несмотря на то, что некоторые богачи решаются заморозить свои тела после своей смерти в надежде, что будущее развитие науки поможет им однажды вернуться к жизни (Griffiths, 1999, pp. 254—6), никто еще не может жить вечно. Таким образом, время — это еще и очень ограниченный ресурс. Каждый из нас, кто пока не хочет умирать, ценит время само по себе, большинство людей также ценит время как возможность для достижения определенных целей — денег, политического влияния, творческой работы, наслаждения отдыхом, развитием личных отношений. Их способность достигать этих целей зависит от того, сколько свободного и праздного времени они имеют — это время не контролируется кем-то еще и не рассматри-

вается как часть оплачиваемой работы, неоплачиваемой деятельности и личной заботы. Такое время далеко не равномерно распределено, так как некоторые должны работать ради выживания большую часть своей жизни, а кто-то просто унаследовал богатство; некоторые должны преодолевать долгими часами на своих двоих такое расстояние, которое другие проедут всего за несколько минут; и кто-то должен готовить и убирать для всех членов семьи, в то время как другим не нужно этим заниматься даже ради самих себя. В той мере, в какой эти неравенства вызваны социальными и политическими факторами, они должны рассматриваться через призму справедливости.

Влиятельная книга Джона Роулса «Теория справедливости» (1971) прекрасно резюмирует, что в обществе имеют право существовать только такие неравенства, которые приносят пользу наиболее обделенным. И хотя в этой книге не обсуждается вопрос о времени отдыха, Роулс позже определяет его как «первостепенное благо», которое «каждый человек, как предполагается, желает» вместе с «правами и свободами, возможностями и властью, доходами и богатством», в котором «свободные и равные личности... нуждаются как граждане» (Rawls, 1971, pp. 92, 62). Таким образом, распределение праздного времени должно регулироваться принципами справедливости, и Роулс утверждает, что если кто-то захочет заняться серфингом, а не работать стандартный день (предположительно, восьмичасовой), он не может ожидать, что его желание встретит поддержку других людей (Rawls, 2001, pp. 60, 179). Другими словами, хотя Роулс не считает, что время отдыха должно равномерно распределяться, его справедливое общество не оставляет места ни богатым бездельникам или уклоняющимся от работы держателям акций, ни тем, кто выбирает отдых, а не работу, будучи в состоянии платить по экономическим ценам за это. Хотя Роулса критиковали справа за поддержку социальных расходов и слева за защиту капитализма, он утверждал, что дикий капитализм (*laissez-faire capitalism*), капитализм времен социального государства и государственный социализм — все нарушали его принципы справедливости. Потенциальными кандидатами в справедливые общества он считал только «демократию собственников», где владение богатством и капиталом широко распространены среди граждан, и «либеральный социализм» (Rawls 2001, pp. 137—9; см. также обсуждение этой проблемы в Taylor, 2004).

Сравнительно недавно Тони Фитцпатрик, усовершенствовав эту позицию, утверждает, что справедливое распределение «многозначительного времени», которое он считает базовым правом человека, включает в себя более радикальный вызов для капиталистического

общества, чем Роулс считал необходимым. Он оспаривает понимание «стандартного дня» у Роулса и опирается на Маркса, утверждая, что, по всей видимости, свободный выбор, доступный для граждан сегодня, базируется на ограниченной, капиталистической концепции «свободы». Такая «свобода» требует «свободного подчинения экономическим законам частного обмена», и только этот вид темпоральной свободы доступен в обществах, в которых: «Социальное время вращается вокруг императивов рынка, которые напоминают физические абсолюты» и в которых свободное время — это, в первую очередь, время для потребления (Tony Fitzpatrick, 2004, pp. 206, 202).

Для самого Маркса различие между работой и отдыхом было, в основном, искусственным продуктом капиталистической экономики, в котором продуктивный труд перестал быть выражением человеческого творчества и стал лишь средством, чтобы заработать деньги и приобрести имущество (см. Marx, 1963 [1844]). Хотя он признавал, что «царство необходимости» будет продолжать существовать в будущем коммунистическом обществе, но Маркс верил, что постоянная работа будет сведена к минимуму и «царство свободы» превратит основанную на получении прибыли экономику в экономику, ориентированную на удовлетворение человеческих потребностей (Marx 1971 [1867], p. 820). Он также считал, что на ранних этапах коммунистического общества рабочие будут получать вознаграждение в соответствии с количеством часов, отработанных ими, но, в конечном итоге, такие индивидуалистические соображения будут преодолены, и работа, и вознаграждение за нее могут быть основаны на принципе «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям» (Marx, 1968 [1875], p. 325). В таком обществе рабочее время не будет больше эксплуататорским и превращенным в товар, и поэтому время будет цениться само по себе, и «это уже не рабочее время, но доступное время, которое и является мерой богатства» (Marx 1971 [1857—58], p. 168).

Как будет показано в следующих главах, идеи Роулса и Маркса разрабатывались феминистками в отношении неоплачиваемой работы в семье и распределении времени между женщинами и мужчинами. Однако ни один из этих авторов не исследовал эти вопросы самостоятельно; более того, игнорируя неоплачиваемую работу, они неявно разделяли капиталистические представления, что только производственное время¹⁶ — это такое время, которое должно иметь денежное вознаграждение.

---

¹⁶ Производственное время — рабочее время, в течение которого работник занят выполнением своих непосредственных обязанностей по производству продукции. — *Прим. переводчика.*

Политический ресурс

Фитцпатрика особенно интересовала идея свободного времени как демократического ресурса, «основанного, возможно, на обучении для обсуждения, где главная задача — это создать новые, дискурсивные формы демократических механизмов» (Fitzpatrick, 2004, p. 214). Его интерес достаточно необычен. Политические философы, в целом, никогда не были заинтересованы в наличии или распределении доступного времени, и если экономические барьеры против участия в политике часто ими признавались, то схожие эффекты «временной бедности», вплоть до наших дней, игнорировалось. Большинство политических теоретиков просто предполагало, что соответствующие люди имеют время для политической деятельности.

В недемократических или частично демократических системах это действительно имеет место быть, так как исключенные из политики группы выполняют большую часть работы ради «высвобождения» времени политически активных групп. Так, афинские граждане имели время для обсуждения государственных дел, проживая в патриархальном рабовладельческом обществе. Наряду с этим, как это виделось Руссо¹⁷, граждане (мужчины) его «идеального общества» также должны были иметь возможность собираться вместе и обдумывать природу общего суверенитета (конечно же, уверенные, что кто-то в это время присматривает за детьми и готовит им ужин). Позже теория демократии, конечно, выступила как против рабства, так и против исключения женщин из политики. Тем не менее, это не затронуло проблему: а могут ли все граждане иметь время для участия в политике, если демократические права и обязанности охватывают все население страны? Эта проблема особенно актуальна для сторонников «демократии участия». Она же недавно возникла в связи с моделью активного гражданства, которую пропагандировало последнее правительство лейбористов в Великобритании и которая делала главный акцент на вовлеченность граждан в обеспечение коммунальными услугами, так же как и в жизнь местных общин, ответственном воспитании детей и работе.

---

¹⁷ Жан-Жак Руссо? (фр. *Jean-Jacques Rousseau*; 1712—1778) — французский писатель, мыслитель, композитор. Разработал прямую форму правления народа государством — прямую демократию, которая используется и по сей день, например, в Швейцарии.

Ряд исследователей выражают обеспокоенность снижением гражданской активности в западных демократиях, и это непосредственно связано с отсутствием свободного времени. В исследовании «Утомленные американцы. Неожиданный закат досуга» (1991) Джули Шор (Julie Schor) вызвал широкое обсуждение, как и утверждения Арли Хохшильд (Arlie Hochschild), что долгие часы работы в США оказывают колоссальный эффект на семью и общественную жизнь и ведут «не только к отсутствию родителей дома, но и к самоустранению от участия в гражданском обществе и к свободной от граждан демократии» (Arlie Hochschild, 1997, p. 243). Эти идеи перекликаются с утверждениями Роберта Патмана о постепенном упадке социального капитала («связей между индивидами — социальных сетей и норм взаимности/доверия, возникающих от них»), необходимого, по его мнению, для здоровой демократии. Однако, несмотря на то, что Патман пришел к выводу «Участие в политике все более зависит от вашей чековой книжки, где деньги заменяют время», он не рассматривает рабочее время или отсутствие времени как наиболее критический фактор. По его мнению, напротив, — те, кто наиболее занят, похоже, наиболее включен в политику и общественную жизнь, и просмотр телевизора «это самый смертоносный вид деятельности для общественной жизни» (Putman, 2000, pp. 19, 40, 92).

Хотя термины «временная бедность», «нехватка времени» («time famine») и «болезнь суматохи» сейчас повсеместно используются, продолжаются дебаты относительно времени досуга в западных обществах: сокращается или увеличивается оно, и есть ли тут причинно-следственные связи с развитием социальных сетей и политическим участием? Исследователи также расходятся во мнениях о природе и важности классовых и гендерных отличий в доступе к свободному времени. Таким образом, некоторые, включая Патмана, предполагают, что сейчас существует перераспределение времени отдыха от более образованных к занятым ручным трудом классам. Тем не менее очевидно, что последние имеют меньше выбора в контроле своего времени досуга и не имеют доступа к сохраняющим время ресурсам, таким как быстрый транспорт, то есть время этих классов менее полезно и пригодно для использования, чем у «богатых деньгами, бедных временем» групп (см.: Warren, 2003; Fenwig and Tausig, 2004; Presser, 2004). Аналогично может показаться, что женщины имеют столько же времени, как и мужчины, но на самом деле их время более фрагментировано и сжато. Эти вопросы будут обсуждаться в девятой главе.

Государства, использование времени и темпоральные режимы

Несмотря на то, что вопросы, связанные с распределением и доступностью свободного времени, сейчас уже получили немного политического внимания, планирование и организация времени обычно не является ответственностью общегосударственной или местной власти, и, если мне не изменяет память, — еще ни в одной стране мира не существует министерства времени. Несмотря на то, что государства не принимают специальных законов, управляющих нашим использованием времени, многие политические программы целенаправленно или нет оказывают эффект на то, как мы его используем или воспринимаем.

Даже либеральное социальное государство делает это, влияя на наши темпоральные идентичности и ощущения, на законодательном уровне определяя основные этапы нашей жизни. Например, оно определяет, как долго молодежь должна ходить в школу, время, когда они становятся совершеннолетними; время, когда пожилые люди выходят на пенсию, и возраст, когда они могут получить государственное пенсионное пособие. Это значит, что государства способствуют различным «режимам жизни, создающих и поддерживающих определенные темпоральные структуры жизни через институциональное определение событий, фаз, эпизодов и путей, связанных с индивидуальными ожиданиями и «планами на будущее»» (Leisering and Leibfried, 1999, p. 6). Государства также долгое время старались регулировать, как люди должны проводить свое время в общественной сфере. Они, к примеру, ограничивают время графиков работы магазинов, театров и баров, они переводят часы с летнего на зимнее время, и наоборот, они законодательно устанавливают уменьшение или увеличение длины рабочего дня или недели. Эти конкретные политические меры часто есть следствием противоречивого давления различных социальных и экономических групп, включая религиозных лидеров, профсоюзы, работодателей и социальных реформаторов.

Хотя либеральные государства якобы неохотно вмешиваются в «личный мир» семейной жизни, их налоговая и социальная политика влияет и здесь на использование времени. В частности, до недавних пор они поддерживали и предполагали гендерное разделение труда, базирующееся на норме пожизненного брака, мужчине «кормильце» и неоплачиваемом домашнем труде. Напротив, социал-демократические страны Скандинавии приняли комплекс мер по образовательной, со-

циальной и политике занятости, целью которых является поощрение более равного распределения совместной домашней работы, оплаты труда между мужчиной и женщиной. Кубинский Семейный кодекс 1975 года на законодательном уровне обязал мужчин принимать участие в работе по дому и воспитании детей, а испанский закон 2005 года включил эти обязанности как часть брачной клятвы в церемонии гражданского бракосочетания. Это показывает даже более прямое государственное вмешательство в то, как члены семей должны тратить свое время. Однако на практике никакого реального намерения обеспечить исполнение мужчинами своих обязанностей сделано не было (Sloan, 2005; Tremlett, 2005). Аналогичным образом инициированные феминистками проекты в Милане, Риме и Барселоне в конце 1980-х и в начале 1990-х о планировании использования времени в своих городах не только для обеспечения доступа к общественным услугам, но и к балансировке оплачиваемых и неоплачиваемых обязанностей и поощрения более равного распределения домашней работы имели своим результатом не более чем небольшие изменения во времени работы государственных служб, и все (Perez-Molina, 1998; Tronto, 2003; Blakeley, 2004, p. 193).

В «Меняющихся временах», Джонатан Гершуни (Jonathan Gershuny), ведущий исследователь использования времени, основывается на увеличении данных количественных исследований времени для анализа некоторых аспектов взаимосвязи между государственной политикой и повседневным поведением. Он утверждает, что «если мы сможем измерить, на что члены обществ тратят свое время, мы получим возможность понять как — общество работает». Его цель это «собрать по кусочкам, для развитых стран, всеобъемлющую картину, вобравшую в себя всю каждодневную деятельность, работу, неоплачиваемую работу, досуг и время потребления», и использовать эти данные для оценивания экономической активности, сравнения моделей использования времени между и внутри стран и для нахождения длительных социальных изменений» (Jonathan Gershuny, 2000, pp. 1, 4). Он исходит из того, что такая активность взаимозависимая (так, различные виды потребления стимулируют различные формы занятости) и что этот подход обеспечивает более выразительную картину экономической активности, чем традиционные представления, сфокусированные только на оплачиваемой работе. Совсем недавно он соединил принятые, базирующиеся на деньгах подходы к бюджетам, с новым, базирующимся на времени, для того чтобы показать, как вычисление государственного дохода может создавать «всеобъемлющий подсчет экономической активности всецело в терминах времени» (Gershuny, 2005).

Этот анализ использования времени имеет явное политическое значение; более того, Гершуни утверждает в своей книге: «Это присутствует в современной политической повестке дня, об этом и написана эта книга», и еще: «Точка зрения, осмысливающая, что происходит в этом мире, изменяет его». Он утверждает, что современные западные общества стоят перед выбором «режима использования времени», такой режим — это способ управления временем как с помощью краткосрочных политических курсов, таких как регулирование рабочего времени или предоставление декретного отпуска, и долговременной политики — образования, возможности выхода на пенсию. Он пишет, что так как потребление стимулирует производство, на макроуровне *«больше досуга может означать больше работы»* (выделено в источнике), и Гершуни защищает сокращение рабочих часов и проведение политики «образование для потребления», поощряя тем самым такие виды досуга, которые создают спрос на дорогостоящие блага, требующие квалифицированной, хорошо оплачиваемой и удовлетворяющей работы. Тут он пишет, что если, например, большее количество людей пойдет в оперу, тогда будет возможно платить оперным певцам достаточно для их мотивации учиться долгие годы; аналогично, переоценка понимания хорошей еды будет поощрять людей питаться в ресторанах, где еда готовится и подается с осторожностью и мастерством, а не в «автоматизированных пародиях на традиционные услуги, представленных ресторанами быстрого питания». Другими словами, социал-демократический режим использования времени противостоит «эксцессам, безусловно, Дикого Западного капитализма», и «поддерживает будущий экономический рост, оказывающий содействие такому свободному потреблению, которое создает хорошие рабочие места и ведет к меньшему давлению времени, меньшему неравенству и более счастливому обществу» (Gershuny, 2000, pp. 10, 97, 37, 10, 10—11).

Как утверждает Гершуни, его режимы использования времени параллельны классификации социальных режимов Эспин-Андерсона, упомянутых нами в первой главе, и недавнему исследованию «темпорального социального государства» Гудина (2004) (Goodin et al., 2004) и Райса (Rice et al., 2006) (2006). Эта работа обращается ко времени и к деньгам как мерам благосостояния и рассматривает влияние социальных режимов на распределение «свободного времени» между различными группами. Ее отправной точкой является различие между свободным и временем досуга, где первое определяется как время, которое остается людям после вычитания времени, которое они проводят на работе, неоплачиваемой работе и тратят на личную заботу, если они не хотят опуститься

ниже линии бедности или минимальных социальных стандартов. На практике, конечно, многие люди работают дольше, зарабатывая больше, чем на этот уровень, поэтому они имеют значительно меньше времени для отдыха. Затем исследователи постарались проанализировать, как государства влияют на временное благополучие как непосредственно — с помощью регулирования рабочего времени и отпусков, так и косвенно — через налоги, систему выплат пособий и предоставление общественных услуг. Поэтому «чем больше налогов платят люди, тем больше часов своего времени они «работают на государство»... И, наоборот, чем больше государство субсидирует человеческие потребности, тем больше времени высвобождается для личного использования граждан, а не для зарабатывания денег» (Goodin et al., 2004, p. 532). Расчеты, связанные с оценкой таких последствий, являются очень сложными, но первоначальные выводы подтверждают ожидания исследователей, что, как и с другими формами неравенства, социал-демократическая политика Швеции и Финляндии уменьшает неравенство в свободном времени между социальными группами, в частности, и в вопросе «времени, которое было бы забрано у родителей», а еще обеспечивает темпоральные стимулы для матерей и отцов влиться в ряды оплачиваемой рабочей силы (Goodin et al. 2004, p. 544). Напротив, немецкая и французская государственная политика поддерживает традиционные ценности, связанные с корпоративными /консервативными режимами, предоставляя темпоральные преимущества семьям с матерями-домохозяйками и работающими отцами. Так же, как и ожидалось, «принципы невмешательства» либеральных США и Австралии оказывают незначительный эффект на темпоральную автономию большинства людей; хотя родители-одиночки и имеют несколько темпоральных преимуществ от целенаправленной политики государственных интервенций, они остаются обделенными по сравнению со схожей ситуацией в других странах (Rice et al., 2006).

Темпоральные режимы

Дискуссии между исследователями, представленные в предыдущем подразделе, обеспечивают основу для определения различных «темпоральных режимов». Тем не менее, вторая глава показывает, что эти исследования ставят знак равенства между временем и измеримым часовым временем, которое чуждо некоторым культурам, и потому, как будет показано в девятой главе, исследования использо-

вания времени не способны определить модели использования времени, особенно связанные с женщинами. Поэтому более широкая дискуссия о темпоральных режимах выходит за рамки измеряемых моделей использования времени и влияния государственной политики, рассматривая менее осязаемые проблемы, связанные с доступными темпоральными дискурсами, степенью распространения общественной поддержки и оценки различных видов времени. В ее рамках нужно исследовать часто непостоянные, совмещающиеся и даже противоречивые пути концептуализации и переживания времени разными людьми и социальными группами, а также связь между этими отличиями и структурными дискриминациями, включая те, что существуют между мужчинами и женщинами.

Концепция темпоральных режимов поднимает и более широкие вопросы о темпоральных ориентациях отдельных политических курсов и политических дискурсов, которые могут стремиться к восстановлению прошлого (настоящего или воображаемого), поддерживать привилегии в настоящем или желать другого будущего. Тем не менее, политические следствия часто не просто отражают единую позицию, а являются продуктом различных противоречивых, конфликтных, фрагментированных темпоральных требований, перспектив и процессов, где присутствуют не просто различные интересы, но и разрыв между стратегическими и тактическими интересами отдельных групп или всего общества. Например, Фицпатрик (2004) утверждает, что хотя ключевая темпоральная характеристика социального государства в краткой перспективе сфокусирована на прибыли, что делает ее невосприимчивой к экологическим рискам, она также предполагает существование обязанностей между поколениями, так как политика социального страхования нуждается в темпоральной длительности. Кроме того, политики часто сталкиваются с конфликтом выбора между стратегическим планированием и краткосрочными, недорогими политическими тактиками, которые должны помочь им выиграть следующие выборы; лишь некоторые из них заинтересованы оставить свой след в истории.

Последние дебаты вокруг идеи «государства социального инвестирования» продемонстрировали комплексную, иногда противоречивую природу ответов на такие требования (Lister, 2004; Kershaw, 2005). Особенно в связи с политикой «третьего пути» лейбористских правительств Великобритании и Канады. Одним из центральных пунктов такого политического курса в контексте государства социального инвестирования были дополнительные финансовые вложения в детей, в частности, в уход за ними, с целью создать ответственного, высокопродуктивного работника, востребованного современным обществом. Это, с одной стороны, политика ориенти-

рованная на будущее, но в ней присутствует и краткосрочный компонент — государственная помощь по уходу за детьми дает возможность женщинам быстрее выходить из декретного отпуска на работу. Как говорят критики, это такой инструментальный подход к детям, когда теряется теперешнее детское счастье и благополучие. Базирующееся на рыночных постулатах государство социального инвестирования означает, что здесь не видят необходимости помогать людям более качественно проводить время за пределами их рабочего места, здесь не интересуются, как время распределяется внутри семьи, и не имеют потребности в существовании темпоральных потребностей и ритмов за пределами оплачиваемой работы.

Хотя это означает, что государство социального инвестирования предполагает некоторые опознаваемые темпоральные представления, оно несет в себе противоречия, общие с другими формами государства. В частности, забота о будущем в нем также сдерживается давлением краткосрочной перспективы и требованиями показать быстрые, легко измеримые результаты. Например, как отмечала Полли Тойнби (Polly Toynbee) (2006) в своем докладе, посвященном государственной программе «Уверенный старт для детей» в Великобритании: «Желания политиков получить мгновенные результаты от долгосрочных программ ставят такие программы в опасность». Кроме того, несмотря на попытки государства социального инвестирования оправдывать современные расходы будущим усилением, похоже, этим вычеркиваются из теперешних государственных расходов пожилые люди или те, кто больше не в состоянии работать. Это, очевидно, несправедливо по отношению к этим людям и требует понимания у тех, кто работает сейчас, ведь они, постарев, также будут нуждаться в такой помощи. Эти неясности и несоответствия подтверждают наш основной тезис, что хотя в некоторых странах можно обнаружить черты, относящиеся к различным темпоральным режимам, эти режимы не являются замкнутыми, однообразными системами. В свою очередь, это означает, что данные темпоральные представления поддаются изменениям как в позитивном направлении, так и негативном.

Удлиненный рабочий день и капиталистическая экономика

Во многих странах профсоюзы и феминистки ведут длительные кампании (поддерживаемые некоторыми исследователями, такими как уже указанный Гершуни) за законодательство, уменьшающее рабочее время и отпуск по уходу за ребенком. Тем не менее, сам

Гершуни, в основном игнорирует роль трудовых обеднений и женского движения в решении этих вопросов, он рассматривает государство «почти как автономную институцию, отделенную от гражданского общества» (Fitzpatrick, 2004, p. 213). Это связано с его общим акцентом на экономике, а не на политике и явном убеждении, что время досуга первоначально ценно тем, что это время потребления. Как отмечает Фицпатрик, это убеждение «отражает овеществление времени капитализмом социальных государств больше, чем что-либо» (Fitzpatrick, 2004, p. 213); и не только потому, что это девальвирует время отдыха, не требующее финансовых затрат, но и потому, что тут игнорируется потенциальное значение времени как политического ресурса.

Хотя Гершуни приветствует формы потребления, которые создают хорошие рабочие места, Шор, напротив, рассматривает потребление значительно более негативно — как движущую силу ненормированного рабочего дня. Он, по ее мнению, оказывает драматический эффект на здоровье и семейную жизнь рабочих в США, загоняя их в «беличье колесо» — «коварный цикл работы и расходов», где они вынуждены работать значительно больше времени для поддержания такого способа жизни, который всегда остается для них недостижимым (Schor, 1991, p. 107). Она утверждает: «Потребительство — это не вечная черта человеческой природы, но специфический продукт капитализма», достигший опасного уровня за последние десятилетия (Schor, 1991, p. 117). В своей книге «Перерасходы американцев» она определяет две ключевые причины возрастания соревновательных расходов (competitive spending). Во-первых, телевидение приучает зрителей к тому, что глянецовый образ жизни (такой, например, как в сериале «Друзья») — это базовая точка для оценки приемлемого образа жизни. Во-вторых, начиная с 1970-х годов усиление экономического неравенства оставило многих американцев из среднего класса позади тех, кто смог подняться выше по социальной лестнице; они же продолжают стремиться к их образу жизни и чувствовать себя значительно беднее, несмотря на то, что имеют сейчас больше. Шор далее утверждает, что люди к тому же вынуждены тратить больше средств на частное образование и другие службы, так как давление соревновательных расходов делает их все более неготовыми платить налоги, и предоставление общественных услуг снизилось (схожая точка зрения, см.: Rebeck, 2000).

Шор утверждает, что увеличение продуктивности труда означает, что в принципе граждане США сегодня могут иметь такой уровень жизни, который они имели в 1948 году, работая вполсилы меньше, чем сейчас. И его дальнейшее увеличение может позво-

лить людям в дальнейшем работать еще меньше, без уменьшения производительности; также, по ее мнению, это вполне достижимо и для некоторых стран Европы. Шор определяет пакет государственных мер, которые могут уменьшить рабочее время и потребление, поощряя людей ценить время как хорошее само по себе, а не исключительно из-за его денежной стоимости. Предложенные меры включают ограничения на законодательном уровне сверхурочной работы, уставных прав на оплату обычных отпусков, а также декретных, налоговой политике для того, чтобы сделать рекламу более дорогой; она также поддерживает более равное распределение общественного богатства и дохода как еще одного средства для уменьшения тягот соревновательных расходов. Эти изменения для людей будут означать: «меньше беспокоиться о защите своего имущества, так как меньше людей будет заниматься воровством вещей, которые, исходя из такой культуры, должны иметь все» (Schor, 1999, p. 165).

В своей более ранней книге (Schor, 1991) Шор подчеркивала роль профсоюзов в достижении уменьшения рабочих часов от их пикового количества в 19-м веке, и связывала наименьшее рабочее время в некоторых европейских странах с сильным профсоюзным движением в них. Несмотря на ее пропаганду некоторых законодательных мер, основной тон «Перерасходов американцев» более индивидуалистический, главная цель этой книги — призыв к уменьшению своего рабочего времени и уровня потребления в основном для среднего и высшего среднего класса американцев как единственного пути разрыва цикла «работа-расходь». Она предлагает девять принципов «для помощи индивидам и государствам выключить эскалатор потребления» (1999, p. 145). Эти принципы включают в себя совместное использование габаритных предметов бытовой техники, сокращение рабочего времени, декоммерциализацию Рождества и избегание покупок по скидкам. Шор утверждает, что между 1990 и 1996 годами каждый пятый американец принял добровольное решение о сокращении своих затрат, и большинство из них после этого почувствовали себя счастливее. Хотя последний из ее принципов — это «скоординированное вмешательство», вероятно, государства, она не анализирует, как такое вмешательство может произойти. Как и Гершуни, она не уделяет должного внимание роли государства. Ей не кажется, что предложенное ею распределение богатства и доходов в пользу бедных расходится с базовыми идеологическими постулатами социального государства в США и будет иметь сильную оппозицию в лице мощных экономических интересов.

Также маловероятно, что индивиды смогут вот так просто взять и отказаться от дальнейшего потребления, как предлагает Шор.

Соответственно, хотя в недавнем исследовании Питера Мейксинса (Peter Meiksins) и Питера Уолли (Peter Whalley) отмечается, что некоторые «технические специалисты» в США пришли к выводу об увеличении доходов семей и заработной платы, они также констатируют, что «общество зависит от частных решений по поводу детских садиков, выхода на пенсию, колледжей и транспортных затрат, создающих строгие ограничения для расходов, которые представители среднего и нижнего классов в США могут урезать из своих бюджетов» (Meiksins and Whalley, 2002, p. 164). Тем более, что такие виды государственной помощи, существующие в странах Западной Европы, вряд ли достижимы в США. По-видимому, есть также глубокие психологические причины для излишнего потребления в капиталистическом обществе, в котором люди определены их деньгами и собственностью, поэтому конsumerизм «не может сводиться к аморальности, он стал арендой, где мы развиваем чувство нашего «Я» и переживаем опыт свободы» (Bunting, 2004, p. 155). Эти психологические механизмы усилены капиталистическими структурными нуждами в постоянном высоком потреблении, без которого возникает опасность рецессии. Однако Шор посвящает только один абзац «Эпилога» своей книги обоснованию тезиса, будто любое неблагоприятное воздействие сокращения потребления на экономику США не будет непреодолимым.

Более того, стремление капитализма к получению прибыли не означает автоматического взаимобмена между увеличением продуктивности и уменьшением рабочего времени. В конечном счёте, как показал Маркс, прибыль — это просто разница между ценой товара, произведенного рабочим и заработной платой, которую он получает: капитализм стремится максимизировать собственную прибыль через уменьшение заработной платы, удлинение рабочего дня, увеличение продуктивности или с помощью комбинирования всех этих способов. Любой капиталист, который захочет вести свои дела более гуманно, вероятнее всего, будет побежден своими соперниками и вынужден будет уйти из бизнеса. Условия, определяющие или поддерживающие отдельные темпоральные политики, носят все более международный характер, к тому же, гегемония неолиберальных представлений на глобальном уровне затрудняет вмешательство государства для уменьшения рабочего времени. Хотя влияние глобализации очень неравномерно и сама эта концепция оспаривается (см.: Harrison, 2002), многие согласятся, что есть несколько структурных причины для увеличения рабочего времени как в США, так и в Европе, вытекающие из сложного конкурентного соединения: появления новых индустриальных стран и новых

дерегулированных экономик Восточной Европы; глобализации бедности и возможностей для аутсорсинга; низкой заработной платы, отсутствия гарантий занятости, уменьшения влияния профсоюзов и стремления к чисто либеральной экономике во многих западных странах. Например, Пьетро Бассо (Pietro Basso) утверждает: «тенденция распространять «архаичные» часы в современные времена... это неотъемлемый элемент зрелого капитализма и его культурных и политических институтов» (Basso, 1998, р. 8; выделено в источнике), и Североамериканская/Японская модель, видит в длинных рабочих часах проявление лояльности и требует от рабочих посвящать ей «не только свою умственную и мышечную энергию, но и свою душу». Вот почему у этой модели есть все шансы победить европейскую модель, которую защищает Шор (Basso, 1998, р. 39). Этот вывод поддержан исследованием Международной организации труда за 2006 год, обнаружившей, что «высокий уровень экономической конкуренции более чем 24 часа в сутки и 7 дней в неделю заставляет компании приспособлять рабочее время все больше и больше к требованиям рынка», делая все более сложным поддержку «дружественных к семье» условий труда (см. также: Crompton et al., 2005; Heintz, 2006).

Это, однако, не означает, что нельзя достичь улучшений условий труда. В самом деле, хотя каждый отдельный работодатель хочет максимизировать эксплуатацию, капиталисты коллективно заинтересованы в поддержании лояльной и здоровой рабочей силы с достаточными доходами для покупки их товаров. Поэтому они иногда заинтересованы в государственном или международном регулировании условий труда. К примеру, хотя многие работодатели яростно выступали против законодательного ограничения рабочей недели в течение 19-го века, они выиграли от этого в более длительной перспективе (см.: Marx, 1946 [1867], часть III, и обсуждение Nyland, 1990), или, в наши дни, многие работодатели получили свои дивиденды от введения отпусков по беременности и родам в Европе, это помогло им сохранить квалифицированных работников, не теряя при этом своих конкурентных преимуществ. Однако такие преимущества не всегда явные и достижимые, и поэтому регулирование вряд ли будет достигнуто без политической борьбы.

Бассо также пишет, что только с помощью классово-борьбы модели удлиненного рабочего дня можно оказать сопротивление, ведь традиции борьбы рабочего класса и человеческие стремления «все еще тлеют под пеплом» (Basso, 1998, р. 9). Такая борьба сегодня принимает новые формы, дополнительно к традиционной профсоюзной и партийной деятельности. В частности, негативные последствия глобализации все чаще опротестовываются многочис-

ленными и разнонаправленными неправительственными организациями, наднациональными институциями, такими как Объединенные Нации и Европейский Союз и с помощью всемирных социальных движений, наиболее масштабно — международными протестами против деятельности Всемирной торговой организации, Мирового банка и Международного валютного фонда (Harrison, 2002; O'Brien, 2005). Широкий доступ к Интернету и электронной почте также значительно увеличил возможности для новых форм глобального активизма.

Выводы

Главный тезис этой главы — время должно быть организовано в соответствии с принципами справедливости, а не рентабельности. Эта идея имеет радикальные последствия, и, скорее всего, ей окажут сопротивление могущественные экономические группы. Тем не менее, капитализм, по своей природе, не однороден. Скорее, это комплекс изменяемых и непрерывно эволюционирующих институтов, постоянный продукт человеческой деятельности, создающий условия будущего, но не детерминирующий его. Как было показано в этой главе, государственная политика влияет на то, как мы используем время и относимся к нему, но ее следствия редко бывают очевидными. Хотя логика капиталистического производства ведет к удлинению рабочего времени, она же генерирует сопротивление этим процессам. Поэтому коллективные движения могут оказывать влияние на политику и ее результаты. В целом в главе утверждается, что важные изменения возможны. Эта надежда дает сравнительно оптимистический фундамент для обсуждения возможных альтернатив, рассматриваемых в остальных частях этой книги.

ЧАСТЬ II

ФЕМИНИСТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСОВ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В ФЕМИНИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Проблемы времени, которые мы начали обсуждать в части I этой книги, будут повторно рассматриваться в части III, но с новым акцентом, направленным на разработку определенной феминистской теории и политики времени. Часть II очерчивает ситуацию, показывающую, как феминистские перспективы могут расширить наше понимание проблемы, и разоблачает такие аспекты человеческих связей со временем, которые остаются незамеченными подходами основного направления.

Эта глава фокусируется на спорном вопросе: имеет ли смысл рассматривать «женщин» и «мужчин» как отдельные группы, имеющие различные качества, восприятие и пути познания мира и последствия этого для взаимосвязи со временем. После краткого наброска о «несходстве», которое берет за основу феминистские аргументы и их темпоральную значимость, мы рассмотрим последние концепции «черного» и постмодернистского феминизма. Они поддерживают мысль, что «женщина» и «мужчина» — это не герметичные, устойчивые и единые группы. Понимание того, что быть «женщиной» и «мужчиной» — это социально конструированные смыслы, склонные к изменениям и переменам. В этих концепциях присутствует и феминистская критика дихотомий мышления, создающих подобные классификации.

Тем не менее, в главе также подчеркивается, что очень важно не утратить видение «упрямой реальности» мужского доминирования и коллективный женский интерес быть в оппозиции к этому. Она завершается тезисом о том, что политика «общности в различии» — это и есть основа феминистской политики времени.

Женщины и мужчины: естественные и/или социально обусловленные различия в отношении ко времени?

Некоторые из феминисток уже давно утверждают, что многие явные социальные различия между мужчинами и женщинами имеют естественную природу и что существует биологическая основа как для «женских качеств» — заботы, сотрудничества, миролюбия, так и для «мужских характеристик» — эгоизма, конкуренции и агрессии. Как будет показано в части III, некоторые исследователи утверждали, что женский опыт менструаций и деторождения создает для женщин особые отношения со временем, игнорируемые «мужским большинством» («malestream») исследователей. При этом женщины часто обязаны в принудительном порядке следовать «мужским требованиям». Другие утверждают, что гормональные отличия — это и есть источник различных моделей использования времени, ведущий большинство женщин к ориентации на семью, тогда как у большинства мужчин приоритет — это их карьера (Nakim, 2000, 2007).

Выступая против таких аргументов, важно отметить, что хотя мужчины никогда не смогут пережить опыт менструаций или деторождения, их значение и физическое переживание во многом социально обусловлены, так как многие женщины не имеют менструаций и никогда не рожали. Несомненно также и то, что распределения анатомических, гормональных и хромосомных характеристик не всегда вписываются в модель двух полов и что даже на биологическом уровне мужчин и женщин не следует понимать как унитарные группы, которые могут быть легко сравнимы или противопоставлены. Далека от отражений природных отличий и бинарная классификация, которая идет вразрез с природой (Hird, 2000; Lorber, 2000); поэтому несостоятельны любые утверждения, что женские отношения со временем связаны с их телесными переживаниями.

В реальности большинство феминисток отвергли такие идеи о природных отличиях, соглашаясь с известным высказыванием Симоны де Бовуар, что «женщинами не рождаются, ими становятся» (Simone de Beauvoir, 1972 [1949], p. 297). Таким образом, большинство существующих отличий между мужчинами и женщинами — это социально обусловленный вопрос гендера, а не природные качества пола; если так, то они открыты для пересмотра и изменений.

Это означает, что хотя между мужчинами и женщинами на самом деле существуют общие различия, включая отличия в темпоральных культурах, они — это отражения их современных социальных ролей, а не врожденных способов поведения. Это также подразумевает, что женщины не только могут выполнять «мужскую работу», но и то, что мужчины могут придерживаться и научиться «женским качествам», традиционно приписываемым женщинам, включая характеристики, связанные со временем, — терпению и способности к многофункциональности. С этой точки зрения, социальная политика, поощряющая мужчин проводить больше своего времени дома, например, во время своеобразного декретного отпуска для отцов, это не противостоит естеству; скорее, это ведет к достижимой цели равноправного разделения домашней работы.

Другое/лучшее понимание времени?

Эта книга аргументированно поддерживает «феминистскую точку зрения», исходящую из того, что мужчины и женщины по-прежнему следуют в русле различных социальных ролей и поэтому их опыт восприятия мира будет различаться. До тех пор, пока женщины остаются подчиненной группой, их знание потенциально «лучше», чем доминантное, созданное мужчинами: женщины стремятся разоблачить гендерные властные отношения, а мужчины, напротив, пытаются скрыть их. Предназначение феминистских знаний — отражение и улучшение жизни женщин, это, похоже, более честный подход, чем якобы гендерно нейтральное знание, создаваемое мужчинами, которые никогда не признавали привилегированности собственной позиции, хотя феминистские знания, в принципе, доступны и для них (классические формулировки основных позиций феминистских теорий, см.: Harstock 1985; более поздние позиции и дискуссии, см.: Harding, 1986; McLaughlin, 2003; Harding, 2004).

Часть III применяет это положение для выявления специальной темпоральной точки зрения, возникшей под влиянием традиционных женских обязанностей по уходу и показывающей, как она была подавлена доминирующей темпоральной культурой. Такой анализ также разоблачает мужское мировоззрение, которое до недавних пор было неявным базисом для количественных исследований использования времени; это ставит под вопрос возможность проведения мужчинами-учеными объективных исследований использования времени.

Схожие аргументы о мужских и женских темпоральных перспективах происходят из тезиса Кэрол Гиллиган (Carol Gilligan). Она утверждала, что женщины и мужчины по-разному мыслят об этических вопросах, и тут дело не в том, что это знак эмоциональной и интеллектуальной незрелости женщин, как утверждают некоторые мужчины теоретики: женский «другой голос» такой же значимый, как и мужской. Этот голос не говорит об абстрактных принципах справедливости или использует словарь индивидуальных прав и соглашений; скорее, он рассматривает возникающие проблемы в их определенном контексте и делает акцент на человеческой взаимозависимости, отношениях и потребности в заботе, ответственности. Гиллиган также пишет, что если мужское этическое мышление излишне индивидуалистично, то женщины, наоборот, мало внимания уделяют собственному значению; вот почему, современная этическая теория должна соединить женское понимание ответственности с мужской идеей прав.

Как будет показано в восьмой главе, некоторые феминистские авторы развивают этот подход «этики заботы», утверждая, что обязанности женщин приводят их к пониманию времени как по своей сути родственного, общего и затраченного на других, тогда как мужчины рассматривают время как принадлежащее им одним и используют его как заблагодарассудитса. Утверждая необходимость признания этого «родственного аспекта» времени, некоторые исследователи также повторяют мысль Гиллиган о необходимости соединения мужских и женских перспектив, забывая при этом, что если это родственное время не связано с индивидуальным и часовым значением времени, женщины будут просто поглощены требованиями других и утратят всякую возможность контролировать свои жизни.

Вопреки некоторым интерпретациям, Гиллиган связывает отличия в этическом мышлении с воспитанием и жизненным опытом, а не с биологией. Кроме того, если Виржиния Хелд (Virginia Held) (Held, 1994) определяет связь между «матерью, или материнским индивидом» и ребенком как источник морального мышления, она не считает, что этот индивид обязательно должен быть женщиной. Далее Сара Раддик (Sarah Ruddick, 1990) утверждает, что «материнское мышление», базирующееся на «защищающей любви» и решении конфликтов, является продуктом опыта отношений матери и ее маленького ребенка, которые могут и должны быть приобретены мужчинами. Утверждая, что формы использования времени, традиционно ассоциированные с женщинами, приводят к позитивным моральным качествам, эти авторы усилили вес более общих аргументов в пользу включения и поощрения мужчин к принятию обязанностей по уходу.

Какие женщины, какая женщина?

В соответствии с наиболее распространенной в феминистской теории точкой зрения и «этикой заботы», мужчины и женщины — это легко распознаваемые и взаимно исключающие группы. Женщины, в таком случае, всегда находятся в менее благоприятных условиях, чем мужчины, и поэтому имеют коллективный интерес в осознании и борьбе с гендерным неравенством. Тем не менее, важно не забывать, что далеко не все женщины — это матери или сиделки, и то, что всегда присутствует ряд социальных и физических отличий среди женщин, включая классовую и расовую принадлежность, возраст, семейное положение и сексуальную ориентацию. Вот почему смысл и опыт быть женщиной очень изменчив. Даже женщины, имеющие схожий статус и жизненный опыт, разделяющие общие подходы, переживают конфликт интересов, как, например, так называемые «материнские войны» в США между женщинами, принадлежащими к среднему классу, кто хочет сделать карьеру, и теми из них, кто посвящает все свое время заботе о детях (Vuxton, 1998; Boyd, 2002). Часто эти различия усиливаются другими социальными отличиями; несомненно, прежде чем прийти к общему пониманию своих интересов, женщины часто «объединяются вместе как домохозяйки и незамужние девушки, работодатели и работницы, и в пределах других разделений привилегий и возможностей» (Ehrenreich and Hochschild, 2003a, p. 11).

Как настойчиво утверждают многие «черные» феминистки, предположение, что женщины разделяют общие интересы и опыт, — это не просто неточно, это также способ поддержания привилегированной точки зрения западных «белых» женщин из среднего класса. Эти представительницы своего класса и положения часто ставят знак равенства между своими проблемами и приоритетами и проблемами и приоритетами всего женского пола. Они пропагандируют идею «сестринской общности», игнорирующую их собственные преимущества и замалчивающую существование «других» женщин (критический обзор этого утверждения, см.: King, 1988; Lieu, 1994; West and Fenstermaker, 1996; Aziz, 1997). Напротив, современный «черный» феминизм развивает более усложненный подход к функционированию гендерной, расовой и классовой принадлежности как динамической взаимосвязанной системы угнетения, ни одна составляющая которой не может быть понята в отрыве от других. Такой анализ показывает, что все люди существуют в матрице угнетения и привилегий. Поэтому опыт быть женщиной или мужчиной качественно отличается и зависит

от принадлежности такого человека к определенному классу, этнической группе. Также опыт гендерной идентичности меняется в зависимости от классовой или расовой принадлежности человека (см.: широкий корпус текстов, например: King, 1988; Collins, 1990; Crenshaw, 1998). Соединив эту идею с указанной ранее теорией положения, получим: так как они «занимают худшую позицию в серии дихотомий», «черные» женщины, в принципе, имеют более четкие представления о многогранной и блокирующей природе классов, расы и гендера (Collins, 1990, p. 70). Как утверждает эта «черная» американская феминистка, это также указывает и на другие способы угнетения, базирующиеся на возрасте, физических возможностях или сексуальной ориентации, и на необходимость понимания их всех как части единого целого.

Применение этого подхода к политике времени означает, что опыт «белой», образованной работающей женщины с ребенком, похоже, дает более четкие представления распределения темпоральных ресурсов и противоречий между темпоральными культурами ее дома и рабочего места, чем опыт ее мужа. В то же время опыт ее нянечки разоблачает еще большее влияние экономических ресурсов на использование времени, так как она не будет зарабатывать достаточно для «экономии времени», например, возвращаясь на такси домой или нанимая кого-то для уборки своего дома. Если нянечка — эмигрантка, оставившая своего ребенка в своей стране, ее опыт приоткрывает еще существование и влияние «всемирной цепочки работы», невидимой для ее нанимателей (Ehrenreich and Hochschild, 2003b). Также работники (часто эмигранты), ухаживающие за престарелыми людьми или инвалидами, намного меньше, чем люди, нуждающиеся в постоянном уходе, понимают потребности и разочарования тех, кто вынужден тратить целые часы на выполнение простейших действий, которые люди без таких недостатков делают за считанные минуты. Хотя в некоторых случаях их потребности могут быть удовлетворены при доступности определенных ресурсов, но они редко публично артикулируются, и потому часто являются основным источником недовольства. Ясно также, что негативные последствия чересчур удлиненного рабочего дня не ограничиваются женщинами, и акцент на наименее привилегированные группы показывает, что это еще тяжелее для тех, кому при этом еще и плохо платят. Эти соображения показывают, как этот «взгляд снизу» обеспечивает нас новой информацией, которую более привилегированные, как правило, замалчивают, но и этот опыт темпоральных привилегий и угнетения не распределяется только по гендерному признаку. Хотя давление на женщин среднего класса стало предметом оживленных политических дебатов в

контексте взаимоисключающих требований семьи и карьеры, анализ потребностей и опыта их уборщиц и нянечек вместе с нуждами инвалидов, престарелых людей или получающих низкую зарплату мужчин могут сказать нам значительно больше о том, как общества функционируют, и человеческих потребностях.

Влияние постмодернизма

Акцент «черного» феминизма на сложном и всепроникающем характере мужского и женского опыта частично совпадает с «деконструкцией» «мужского» и «женского», провозглашенной современной постструктуралистской/постмодернистской феминистской теорией, и её же критикой бинарных оппозиций мышления. Этот подраздел раскрывает некоторые ключевые характеристики данной теории для тех, кто с ней еще не знаком, а после этого покажет ее применимость для феминистской практики и темпорального понимания.

Деконструируя пол и гендер

Постструктуралистская теория исходит из того, что любая связь между словами и «реальностью», которую они обозначают, — временная, реляционная и зависимая от контекста, поэтому такие понятия, как «мужчина» и «женщина», сами по себе не несут никакого значения. Описывать кого-то как «мужчину», значит, отличать его от мальчика, женщины, животного, тогда как «настоящий мужик» — не вымышленный персонаж или изваяние, это понимание зависит от доминирующего идеала мужественности, это не гей, чувствительный или слабый... и не тот человек, который проводит свое время, убирая дом, стирая подгузники или обсуждая свои чувства. Хотя слова определяют для нас то, каким мы видим мир, значение этих слов, самих по себе, всегда изменяемые и непостоянные, их понимание различно для разных людей и в различные времена. Процесс «именования» или присвоения имени поэтому внутренне текучий и не окончательный, а не стабильный и закрытый.

В таких перспективах пол и гендер социально и дискурсивно созданы, а не существуют естественно: мужественность и женственность приобретают свое значение по отношению друг к другу, а не через их

основание в репродуктивных органах. Это значит, что отождествление себя с мужчиной или женщиной — это не просто принятие нашего естественного состояния; скорее, это принятие нами того смысла, которое навязывается обществом, уделяющим особое значение некоторым аспектам нашей анатомии (так же, как и в случае цвета нашей кожи, но не цвету наших глаз или размеру ушной раковины). В современных обществах мужественность и женственность также конструируется в связи с конкретными образами времени: Памела Одих (Pamela Odih) утверждает, что «дискурсивное конструирование «мужественности» резонирует с также дискурсивным конструктом линейного времени», а женственность поддерживает воплощенное, «реляционное» понимание времени (Pamela Odih, 1999, p. 14).

Поэтому эта версия феминизма считает, что атрибуты, которые назначены «женщине» и «мужчине», произвольны. Постмодернистский феминизм сохраняет и расширяет освободительную идею, что анатомия — это не судьба, а освобождение от этих фиксированных дихотомий, гендер не стабильное ядро нашей личности, а, скорее, множественный, текучий и свободно выбираемый. С этой точки зрения, гендерная идентичность также по своей сути проходящая и склонная к изменениям; некоторые авторы утверждают, что только поддержание и постоянное повторение соответствующего гендерного поведения дает возможность существовать этой идентичности. Таким образом, гендер — это не некая независимая субстанция, а то, что люди порождают своей деятельностью.

Эта идея «порождения гендера» имеет интересные параллели с теорией структуризации Гидденса, рассмотренной нами в первой главе. Следуя за его мыслью: так как социальные институты конституируются через практики, повторяющиеся во времени, они всегда могут быть изменены. То есть, если гендер «порождается», то это «порождение» может быть остановлено отказом вести себя в соответствии с принятыми гендерными нормами. Такие мысли привели Джудит Батлер (Judith Butler) (1990) к идее о «гендерном представлении» и к тезису, что подавляющие структуры гендера и сексуальности могут быть изменены «греховными» формами поведения, такими как трансвестизм, идущими в разрез с гендерными предписаниями и нарушающими конвенциональные гендерные нормы (дискуссия по этому вопросу, см.: Grant, 1993; Segal, 1999; Squires, 1999; Weston, 2002). Но для этой книги больше подходит утверждение некоторых феминисток, что гендер может «порождаться» или «не порождаться» нашим использованием времени и создание темпоральных норм играет ключевую роль в поддержании подавляющих гендерных отличий. Эти идеи мы рассмотрим далее в седьмой главе.

Феминистская критика дихотомического мышления

Мысль о том, что «мужчина» и «женщина» — относительные и текущие понятия, а не стабильные и закрытые, связаны с более общей феминистской критикой дихотомического мышления (из большого корпуса литературы, см., например, Gatens, 1991; Barrett and Phillips, 1992; Coole, 1993; Squires, 1999; Zalewski, 2000; Prokhovnik, 2002; Lister, 2003). Гендерные и иерархические категории, лежащие в основе традиционной политической мысли (включая частное и общественное, разум и эмоции, цивилизацию и природу, автономность и зависимость, общее и конкретное), затрудняют или делают невозможным мышление инклюзивно и положительно о женщинах и ассоциированных с ними качествах, а мужчин продолжают рассматривать как эталон для всего человечества. Женщины могут быть признаны равными, только если они преодолеют свои «типичные» качества, делающие их «другими». Этот подход также загоняет нас в ловушку неправильных вопросов, предлагает неуместные ответы по типу «или/или», ограничивая творческие возможности и предотвращая дискуссии. Несомненно, настаивать на виде равенства, которое не рассматривает за свою исконную логическую точку мужчин, — это начать борьбу против самих основ западной философии.

В противоположность этому традиционному подходу, в настоящее время среди феминисток приобрела широкую популярность идея о необходимости в более открытых формах политических дискуссий, которые признают возможность «творческого напряжения» (Lister, 2003, p. 68), а не противопоставления, казалось бы, противоположных практик и идей. Эта феминистская идея делает акцент на диалоге и взаимосвязях, а не на границах и четко очерченных позициях. Такое мышление усиливает аргумент о том, что не существует абсолютных отличий между «женским временем» и «мужским». Это помогает нам понять, что хотя время может носить гендерный характер, все мы неизбежно воспринимаем его по-разному. В частности, феминистская критика разделений духовное/материальное, разум/эмоции дает возможность выявить, что субъективное восприятие и физическое переживание времени не имеет ничего общего с его объективным измерением и исследованием. Как будет показано в девятой главе, это дает возможность феминисткам ставить под сомнение научность и объективность таких количественных исследований использования времени. Кроме того, они напоминают нам, что субъективность и телесность присуща как мужчинам, так и женщинам, ведь они тоже часть природы

с ее естественными и жизненными ритмами (например, влиянием циркадного ритма и понижением с возрастом способности к деторождению).

Как пишет Рая Прокховник (Raia Prokhovnik), очевидно, что абстрактные вопросы, связанные с духовным/материальным, разумом/эмоциями и общественным/частным имеют весьма ощутимые последствия для оценки использования времени. Таким образом, время, затраченное на оплачиваемую работу, рассматривается как рациональная деятельность в общественной сфере и ценится, так как она ассоциируется с разумом. Напротив, время, затраченное на заботу о членах семьи, рассматривается как эмоциональное, девальвированное в связи с его привязанностью к репродукции и телесности, невидимым как «работа» (хотя ручной труд также поддается девальвации в рамках этого подхода, его договорная природа означает, что он не рассматривается как просто «естественная» деятельность). Это наводит Прокховник на мысль, что «в конечном счете концепция работы, повсеместно используемая сейчас, это часть все того же разделения на материальное/духовное» (Prokhovnik, 2002, p. 13). Кроме того, девальвация деятельности, традиционно ассоциировавшаяся с женщинами в пределах этой иерархической модели, ведет к тому, что темпоральные ритмы и связанные с этим потребности не признаются и отодвигаются в «тень» доминирующей темпоральной культурой (Davies, 1989). Если женщины хотят стать значимыми в обществе, быть материально вознагражденными и иметь политический голос, они должны принять и действовать в пределах мужской модели времени.

Такие исследования создают благодатную почву для феминистской политики времени. Тем не менее, постмодернистская критика, похоже, также подрывает основы онтологического базиса феминистской политики, ведь если «женщина» реально не существует, то политика, исходящая из «женского интереса», тоже не имеет права на существование. В таком контексте первоочередная задача теоретиков феминизма — это не понимание и улучшение социального положения женщин, а, скорее, выявление лингвистических, культурных и дискурсивных процессов, воспроизводящих и создающих гендер.

И все же...

Конечно, большинство из нас до сих думают о себе как о женщине или мужчине. Для большинства людей язык сексуальной идентичности остается наиболее важной дискурсивной игрой в го-

роде, где «существует множество способов быть мужчиной или женщиной» (Hird, 2000, p. 349). Даже на уровне биологии большинство женщин продолжает рожать детей и для большинства из них менструация — это часть их жизни. Тем не менее, такие искусственные дихотомии, определяющие идентичность и пол, в первую очередь, в отличие от других характеристик, — это часть нашего правового статуса.

И, конечно, когда мы знаем, чей-либо официальный пол, мы можем сформулировать для себя усредненное статистическое представление о жизненных шансах и опыте такого человека, включая его использование времени. В частности, мы знаем, что большинство женщин станет матерями, будет на определенном жизненном этапе жить с собственным мужем, тратить много времени на присмотр за детьми и уборку в доме и значительно меньше на оплачиваемую работу, чем их муж. Мы также знаем, что эти различные модели времени вознаграждаются не в одинаковой степени, что те, кто потратил много своего времени на заботу о других — финансово уязвимы. Поэтому такие люди будут иметь, скорее всего, намного меньший политический вес в обществе. Менее ощутимо феминистский анализ разоблачает то, что мы все еще живем в мире, в котором культура, ценности и приоритеты в значительной степени перекошены в сторону мужских перспектив, опыта и практик. Все они являются общепринятыми как «нормальные» и даже как «здоровый смысл», а не как частичные и потенциально предвзятые.

В этом контексте, хотя юридически мужчины и женщины равны и женщины теперь могут конкурировать с мужчинами в различных областях деятельности, они делают это на условиях уже созданных мужчинами. Поэтому если женщина не ведет себя так, как ведут себя мужчины, они рассматриваются как проблематично «другие». С «нормальной» мужской точки зрения, женская способность рожать детей и их обязанности по уходу — это негативные ограничения. Они делают для женщин очень усложненным вести себя, как ведут себя мужчины, и с этой точки зрения женская деятельность — это не тот вклад в общество, который должен быть вознагражден статусно и экономически. Кроме того, время мужской занятости рассматривается как более «правильное» время, вопреки неограниченному, относительному и ориентированному на выполнение определенных заданий времени, связанному с уходом за другими. Как будет показано в следующей главе, бездумный акцент на мужской деятельности в общественной сфере привел многих мужчин-исследователей социального капитала или политического участия к приуменьшению женских общинных сетей и деятельности, рассматривая их как вторичную форму включенности в общест-

венную жизнь. Тем более, что некоторые историки и политологи часто рассматривали домашнюю и семейную жизнь как «естественную», а не как часть человеческой истории, лишая женщин темпоральных перспектив, которые могут (см. первую главу) быть важными для развития групповой идентичности и смысла политической деятельности.

Такие неравенства и недостатки подтверждают тезис, что современные общества остаются под пятой мужского доминирования, и хотя проявления этого доминирования «иногда ужасно насильственные, деградирующие, они также прозрачные, обычные, неприметные и, сверх того, глубоко укоренены в психике индивидов и не только мужчин» (Thompson, 2001, p. 8). Как пишет Стеви Джексон (Stevi Jackson), несмотря на нашу информированность о проблематичности термина «женщина», ««Вещи» определенные феминистками как тиранические в 1970-х годах — мужское насилие, эксплуатация женского домашнего труда, плохо оплачиваемая работа — продолжают определять, что значить быть женщиной» (Stevi Jackson, 2001, p. 287). Таким образом, гендер остается не только делом культурных отличий, но и иерархического и социального разделения. Аналогично, Маргарет Андерсон (Margaret Andersen) указывает на то, что если теоретические аргументы о текущей природе гендера представляют его внутренне нестабильным, они также (вместе с расой, классом и сексуальностью) «удивительно (и удручающе) стабильны во времени» (Margaret Andersen, 2005, p. 452).

Патриархат

Как я уже писала ранее (Bryson, 1999a), радикальный феминистский концепт патриархата отводит главное место такому угнетению, показывая, что на первый взгляд отдельные опыты — это часть единого целого, в котором тривиальные происшествия и проблемы связаны с широкими моделями власти и контроля. Они их поддерживают и отражают, в них приоритетность мужчин и их интересы настолько распространены, что даже кажутся невидимыми. В отличие от гендерно нейтральных понятий, таких как «гендерные режимы» или «сексуальный класс», этот концепт считает мужчин главными бенефициариями гендерной дискриминации, напоминая, что они — структурная доминантная группа, привилегированная не только материально, но и согласованной центральностью своего особенного восприятия и опыта.

Это осознание взаимосвязанности подчеркивает вызывающие эффекты различных форм темпорального неравенства и ее специфические способы поддержания и сохранения других аспектов женского подчинения. Это также означает, что в отличие от видения Джудит Батлер о свободном выборе, подрыве гендерного спектакля, когда люди «создают гендер», они, на самом деле, обычно не могут подобрать и смешивать гендерные атрибуты по своей воле, их поведение «ограничено общими правилами общественной жизни, культурными ожиданиями, рабочими нормами и требованиями» (Lorber, 2000, p. 83). В этом вопросе осуществляется дисциплинарный эффект, и обычно «создание гендера» включено «в систему взаимосвязей доминирования и подчинения» (Sirianni and Negrey, 2000, p. 65; см. также: West and Zimmerman, 1991). Как уже упоминалось в предыдущем разделе и будет еще обсуждаться в седьмой главе, основной способ «создания гендера» происходит через использование времени в соответствии с гендером; вот почему гендерные темпоральные нормы играют очень важную роль в поддержании неравного разделения труда в пределах дуалистической системы, в которой «мужчина — работник/не сиделка, а женщина — сиделка/не работник» (Boyd, 2002, p. 466).

Это все же не означает, что темпоральные нормы и патриархат — неизменяемые и женщины всегда обречены быть жертвами или «собственностью» мужчин в своеобразной игре с нулевой суммой. Как уже освещалось в первой главе и будет продолжено в седьмой, социальные институты не просто «существуют». Они имеют историю, сохраняются и изменяются через текущие социальные практики, и даже если эти практики в значительной мере могут создавать препятствия, будущее, они не просто так детерминируют. Поскольку патриархальные практики социально сконструированы, патриархальные нормы также могут оспариваться и модифицироваться от изменения этих практик, так же как и дискурс — например, через государственную политику, считающую, что «хорошие отцы» должны проводить достаточно времени со своими детьми, а «хорошие матери» — тратить часть своего времени на рабочем месте.

Важно отметить, что патриархат — это не система, например, как капиталистическое классовое общество, в нем отсутствуют всякие внутренне динамические эквиваленты капиталистической погони за прибылью. Это означает, что если капиталисты с благими намерениями не эксплуатировать своих рабочих ради извлечения прибавочной стоимости из их труда будут вытеснены из бизнеса, то в принципе равноправные и партнерские отношения между мужчинами и женщинами могут существовать. Однако патриархат

до сих пор так же тесно связан с капитализмом. Как утверждала Линн Сигал (Lynne Segal), изменяющаяся природа патриархата, по этой причине, может быть понята только в контексте экономической эксплуатации и «все более тотального контроля транснационального капиталистического рынка» (Lynne Segal, 1999, p. 34; выделено в оригинале). В этом контексте, так как умеренные феминистские требования родительского отпуска и лучших прав для работающих неполный рабочий день вступают в противоречие с неограниченным стремлением к прибыли и свободной экономической экономикой — они будут восприняты в штывки могущественными экономическими интересами (см. феминистские дебаты о связи между капитализмом и патриархатом: Sargent, 1986; современное обсуждение Bryson, 2003; Davis, 2005).

От сестринства к солидарности — появление консенсусов?

Хотя понятие патриархата может обеспечить политически полезную картографию неслучайной и взаимосвязанной природы неравенства между полами в общественной и частной жизни, это еще не конец гендерной истории. Проблема остается в решении таких вопросов: как анализировать и бороться с неравенством между мужчинами и женщинами, в то же время понимая, что эти две группы не существуют в природе? Быть внимательным к различиям среди женщин и мужчин и понимать, что мужчины так же, как и женщины, могут терпеть убытки от доминирующих гендерных норм? Как пишет Венди Браун (Wendy Brown), «в это время феминизм оказался между двумя взаимоисключающими истинами: с одной стороны, не существует стабильного пола или гендера, а с другой — женщины часто чувствуют себя в плену своего гендера и сексуальных норм, регулирующих его» (Wendy Brown, 2003, p. 366). Выйти из этого тупика в последние годы старались различные исследователи. И хотя их предпосылки и теоретические позиции различны, их выводы все в большей степени сходятся в одну точку.

Так, если Коллинз защищает «обе/и концептуальную позиции», которые, по ее мнению, характерны для африканской мысли (Collins, 1990, p. 225), Браун сама предполагает, что так же, как в искусстве, мы имеем в данном случае два противоречивых «угла зрения» в «контрапункте», просто нужно научиться одновременно постигать «гендерное подчинение, эксплуатацию и насилие и ...

нестабильность конвенциональных гендерных норм и уязвимость мест их проявления» (Brown, 2003, pp. 366, 367). Различие Максин Молине (Maxine Molyneux) между «практическим» и «стратегическим» гендерными интересами (Molyneux, 1985, p. 232) начинается с признания различий среди женщин. Она предупреждает, что хотя стратегическими целями — женскими долговременными коллективными интересами — является прекращение женского подчинения и сексистского разделения труда, достижение этого приведет к немедленной потере поддержки, в которой многие женщины нуждаются, выполняя свои традиционные домашние обязанности, хотя их интересами также сформированы классовыми факторами. Поэтому непростой задачей для феминисток является политизация практических интересов и их трансформация в «стратегические интересы, которые женщины могут определить и поддержать», понимая, что единство вокруг отдельных программ «должно быть создано — оно никогда не будет дано просто так» (Molyneux, 1985, p. 234). Джудит Сквайерс связывает отличия между идентичностями, налагаемыми репрессивными отношениями власти, и теми, которые умышленно избраны угнетенными группами с политическими целями. В этом контексте она рассматривает феминистскую самоидентификацию женщин как стратегический акт осознания исторической особенности такой идентичности. Такое действие, как нам представляет гендерная теория, удерживает нас «постоянно осведомленными о дополнительных требованиях группового сходства и помнящими об отношениях власти, создавших условия такой идентичности» (Squires, 1999, p. 73). Такие подходы ведут нас к развитию «стратегического сестринства», которое предложили Салли Баден (Sally Baden) и Энн Гетц (Anne Goetz) (1997) в их совместном выступлении на Всемирной конференции по положению женщин Организации Объединенных Наций в Пекине в 1995 году. Этот подход они видят как основу для создания альянсов между женщинами на глобальном уровне без утраты ими своих собственных исторических и культурных особенностей и своих различных опытов. Это, в свою очередь, кажется совместимым с политикой «как если бы женщины существовали», обоснованной Дениз Рали (Denise Riley), на том основании, что «мир ведет себя так, как если бы они однозначно были», хотя ее постмодернистский подход, кажется «деконструировал женщин из существования» (Riley, 1988, p. 112; Lister, 2003, p. 78).

В сочетании с «черным» феминистским анализом интерактивной природы различных форм угнетения эти подходы открывают путь идеи солидарности среди угнетенных групп: если различные формы угнетения взаимосвязаны, таким образом должны посту-

пить и движения по борьбе с ними. В отличие от идеи сестринства, которая делает акцент на сходстве между женщинами, солидарность ведет женщин к поддержке друг друга в их борьбе без предположения, что они находятся в одинаковой ситуации. Это также предполагает, что они могут создавать альянсы с угнетенными группами мужчин, и, хотя «мужчины не становятся жертвами сексизма, ... есть его проявления, от которых страдают и они» (hooks, 1984, p. 72). Идея солидарности означает, что как «белые», так и «черные» феминистки должны поддерживать антирасистские движения, а женщины с высокими доходами должны поддерживать движения и политику направленной на справедливые изменения экономической системы не только потому, что это морально, но и потому, что это оспаривает несправедливые принципы отсутствия равенства среди тебе же подобных и приписывает некоторым людям большую ценность, чем другим. Аналогичные аргументы связаны с борьбой за права инвалидов или борьбой за права геев и лесбиянок. Такой общий интерес иногда принимает более сконцентрированные формы: например, нянечка-эмигрантка и женщина из среднего класса, взявшая ее на работу, обе станут малоимущими, если рождение детей будет рассматриваться как индивидуальная, а не коллективная ответственность, и обе выиграют от увеличения государственной финансовой поддержки. В терминах политики времени борьба феминисток за родительский отпуск или более приемлемые условия труда для неполной занятости — сможет достичь своей цели, будучи частью общей кампании за лучшие условия труда, вероятно инициированной профсоюзами, и эти мероприятия предполагают определенный уровень государственного регулирования, не совместимый со свободным рыночным капитализмом.

Такая солидарность, безусловно, не будет автоматической — женские интересы и восприятие часто будут различаться. Поэтому некоторые феминистки в последнее время пришли к выводу, что политика солидарности должна быть общностью в различиях. Такой подход отвергает сведение индивидуальности только к одному аспекту идентичности, делает акцент на диалоге и свободной дискуссии между гражданами как важном самом по себе процессе, а не просто средстве достижения консенсуса. Так, Рут Листер (Ruth Lister) утверждает, что феминистская общность в различиях стремится «встроить отличия в очень стандартизированный фабричный политический проект» (Lister, 2003, p. 82), хотя также признает, что женщины не имеют всех гражданских прав, поскольку они являются женщинами — это их центральный совместный опыт. С этой точки зрения, хотя женщинам не обязательно иметь определенные схожие черты или идентичности, они сталкиваются «с общими

структурными ограничениями, которые могут ими переживаться по-разному» (Lister, 2003, p. 78). Для многих женщин такие ограничения включают в себя нехватку времени в политических системах, исходящей из того, что «нормальные» граждане содержат кого-либо, кто берет на себя исполнение обязанностей по дому.

Как признает Листер, диалог между женщинами в различных обстоятельствах — часто очень трудный. Это особенно явно в обществах, разделенных гражданскими войнами, этническими или религиозными конфликтами. Однако некоторые феминистки утверждают, что в таких ситуациях возможен диалог, для этого разработали так называемую «политику пересечения» («transversal politics»), термин, предложенный итальянским женским движением за мир и разработанный Нирой Ювал-Девис (Nira Yuval-Davis). Этот подход не предполагает, что все конфликты интересов можно примирить, но он отвергает и различия как исключительные и эссенциалистские, или взгляд на женщин из разных групп «упрощенно, как на представительниц своих групп». Скорее, он защищает процесс диалога, включающего в себя «познание своих корней» («rooting»), посредством чего политические акторы размышляют над своей собственной позицией и идентичностью, «перемещение» («shifting»), с помощью которого они стараются поставить себя на место и в обстоятельства тех, кто отличается от них. Таким образом, политические акторы открывают для себя отличия внутри и между группами, «придерживаясь собственных взглядов на вещи, в то же время будучи эмпатами и уважая других» (Yuval-Davis, 1998, pp. 184, 185; см. также: Cockburn and Hunter, 1999; Massey, 1999).

По словам Дженис Маклафлин (Janice McLaughlin), Пекинскую конференцию и последующий пятилетний план действий (Beijing+5) можно рассматривать как «операционализацию такой политики пересечения», а не навязанный западными феминистками план действий. В нем отведено достойное место потребностям и деятельности женщин из неиндустриальных стран, обеспеченных принятием «Платформы Действий» («Platform for Action»), в которой «артикуляция прав совмещается с признанием различий, общественных и коллективных идентичностей» (Janice McLaughlin, 2003, p. 43). Как отмечается в последующих главах, эта Платформа придавала особое значение экономическому значению женской неоплачиваемой работы и призвала государства, подписавшие ее, осуществить изучение использования времени и ее также учитывать. Несмотря на чрезвычайно различные жизненные опыты женщин, тратящих много своего времени на выращивание пищи для своей семьи и совмещающих домашние обязанности с карьерой, обе включены в продуктивную деятельность, до сих не признанную официально.

Выводы

Хотя идеи, обсуждавшиеся в этой главе, достаточно сложные, а не имеющие ряд ясных, понятных решений или простых рекомендаций, они предлагают нам ряд выводов, разворачиваемых в следующих главах. Во-первых, явно непригодной является трактовка «женщин» и «мужчин» как однообразных категорий-видов, не говоря уже о приписывании им определенных «вечных» качеств, жизненного опыта или интересов. Это означает, что вряд ли представляется возможным определить универсальные половые отличия в использовании времени или трактовать «женское время» и «мужское время» как стабильные, дихотомические базирующиеся на биологии понятия.

Во-вторых, мир часто ведет себя так, как будто женщины — это определенная группа, и это является источником коллективного угнетения в патриархальном обществе, — политически необходимо действовать во имя женской коллективной идентичности, даже если одной из целей есть ее уничтожение. Это означает, что женщины должны вернуть себе свою историю, осознать и утверждать свои временные потребности и интересы, иначе они будут маргинализированы и связаны с иными видами неполноценности. В частности, время, затраченное на заботу о других, будет ставить женщин в невыгодное положение, а не вознаграждаться, и даже если женщина не имеет детей или мужа, ей эта «вина» будет вменяться по ассоциации, то есть будет считаться, что ее домашние обязанности первичны относительно работы и что она получает поддержку своего мужа-кормильца (а если нет, то это считается неприличным, а женщина пропащей). Напротив, мужчины считаются главными кормильцами семьи, о которых кто-то должен заботиться и материально зависеть от них, поэтому как сами мужчины, так и их жены мотивированы на то, чтобы они ставили как приоритет свою оплачиваемую работу, работая как можно больше времени.

В-третьих, если другие формы идентичности также текучи и социально сконструированы, они тоже создают систематические формы угнетения, взаимодействующие различными способами с гендером. Это означает, что некоторые женщины могут эксплуатировать как других женщин, так и мужчин. Мы сможем понять такие существующие неравенства, если сосредоточимся на взглядах и ощущениях угнетенных ими женщин, а не на привилегированных группах. Это также означает, что «женские вопросы» нельзя решать в изоляции: очень важно понимать широкий экономический

контекст, в котором существуют патриархальные отношения власти и те его возможности, от которых выигрывает капитализм.

Наконец, мы должны признать, что женщины не только имеют различный опыт и потребности, но и то, что их интересы могут быть конфликтны. Вместо того, чтобы как бы «не замечать этого», феминистки должны поставить себе за цель создать новые формы диалога и понимания, уважающие отличия, но находящие общность и развивающие формы коллективной солидарности, которая поддерживает коллективные политические проекты. Такая «общность в различии» делает возможными локальные, национальные и всемирные социальные сети и движения. В сочетании с указанными исследованиями это также означает, что политика солидарности включает в себя как мужчин, так и женщин. В таких смешанных группах женщины должны сознательно отстаивать и защищать законность своих собственных потребностей и жизненного опыта от скрытой «нормальности» мужских перспектив.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЧАСТНОЕ В ФЕМИНИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Эта глава основывается на феминистской критике дихотомий мышления — «или/или», обсуждение которой мы начали в четвертой главе, рассматривая темпоральные последствия феминистских вызовов политической теории в вопросе принятого противопоставления частное/общественное. После краткого раскрытия основных аргументов по этому вопросу для тех, кто не знаком с ними, они будут употребляться в контексте времени, которое мы тратим как граждане и работники. Опровергается распространенное мнение, будто женские традиционные обязанности — просто негативные ограничения их способности участвовать на полноправных основаниях в жизни общества, утверждается, что это весьма дорого обходится для их собственных прав. Глава также обращается к феминистской теории справедливости, исходящей из того, что освобождение мужчин от «частных/домашних» обязанностей — это ключевая несправедливость, имеющая негативные последствия для общества. Показано, что модифицированная марксистская перспектива может нам помочь в этом вопросе.

Феминистская критика разграничения общественного/частного

Западная политическая теория основного направления традиционно исходит из того, что демократические государства не должны назойливо интересоваться частной жизнью своих граждан и домашние условия находятся вне их политической компетенции. Эта книга, напротив, поддерживает тезис феминисток о том, что общественная и частная сферы концептуально и практически взаимосвязаны. Принятое разделение поддерживает принципиальное игнорирование частного источника женского неблагоприятного положения в общественной сфере (см. многочисленную литературу: Elshtain, 1981; Eisenstein, 1984; Pateman, 1987; Okin, 1990; Young, 1990; Phillips, 1991, 1993; Ackelsberg and Shanley, 1996; Landes, 1998; Lister, 2003; Zelizer, 2005).

На концептуальном уровне это различие происходит от различий между историей и природой, которое «рассматривает частную

сферу как имеющую вневременную связь с природой и репродуктивным циклическим временем, которое, по общему мнению, якобы отличается от политики» (Holmes, 2002, p. 40). Такое понимание усложняет рассмотрение гендера как культурно и исторически изменчивого и поэтому открытого для изменений. Идея верховенства общественной сферы рационального дискурса, справедливости и беспристрастности также предполагает и даже требует существования частной сферы, «запачканной» страстями, эмоциями и частными проблемами, которые могут быть проигнорированы. Так как женщины, были отнесены к частной сфере с ее соответствующими характеристиками, их выход в общественную сферу никогда не был простым. И не только потому, что «частные» потребности никуда не делись и должны исполняться, но и потому, что женская закрытая идентификация «с миром природы, эмоций, желаний и частной жизнью» (Arneil, 1999, p. 7) также означает, что присутствие женщин в общественной сфере — это нарушение всех границ и угроза самим ее основам.

На более практическом уровне различие общественное/частное поддерживает интересы мужчин, скрывая взаимосвязанный характер их общественной и частной власти. В частности, нивелируется тот факт, что домашние обязанности (включая уборку и приготовление пищи для своих мужей) часто не дают возможность женщине уделять столько же времени общественной сфере, как и мужчине, поэтому гендерное неравенство в экономической и политической жизни имеет своими корнями не равное распределение домашнего времени. Это, однако, не означает, что феминистки обязаны отказаться от претензий иметь частную и семейную жизнь (обсуждение этого вопроса, см.: Phillips, 1991; Einhorn, 1996; Squires, 1999; Lister, 2003, 2007). Это означает, что понимание различия общественное/частное нуждается в изменении, должна быть признана его текучая и зависимая от контекста природа.

Общественная и частная работа

«Работа» в капиталистических экономиках понимается как оплачиваемая работа в общественной сфере, а экономическая деятельность обычно уравнивается с участием в рынке труда. Тем не менее, ориентированная на женщину перспектива показывает, что неоплачиваемая деятельность, включая приготовление пищи, уборку и заботу о членах семьи, — это не просто «частное» дело. Это очень важно для выживания и нормального существования любого

общества, поэтому такая неоплачиваемая деятельность — это тоже работа (см., например, Floro, 1995; Veneria, 2001; Campillo, 2003; Litt and Zimmerman, 2003; Pyle and Ward, 2003). Такой работой в непропорциональных масштабах, как правило, занимаются женщины, а так как она не оплачивается, то это источник экономической зависимости: больше четверти женщин во Франции, Германии и Великобритании и каждая пятая женщина в США не имеют личных доходов, и эта цифра возрастает до трети в Нидерландах и составляет больше половины в Италии, где очень много женщин — просто домохозяйки (Daly and Rake, 2003). Хотя финские, норвежские и датские родители (в основном, матери), сделавшие выбор остаться дома со своим маленьким ребенком, могут ожидать выплат от государства (Finch, 2006a; Leira, 2006; Salmi, 2006), это все равно меньше, чем заработная плата на обычном рабочем месте (в Дании это на целых 36 процентов ниже среднего заработка). Аналогичным образом денежное пособие, выплачиваемое сейчас в Великобритании тем, кто ухаживает за человеком в возрасте или инвалидом больше 35 часов в неделю, значительно меньше минимальной заработной платы. В США «политика благосостояния», вынуждающая одиноких матерей выходить на работу, когда их дети еще очень маленькие, институционализована отсутствием должного внимания к значению домашней работы.

Феминистское переопределение работы включает в это понятие неоплачиваемую деятельность, делая возможным увидеть, что гендерная организация такой деятельности должна анализироваться в пределах определенных сроков, а не как постоянный факт жизни. Это, в свою очередь, означает, что такая работа может поддаваться изменениям. Более осязаемо, изучение времени, затрачиваемого на такую деятельность, имеет широкое признание как способ оценивания его значения, и «Платформа Действий», принятая в 1995 году в Пекине, соответственно, требует от стран, ее подписавших, проводить регулярное изучение использования времени, включая в него и неоплачиваемую работу. Такие исследования использования времени обсуждаются в деталях в девятой главе, проводятся волонтерами и часто неофициально членами разных семей. Полученные данные используются для оценки общей стоимости неоплачиваемого ухода (см.: Holloway et al., 2002) и для измерения «социально-го капитала» в Великобритании (эта тема будет обсуждаться далее; см.: ONS, 2001; Gray, 2003; Ruston, 2003; Babb, 2005).

Признание неоплачиваемой работы ценной — это, конечно же, не равносильно вознаграждению за нее, и поэтому измерения использования времени сами по себе очень проблематичны (это будет обсуждаться в девятой главе). Тем не менее, такое измерение необ-

ходимо по нескольким причинам. Во-первых, так как исследования использования времени неизменно показывают, что большую часть неоплачиваемой работы выполняют женщины, тут возникает вопрос: почему тот, кто исполняет так много работы, часто не имеет экономической независимости и/или живет в бедности? Во-вторых, они демонстрируют экономическую и социальную значимость неоплачиваемой деятельности и усилят аргументы в пользу государственной поддержки для «частной» работы с помощью предоставления определенных услуг, финансовой помощи или «дружественной к семье» регуляции рабочего времени. В-третьих, выявление трудоемкой природы домашних дел вынудит государство обеспечить отмену политики, поощряющую или вынуждающую женщин выходить еще и на оплачиваемую работу, «будто бы женщины находятся в определенном резерве незадействованной рабочей силы и только и ждут этого» (Himmelweit, 1999, p. 3). В-четвертых, по аналогии, помощь соседям или участие в волонтерских организациях также может быть рассмотрены как определенная форма «работы», и время, требующееся для этого, нужно также откуда-то брать. Наконец, такие исследования показывают абсурдность утверждения, будто время, оставшееся после оплачиваемой работы, — непременно «свободное» или что это время досуга, которое работники могут тратить на свое усмотрение.

Платная помощь

Размытая природа границ между общественной и частной жизнью резко меняет свои контуры, когда домашняя работа и помощь по уходу превращаются в оплачиваемую работу (см.: Hobson, 2000a). Такой вид занятости ставит под сомнение предположение, что такая работа — естественная и частная обязанность женщин; она часто сосредоточена в частных домах; и такой же вид деятельности может в некоторых ситуациях оплачиваться, а в других нет. Границы становятся еще более расплывчатыми, когда люди, предоставляющие платную помощь, эмоционально включаются в свою работу. Такая эмоциональная вовлеченность, тем не менее, часто рассматривается как проблематичная и непрофессиональная, и потенциальная безликая природа платной помощи вступает в противоречие с существующими представлениями, которые Маркс определил как различие между превращенной в товар работой и удовлетворением человеческих потребностей в капиталистическом

обществе, где работа воспринимается как чужеродная деятельность, предпринятая с единой целью — заработать деньги.

Так как работники получают оплату за свое рабочее время, оплачиваемая помощь также связана с общей проблемой подгонки ее к более «естественным» темпоральным ритмам. Деятельность по уходу часто оказывается в тисках императивов часового времени, которое ценит «эффективность» и «управление временем», а не «неосозаемое» развитие человеческих отношений, и требует от работников «выключаться», как только их смена заканчивается. Эти вопросы будут обсуждаться детальнее в восьмой главе. Трудность обеспечения адекватной помощи, в выделенные единицы времени может быть особо острой для тех, кто сам оказывает помощь, приходя в частные дома. Совершенно ясно, что существует качественная разница между отключением механического конвейера в конце рабочей смены и отказом сидеть с маленьким ребенком дольше, чем нужно, если его родители опаздывают, или со старой немощной женщиной, — но темпоральные следствия такого вида человеческой ответственности никогда не признаются и финансово не вознаграждаются. Как правило, такая работа оплачивается хуже, чем работа по уходу в специальных учреждениях.

По поводу оплаты работы по уходу: в этом нет ничего нового (очевидно, что состоятельные семьи уже много веков нанимают других людей приглядывать за своими детьми), но это получает более явное распространение в наши дни среди широких слоев населения и вызывает определенную общественную озабоченность. Эта проблема, связанная с тем, как женщины тратят свое время, емко выражена риторическим вопросом в книге «Коммерциализация личной жизни» Арли Хохшильда (Arlie Hochschild): «Все ли у нас нормально, если в наши дни ребенок может сказать свои первые слова нянечке, а старушка свои последние слова медсестре-сиделке?» (Arlie Hochschild, 2003: заглавие книги и р. 3; критическое обсуждение, см.: Zelizer, 2005). Если консерваторы порицают женщин из-за забвения своих «естественных» обязанностей, то автор этой книги поддерживает мысль тех феминисток, включая Хохшильд, которые утверждают, что повышение значимости деятельности по заботе состоит в том, чтобы мужчины принимали в ней более активное участие, как и в изменениях условий занятости, для получения более равного баланса между рыночным и не рыночным временем. Это решение также есть частью движения за пределы дихотомического мышления, показывающего, что выбор женщин не ограничен: или же деятельностью, напоминающей «мужскую» в надежде приобрести такой же статус и экономическое вознаграждение, или утверждением важности неоплачиваемой

деятельности в надежде, что найдется кто-то, кто оценит это. Однако неоплачиваемая работа — это, скорее, препятствие для производственной равности в терминах, которые сегодня повсеместно используются и для деятельности, определяемой как важная. Это означает, что прогресс требует как изменения представлений об увеличенном рабочем дне и неспособности мужчин к исполнению домашних обязанностей, так и переоценки этих обязанностей как важных и необходимых для общества.

Различия среди женщин

Появление оплачиваемой помощи обеспечивает наглядный пример различия среди женщин. Некоторые из темпоральных следствий таких отличий прекрасно описаны в книге Мириам Глюксман (Miriam Glucksmann, 1998), которая посвящена изучению устной истории замужества женщин из рабочего класса в северной Англии в 1920-е и 1930-е годы. Это исследование имеет значительную актуальность и заслуживает внимания в некоторых аспектах. Сравнивая женщин, работающих ткачихами (относительно хорошо оплачиваемая и защищенная деятельность), и работающих на случайных и более низкооплачиваемых работах (часто уборщицами или нянечками для детей ткачих), Глюксман находит важные отличия не только в способах структурирования их времени и уровне автономии, который связан с этим, но и в их позициях в семье и в субъективном восприятии времени как такового. Она видит эти отличия как продукт различных взаимосвязей между общественной и частной сферой.

В частности, хотя оплачиваемые часы рабочего времени непостоянных работников часто очень длительны, они также фрагментированы, нерегулярны и «сопряжены» с их собственной домашней работой, у таких работниц отсутствует четкое разделение между рабочим и не рабочим временем. Их мужья не принимают участия в работе по дому, они и не ожидают этого от них. Как пишет Глюксман, «когда их время отдано, продано и обменено — они остаются в любом случае проигравшими. Таким образом, работа/время создает различные гендерные темпоральности, которые и переживаются как таковые». В отличие от них, ткачихи имеют возможность покупать время у других для своей домашней работы и уходу за детьми; они также ожидают и получают помощь в домашней работе от своих мужей. Хотя их время на заводах четко контролируется, они

понимают такие домашние порядки как свое личное дело. Может, это покажется парадоксальным, но часы непостоянных работниц, которые, вроде бы, должны иметь больше времени и сами структурировать свой график, были жестко детерминированы строгими общественными нормами, домашней работой, так же как и временем общественных школ и графиком работы их мужа. В отличие от ткачих, они не ощущали «никакого темпорального различия между сферами»; несомненно, «многие действия, которые ткачихи рассматривали как свое личное дело, были «общественными» для женщин с непостоянной занятостью», чье «время, затраченное на работу, не было отличным от другого времени, как бы встроенного в это время». Эти отличия в темпоральной структуре повседневной жизни вели и к различному восприятию всего течения жизни, еще раз отражая различные взаимоотношения с общественной и частной жизнью: там, где ткачихи использовали важные общественные события в качестве отправной точки для собственного отчета времени (например, «между двумя войнами»), женщины с непостоянной занятостью ориентировались на собственный жизненный опыт («после того, как я вышла замуж») (Glucksmann, 1998, pp. 247, 252, 253, 253).

Хотя Глюксман не изучила этот вопрос, такие отличия среди женщин, очевидно, также ведут к конфликту интересов. За исключением субсидированных государством семейной помощи и услуг по уходу, время женщин, оказывающих такие услуги, не может быть оценено на том же уровне, что и женщин, которые платят им из собственных доходов, и поэтому последние, очевидно, имеют экономический интерес платить своим уборщицам и нянечкам как можно меньше. Некоторые хорошо зарабатывающие женщины или женщины, имеющие хорошо зарабатывающих мужей, могут быть более «великодушными»; получающие же низкую зарплату женщины почти не имеют выбора. Хотя западные феминистки часто озабочены проблемами, которые стоят перед работающими женщинами с детьми, такие женщины могут требовать и получать помощь различного характера на разных этапах своей жизни (Katz and Monk, 1993) и могут быть вовлечены в конфликт интересов между женщинами, нуждающимися в помощи, и теми, которые такую помощь дают. Более общие проблемы возникают, когда «дефицит помощи», характерный для некоторых общин и стран, перекладывается на другие, проявлением чего есть увеличение количества женщин-работниц из южных стран и Восточной Европы. Эти женщины оставляют свои собственные семьи ради «утомительной и эксплуататорской работы в больницах, семьях среднего

класса и на производстве» Запада (Litt and Zimmerman, 2003, p. 157; см. также: Anderson, 2001; Ehrenreich and Hochschild, 2003b; Pyle and Ward, 2003). Также здесь может возникнуть столкновение интересов на рабочем месте между «работающими матерями», имеющими право на декретный отпуск и гибкий график, и другими женщинами, которые могут испытывать на себе тяжесть дополнительной работы, когда их коллеги пребывают в декретном отпуске. Хотя ни один из этих конфликтов не есть неизбежным, их предотвращение требует изменения роли государства, гендерных обязанностей и условий работы.

При обсуждении времени, затраченного на оплачиваемую и не оплачиваемую работу, важно остерегаться бездумного объединения заботы с другими видами домашней деятельности, например, с уборкой и приготовлением пищи. Такие объединения затмевают различия среди работающих женщин и уравнивают все виды таких работ. Так, Миньон Даффи (Mignon Duffy), ссылаясь на данные переписи населения США по поводу оплачиваемой работы, показал, что «цветные женщины» сконцентрированы на тяжелой работе, а не на «эмоциональной», и также предостерегает против «теоретического внимания на привилегированном опыте белой женщины и исключении опыта работников с низкой зарплатой» (Duffy, 2005, p. 79). Как утверждает Бриджит Андерсон, многие виды домашней работы — это статусные виды работы, а не жизненно необходимые, и она подчеркивает, что многие женщины-эмигрантки в Европе включены в работу, которая «не жизненно необходима, эксплуататорская и/или унижающая достоинство», а не социально значимая (Bridget Anderson, 2001, p. 32).

Такие аргументы показывают, что измерение времени, необходимого для «женской работы», — это важный путь к оцениванию ее денежной стоимости. Это не должно соединяться с ее социальным или гражданским значением, хотя многие из этих действий — важны, полезны или позитивны для общества в целом. То же самое справедливо относится и ко многим формам оплачиваемой работы. Тем не менее, государственные мужи и политики имеют склонность рассматривать любой вид оплачиваемой работы как безоговорочно хороший, настоящий вклад в общество, обеспечивающий индивидуальную независимость, социальную интеграцию и самоуважение, но в то же время пренебрегают сопоставимым общественным вкладом домашней неоплачиваемой работы. Это особенно явно в связи с последними дискуссиями вокруг гражданства, которые будут обсуждаться нами далее.

Гражданство в общественной и частной сферах

Сегодня гражданство обещает переступить границы частностей наших индивидуальностей, опытов, интересов или убеждений. Мы можем быть бедными или богатыми, «белыми» или «черными», здоровыми или инвалидами, геями или гетеро, мужчиной или женщиной, молодым или старым, христианином, мусульманином или атеистом, но если мы граждане, то все мы имеем равный статус или, как сказано в классической формулировке Т. Маршала (Т. Н. Marshall), все мы «равные в своих правах и обязанностях, которые этот статус дает» (Marshall, 1983 [1949], p. 253). Женщины достигли этого равного статуса формально в большинстве стран мира, за исключением лишь некоторых. Однако современные феминистские авторы настаивают на том, что вроде бы гендерно нейтральные понятия, продолжают нести на себе «родимые пятна гендерных предубеждений», и они оставляют в стороне «универсалистский плащ абстракций, свободный от индивидуальности... разоблачая гражданство, ориентированное на белых мужчин, гетеросексуальных и не инвалидов» (Lister, 2003, pp. 71, 68).

Как и при обсуждении работы, гендерные представления, стоящие за доминирующей концепцией гражданства, связаны с противопоставлением общественного/частного и гендерными моделями использования времени. Гражданство — это квинтэссенция общественного, где личные, домашние уклады и деятельность не имеют принципиального значения. Поэтому исследователи основного направления игнорируют способы, которыми они могут влиять на общественную активность якобы равноправных граждан, и не считают, что гражданские обязанности могут распространяться на домашние дела. Они также исходят из того, что качествам и свойствам частной сферы, таким как эмоции и зависимость, нет места в понимании и осуществлении гражданства. Напротив, феминистки подчеркивают, что гендерные отличия в общественном гражданстве имеют частные основания, и деятельность в частной сфере может быть как источником качеств и ценностей, необходимых хорошим гражданам, так и формой гражданской активности.

Нехватка времени у женщин

Время — это «важный гендерный предмет потребления, влияющий непосредственно и с помощью общественного-частного разделения», часто центральный предмет такого феминистского

анализа, поднимающего ряд комплексных, спорных и взаимосвязанных вопросов (классификацию таких вопросов, близких к теме нашего обсуждения, см. у Herd and Meyer, 2002). Пожалуй, достаточно очевидно, что многочисленные женские домашние обязательства оставляют им меньше времени, чем мужчинам, для политической деятельности. Как пишет Листер, «понятие активной гражданской позиции, предполагает время: люди должны иметь его, чтобы быть деятельными гражданами, хорошими соседями и волонтерами или активными участниками политической жизни общины» (Lister, 1990, p. 456). Вот почему домашние обязанности женщин — это барьер для их равного участия: «участие в политике женщин с обязанностями по уходу остается или подарком ее мужа, или связано с ее фантастическим умением сочетать несколько противоречивых требований» (Maskau, 2001, p. 162; см. также: Holmes, 2002; Vromen, 2003). В этом смысле домашнее равенство — это ключевое условие для политического равенства между женщинами и мужчинами и «даже в чем-то более важное, чем право голосовать» (Phillips, 1991, p. 101).

Как будет обсуждаться далее (в девятой главе), утверждение о том, что женщины имеют меньше времени, чем мужчины, — достаточно часто оспаривается. Оно также достаточно усложнено различиями среди самих женщин: например, некоторые из них имеют возможность «покупать время» других для выполнения своих домашних обязанностей, а многие не могут рассчитывать даже на помощь своего мужа. Тем не менее, существующие исследования показывают, что даже если их доступное время близко к мужскому, женское свободное время значительно более фрагментированно и поэтому менее пригодно для политики, чем мужское.

От частной помощи — к общественному благу

Сдерживающие влияние нехватки времени наиболее критично для участия в региональной, общенациональной и международной политике, где эффективное участие обычно означает долгое пребывание за пределами своего дома. Однако это хоть как-то можно контролировать на локальном и общинном уровне, где домашняя деятельность иногда ведет к непосредственному сотрудничеству с другими гражданами. Это сотрудничество, в свою очередь, может способствовать более широкому участию в жизни общины и политическому участию: например, совместный присмотр за детьми между подругами может перерасти в широкую сеть, а те, кто уха-

живает за пожилыми людьми, могут быть заинтересованы в борьбе за облегченный доступ людей на инвалидных колясках к общественным учреждениям. Матери также могут быть заинтересованы в нормальной окружающей среде для своих детей, что приведет их к объединению усилий по очистке детских площадок и созданию новых безопасных пешеходных переходов возле школ (обсуждение такой «материнской деятельности» см.: Vromen, 2003). И хотя такая женско-центрическая активность возникает, как правило, по поводу отдельных частных проблем и не попадает в сводки политических комментаторов, иногда такие движения перерастают в более общие и/или официальные формы политической деятельности, которые можно рассматривать как свидетельство «многообразных и вдохновляющих связей повышения гражданской активности» (Lister, 2003, p. 146; см. также: Dominelli, 2006).

Многие женщины принимают участие в волонтерских организациях и предоставляют неформальную помощь другим в своих общинах. Такая деятельность может рассматриваться как важный источник «социального капитала», а именно — как источник социальных норм и доверия, возникающих в результате неформальных взаимодействий и как строительный блок для социально сплоченного и инклюзивного общества. Большинство исследований по социальному капиталу основного направления игнорирует социальные взаимодействия и сети, построенные вокруг заботы; в самом деле, в одной из работ по социальному капиталу «даже рассматривается в деталях тенденция посещаемости пабов в Британии (где в 1984 году мужчины провели в два раза больше времени, чем женщины), но осталась незамеченной тенденция увеличения времени, затраченного на уход за детьми» (Lowndes, 2000, p. 534; см. также: Blakeley, 2002; Lowndes, 2004). Однако Херд и Мейер утверждают, что даже частная деятельность, направленная на заботу, может генерировать социальный капитал, способствуя «усилению смыслов общности, социального доверия и крепкой демократии участия» (Herd and Meyer, 2002, p. 667). Даже время, потраченное на «общение», может придавать смысл общим ценностям, чего не хватает тем, кто «играет в боулинг в одиночку» (Putman, 2000, название книги), хотя Джейн Мансбридж (Jane Mansbridge) утверждает, что и «повседневная болтовня» с теми, кто не есть политически активный, может рассматриваться как «неформальный, неосознанный и агрегированный процесс», обеспечивающий «ключевую часть общей совещательной системы, в которой нуждаются демократии, если граждане, в любом случае, хотят управлять сами собой» (Jane Mansbridge, 1999, pp. 215, 211). Вместе с тем, хотя женская локальная активность и сети могут генерировать социальный капитал, они

же в дальнейшем ограничивают время, которое женщины могут потратить на более официальную политическую деятельность. Как показала Вивьен Лоундс (Vivien Lowndes), поэтому такая женская деятельность на местах — это, «с одной стороны, тяжелая ноша для женщин-политиков, а с другой — ресурс для мужчин-политиков» (Vivien Lowndes, 2004, p. 59; см. также: Bruegel, 2005). Также важно отметить, что не всякая совместная деятельность может рассматриваться с позитивной точки зрения, как осмотрительно отмечала Листер, «совместные попойки и ночные гонки по центру города делают общественное пространство отталкивающим для других, хотя и могут рассматриваться как «общение», но это вряд ли проявление гражданственности!» (из частного общения, 2006).

Гражданственная важность «частной» активности исходит от деятельности по уходу как в семье, так и в общине. Как пишут Памела Херд (Pamela Herd) и Мадонна Мейер (Madonna Meyer), очень сложно объяснить: «почему волонтерская деятельность по уходу за пожилыми людьми в хосписах — это общественная активность, а женская забота за пожилой тетей — нет» (Pamela Herd and Madonna Meyer, 2002, p. 674), хотя социальное значение деятельности по уходу часто простирается за пределы узкого круга причастных к ней индивидов, способствуя общественному благу. Очевидно, что выраживание следующего поколения граждан и работников — это не просто частное дело, это важный вклад в будущее общества. Что значит — родительские обязанности воспитывать своих детей это не просто их «естественная» обязанность, но и «признанная и ценная этическая «гражданская обязанность», это важная часть гражданства» (Prokhovnik, 1998, p. 88; схожая точка зрения, см.: Dobson, 2003, p. 136).

Перспектива «этики заботы», включенная в четвертую главу, также предполагает, что забота о других может привести к положительным изменениям, таким как повышение ценности человеческих отношений, что улучшает общественную сферу. Эти аргументы имеют эмпирическую поддержку от исследований Фионы Маккей (Fiona Mackay) о женщинах-депутатах в Шотландии, многие из которых спонтанно использовали свой опыт сиделок как позитивный ресурс, но и как тяжелую ношу (Mackay, 2001). Здесь важно отметить, что такие ценности могут и должны быть приобретенными также и мужчинами, а не просто не критически восхваляться как «женские ценности», подтверждающие традиционные обязанности (см.: Segal, 1987).

Эти аргументы не означают, что домашняя деятельность равносильна гражданскому участию точно так же, как публичная политическая активность. Как предупреждает Мэри Диец (Mary Dietz), мы должны осознавать политические ограничения ценностей, свя-

занных с заботой: в частности, материнское поведение необходимо в «интимной, достаточно ограниченной и конкретной деятельности», такое поведение основывается на неравных отношениях между матерью и ребенком; как таковые, эти отношения не могут быть целостной моделью для демократического гражданства (Dietz, 1985, p. 31). Поэтому, как справедливо отмечает Листер (Lister, 2007), очень важно видеть различия между социальным гражданством, где забота — это его важное проявление, и политическим гражданством, понимаемым как активная политическая включенность (см. также: Vromen, 2003). С этой точки зрения, время, которое родители проводят, обеспечивая свои детям сбалансированное питание в домашних условиях, может рассматриваться как позитивный вклад в общество и поэтому, как проявление социального гражданства. Это может привести и к обеспокоенности, что дети едят в школе, и к движению за повышение качества школьного питания, что уже является проявлением политического гражданства.

Время, гражданские права и обязанности

Поскольку время, потраченное на обеспечение заботы, является одной из форм общественного достояния, оно должно вести и к гражданским правам, в частности — пенсионным выплатам, так же как время, затраченное на оплачиваемую работу. Такую деятельность также следует рассматривать как позитивную обязанность, ожидаемую от граждан (см.: Vubeck, 1995; Kershaw, 2005).

Рассматривать заботу как «нормальную» обязанность граждан — это перевернуть с ног на голову современную западную политическую риторику, настаивающую на том, что первоочередной обязанностью граждан есть занятость на оплачиваемых работах. Хотя этот доминирующий дискурс настаивает на том, что тот, кто не работает — больной, ленивый или не поддерживает общество, феминистская перспектива оспаривает такие представления и настаивает на том, что большинство мужчин не справляются со своими обязанностями по уходу. Это свидетельствует о том, что многие мужчины очень далеки от звания «идеального гражданина», они «зайцы», использующие труд женщин. А женщины, обеспечивая льготные домашние условия для их политического участия, не только освобождают их от необходимости заботиться о своих собственных детях или престарелых родителях, но и ухаживают за самими мужчинами. Другими словами, многие внешне независимые и самостоятельные мужчины-граждане имеют время для исполне-

ния своих гражданских обязанностей, так как они пренебрегают частными, а еще именно они — получатели заботы и услуг, зависящих от времени тех, кто обслуживает их ежедневные потребности.

Эти аргументы актуализируют целый комплекс политических вопросов, которые будут обсуждаться в следующих главах. Пока же просто важно отметить, что сдвиг в перспективе анализа, предложенный феминистским анализом, это сдвиг от «нормального» мужского опыта и перспектив использования времени. Сдвиг, признающий текучей и взаимозависимой природу общественной и частной ответственности.

Справедливость, время и противопоставление общественного/частного

В предыдущих подразделах было показано, что время, затраченное дома и в общинах, всегда экономически и/или гражданственно важно. Это означает, что вопреки некоторым мужчинам-теоретикам, чьи аргументы обсуждались в части I, распределение времени должно быть построено на принципах справедливости.

Сьюзан Окин и темпоральная справедливость

Как мы уже акцентировали ранее в третьей главе, философ Джон Роулз признавал, что принципы справедливости должны применяться к распределению времени досуга. Однако он поставил знак равенства между таким временем и временем, оставшимся после работы, полностью игнорируя время, необходимое для домашних обязанностей. В большинстве своих работ он игнорировал гендерные вопросы и применимость своих принципов справедливости к семье; даже когда, в конце концов, он постарался это сделать в одном из своих последних эссе, то оказалось, что он считает нуклеарную семью естественной и до-политической, а не политически и юридически созданным институтом, к которому его принципы справедливости должны бы систематически применяться (см. обсуждение в Nussbaum, 2002).

Напротив, книга «Справедливость, Гендер и Семья» (1990) Окин применяет принципы справедливости Роулза для обоснования того, что «пока не будет справедливости в семье, женщины не смогут достичь равенства в политике, на работе и в любой другой сфере». Это делает распределение времени на неоплачиваемую ра-

боту в семье главным вопросом справедливости самим по себе и вследствие его результатов (Okin, 1990, p. 4; похожие аргументы, см.: Richards, 1982). Хотя Окин поддерживает мысль, что экономические интересы тех, кто выбрал работу на дому, должны быть юридически защищены, она все же считает, что предпочтительней было бы равное распределение и открытость для обоих полов оплачиваемой работы и заботы. Она также защищает государственные субсидии по уходу за ребенком и более гибкую систему занятости и утверждает, что разрушение приписывающих связей между полом и социальной ролью/обязанностями не только поможет всем гражданам реализовать свой потенциал, но также позволит, как мужчинам, так и женщинам, развивать «эмпатию и через соединение личных моральных качеств объединит чувства и разум, то есть, станет возможным то, в чем граждане наиболее нуждаются (Okin, 1990, p. 186). Хотя Окин не опирается на соответствующую литературу, эта идея близка к уже рассмотренной нами «этике заботы» и схожим аргументам про расширение в политике участия людей, имеющих опыт заботы о других, качественно увеличит проявления справедливости в общественной жизни.

Хотя в нашей книге в целом одобряются подобные аргументы, но либеральные исходные позиции самой Окин значительно затрудняют ей самой достижение декларируемых целей. Ведь никуда не деться от существования в обществе мощных групп эгоистически заинтересованных в поддержании несправедливых условий. В своих ранних работах она считала, что ее идеям, скорее всего, «будет оказано колоссальное сопротивление теми, кто имеет экономическую власть и заинтересован в поддержании статус-кво». Она даже задавалась вопросом, а можно ли вообще эти идеи реализовать в структурах капитализма (Okin, 1980, p. 303). Однако Окин не объясняет следствий и не старается понять, почему современные женщины терпят несправедливость, хотя в своей книге «Справедливость, гендер и семья» она утверждает, что долгосрочные финансовые выгоды перевешивают краткосрочные затраты, в практической же экономической «реальности» очень тяжело как для политиков, так и предпринимателей следовать такой долгосрочной перспективе.

Социализм, справедливость и время

Более полтора века назад некоторые социалистические авторы также считали отношения в семье центральной политической проблемой, неразрывно связанной со справедливостью в общественной сфере. Например, Роберт Оуэн считал, что власть мужей над

своими женами — это отражение и поддержание широкой системы частной собственности и религии, Вильям Томсон рассматривал домашнее равенство как условие и продукт более эгалитарного и кооперативного общества (см. обсуждение у Bryson, 2003, первая глава). В противоположность этому, хотя, как обсуждалось в части I, время находилось в центре марксистской теории эксплуатации в капиталистических обществах, Маркс игнорировал время, необходимое для неоплачиваемой домашней работы. Его видение справедливого, совершенного коммунистического общества, в котором технологии освободят людей от тяжелого, необходимого труда и в котором они будут работать в соответствии с их способностями относительно небольшого количества необходимой работы, — остается проблематичным. В частности, как утверждает Деймут Бабек (1995), видение свободного времени Марксом и его избытка игнорирует времязатратную природу домашних обязанностей, которые не могут быть автоматизированы, но зависят от социальных взаимодействий. Хотя позже марксисты, включая Энгельса, Троцкого и Александру Коллонтай, считали коллективизированную работу по дому и уход за детьми необходимым фундаментом для сексуального равенства, они предполагали, что это останется женскими обязанностями, и, в основном, видели изменения в семье как следствие экономической трансформации, а не как политический или экономический приоритет прав женщин (обсуждение, см.: Bryson, 2003, главы 3 и 7).

Однако более современные марксисты провели подробный анализ домашнего труда и его связи с капиталистической экономикой. Как будет обсуждаться далее (в седьмой главе), я исхожу из того, что социальная репродукция должна пониматься как часть экономического базиса общества, а не просто как его продукт. Это означает, что работа по уходу — не факт природы, но часть человеческой истории, имеющей свою собственную динамику и отношения власти, а также взаимодействие с другими аспектами экономической жизни. С этой точки зрения, она мне также близка и, несмотря на многие проблемы, связанные с марксистской перспективой, она имеет четыре основных преимущества по сравнению с другими подходами в исследовании темпоральной справедливости для женщин.

Во-первых, потому что он утверждает, что идея справедливости не «упала с неба» во все века, а есть продуктом истории и используется для маскировки или оспаривания доминирующих интересов. Тем самым марксизм косвенно поддерживает феминистскую критику частного характера мужской справедливости и способов сокрытия под «зонтиком» общественной сферы частных основ несправедливых результатов. Во-вторых, так как марксизм также

признает конкретно историческую и эксплуататорскую природу овеществленного часового времени, он может видеть важность «других» темпоральных ритмов, которые включает в себя работа по уходу, а не предполагает, что они должны уступить место часовому времени. Его видение неэксплуататорского будущего логически включает в себя освобождение от овеществленного часового времени. В-третьих, хотя он призывает нас думать за пределами повседневной реальности настоящего, он же настаивает на том, что наше видение справедливого общества не должно быть оторванным от реальности, а должно быть связанным с существующими условиями и возможностями, которые они порождают. Тем самым поддерживается балансировка между «реалистическим» и «утопическим» мышлением, рассмотренная в первой главе. В контексте гендерного распределения времени современные условия включают в себя эффективную контрацепцию, кормление из бутылочки и лечение бесплодия, разрушающих «естественную» связь между женщинами и уходом за грудным ребенком, между возрастными и репродуктивными способностями. Эти перемены создают значимые материальные условия для домашнего равноправия.

Наконец, марксистская перспектива позволяет нам увидеть, что реальная гендерная справедливость вряд ли достижима в пределах системы, базирующейся на гонке за прибылью, где гендерное разделение труда и государственные политики — это не просто вопрос политического выбора, индивидуальных пожеланий или изменения культурных предпочтений. Здесь они связаны с императивами глобальной экономики, в которой всё больше и больше «женщины играют основную роль, как низкооплачиваемая рабочая сила просто незаменима для современного накопления капитала» (Ward, 2002, p. 139). Неолиберальные условия этой экономики также все в большей степени содействуют индивидуализму, маргинализации обязанностей по уходу, самонадеянно исходя из того, что они будут встречены индивидами без энтузиазма и коллективной поддержки. Посему справедливое распределение времени и обязанностей по уходу, скорее всего, будет встречено в штыки доминирующими экономическими интересами, и маловероятно, что эти цели могут быть достигнуты в изоляции от общих социально-экономических изменений. Хотя марксизм исторически сосредоточен на классах и не замечает патриархальных интересов, последние феминистские исследования о неразрывной природе класса и гендера дают возможность понять, что гендерные различия в использовании и восприятии времени являются неотъемлемой частью мужских привилегий. Поэтому даже незначительные попытки изменить эту систему натолкнутся на сильное сопротивление.

«Мысленный эксперимент» Нэнси Фрейзер (Nancy Fraser)

Итак, существует стойкая потребность в создании образа справедливого и желаемого будущего, даже если такой вариант будущего столкнется со стойким сопротивлением. Создание подобной альтернативы несправедливому настоящему может быть важным само по себе и необходимым условием даже для умеренных реформ. Так, Нэнси Фрейзер предложила важный образ будущего, в центре которого находится гендерное использование времени. В своем «мысленном эксперименте» она берет за отправную точку существующие условия постиндустриального социального государства и старается посмотреть на него через «системное реконструктивное мышление», чтобы выстроить справедливое альтернативное будущее, отвечающее принципам гендерного равенства. Она видит гендерное равенство как соединение семи принципов — борьбы с нищетой, борьбы с эксплуатацией, равенство доходов, равенство времени досуга, равенство уважения и борьбы с маргинализацией и андроцентризмом¹⁸. По ее мнению, ни модель «универсального кормильца» («universal breadwinner» model), которая предписывает всем гражданам вести себя как мужчины и, следовательно, обеспечивать государственную поддержку для выполнения обязанностей по уходу, ни модель «окружающих заботой матерей» («care giver parity» model), которая поддерживает тех, кто занимается заботой в семьях, обеспечивая денежным пособием опекунов, и делает доступным выбором работу, которая занимает неполный рабочий день — не соответствуют всецело указанным принципам, даже если бы они были достижимы в идеале. Вместо этих моделей, неявно присутствующих в текущей политической практике большинства американских феминисток и либералов, западноевропейских феминисток и социал-демократов, соответственно, она предлагает «универсальную опекунскую модель» («universal care giver» model). Эта модель предполагает и предоставляет всем гражданам соединять возможность работать и ухаживать, так же как и участие в жизни общины с политической актив-

¹⁸ Андроцентризм — глубинная культурная традиция, сводящая общечеловеческую субъективность (общечеловеческие субъективности) к единой мужской норме, репрезентируемой как универсальная объективность, в то время как иные субъективности, и прежде всего женская, репрезентируются как собственно субъективности, как отклонение от нормы, как маргиналия. Таким образом, андроцентризм — это не просто взгляд на мир с мужской точки зрения, а «выдача» мужских нормативных представлений и жизненных моделей за единые универсальные социальные нормы и жизненные модели. — *Прим. переводчика.*

ностью. Эта модель не старается приспособить женщин к доминирующим мужским образцам, она делает «современную женскую жизненную модель — нормой для всех» (Fraser, 2000, pp. 3, 25).

Конечно, эта модель радикальна. Как пишет Фрейзер, она «не только эффективно демонтирует гендерные оппозиции между «кормильцами» и «заботливыми»», она также разрушит существующий гендерный уклад (Fraser, 2000, p. 27). Поэтому не следует ожидать, что этот утопический проект будет реализован в ближайшем будущем. Однако без такого видения мы остаемся в ловушке настоящего, ограничивающего наши творческие возможности тем, что мы уже делаем. В этом настоящем, например, многие женщины считают, что возложенные на них домашние обязанности — это правильно, так как «единственная альтернатива, которую они могут себе представить, это не равное разделение труда, а ситуация, когда мужчины не делают и этого» (Baxter and Western, 1998, p. 118; см. также: Baxter, 2000, и обсуждение утопического мышления в седьмой главе).

Выводы

Эта глава показала, что границы между общественным и частным являются весьма условными и проницаемыми, возникшими вместе с другими деспотическими дихотомиями, или поддерживаются патриархальными привилегиями мужских потребностей и их восприятием, будто это «нормальная» ситуация. В этой главе подчеркивались домашние основания мужских политических и экономических привилегий. Особый акцент был сделан на экономическом и гражданском значении многих домашних дел и общественной активности. Несмотря на многие теоретические проблемы, мы исходили из того, что марксистский подход очень важен для феминистского анализа.

В главе были определены три ключевые цели для феминистской политики времени: выявление и оспаривание распределения оплачиваемой работы, неоплачиваемая работа и свободное время; позитивная оценка и награда за время, потраченное на заботу, а не взгляд на него как на негативные ограничения; обеспечение лучшего баланса между естественными темпоральными ритмами, часто необходимыми для личной деятельности и заботы по уходу, и жестким графиком овеществленного часового времени. Эти цели близки к идеям Фрейзер «о социальном мире, в котором жизнь

граждан интегрирована с наймом, уходом, общественной деятельностью, политическим участием и включенностью в ассоциативную жизнь гражданского общества — но оставляет время и для развлечений». Эти идеи требуют глубоких изменений «нормальных» современных представлений и способов жизни, хотя они не ведут к легким политическим решениям. Тем не менее, как пишет Фрейзер, «если мы не будем руководствоваться этим видением альтернативы теперь, — мы никогда не станем ближе к достижению наших целей» (Fraser, 2000, p. 27).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ФЕМИНИСТСКАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА

В пятой главе указано, что вопросы и неудобства, связанные со временем, требуют от женщин коллективных, политических решений. Их форма зависит от того, насколько широко политический процесс и структуры современного социального государства открыты для феминистского вмешательства: это и есть тема этой главы.

Первый подраздел опирается на последние феминистские теории государства, утверждающие, что эффективная феминистская политика требует как взаимодействия с государством, так и автономных действий. В ней также указывается, что политические последствия могут иметь важное длительное воздействие на гендерную идентичность и временные нормы. Второй подраздел снова возвращается к теориям социальных режимов (*the welfare regime theories*), рассмотренных в первой главе. Далее показано, что перспектива с акцентом на женщине имеет отношение к темпоральным проблемам, она фокусируется на связанных со временем политиках в скандинавских социальных государствах, и хотя они не являются однородными и имеют смешанное влияние, но сходятся в одном: все граждане нуждаются во времени для своих обязанностей по уходу. Третий подраздел связывает это с женским политическим представительством, установив, что женщины-политики имеют хороший опыт содействия «дружественной к женщинам» политике занятости. В четвертом подразделе исследуются смешанные последствия глобализации для феминистской политики времени, выявляется потенциал для соединения локального, государственного и международного в глобальной политике: «схожести в различии». Сводя эти вопросы воедино, в выводах главы вновь подтверждается необходимость признавать конкретно исторические идеологические, политические и социально-экономические контексты, которые могут способствовать или ограничивать развитие феминистской политики времени; они также определяют индивидуалистическую либеральную культуру США как особенно враждебную к феминистским требованиям.

Феминистские перспективы социальных государств

Феминистки уже давно обсуждают: неизбежно ли государство, созданное мужчинами враждебно к их целям, или же оно может использоваться ими для их достижения (см. обзор этой проблемы: Bryson, 1999b). Современные феминистские теории стараются преодолеть такие дихотомии мышления, рассматривая политические институты в терминах процесса, фрагментации и дискурса, а не как стабильные и монолитные образования. По-разному сформулированные как «феминистская сравнительная политика» (Mazur, 2004; Mottier, 2004), «сравнительный дискурс анализ» (Kantola, 2004, 2006) и «гендерный или феминистский институционализм» — эти работы подчеркивают переменный, динамический, зависимый от контекста и фрагментированный характер природы власти и политических процессов. Они ведут нас к тому, что не абстрактный анализ «государства» должен преобладать, и должен быть поставлен акцент на сравнительном анализе и исследовании конкретных государств. Также мы можем ожидать, что найдем текучесть и изменчивость как внутри структур, так и между ними, и они будут, более или менее, открытыми к феминистскому вмешательству. С этой точки зрения, «государство — больше не просто хорошее или плохое для женщин, но более гибкий и изменчивый конструктор, и женщины могут больше не действовать вместе с политическими акторами, но быть ими» (Mistra and Akins, 1998, p. 277), хотя социальная политика «действительно имеет неоднозначные последствия для женщин. Она не может быть понятой одномерно, как инструмент угнетения или освобождения» (Pascall, 1986, p. 26; хороший обзор и обсуждение последних феминистских теорий государства, см. также: Pringle and Watson, 1992; Waylen and Randall, 1998; Charles, 2000).

Подчеркивая политическое значение дискурса, последние феминистские исследования делают акцент на феминистских перспективах государств и их политической практике: так, Йоханна Кантола (Johanna Kantola) (2006) убедительно связала различные подходы к уходу за детьми и домашнему насилию в Финляндии и Великобритании с различным отношением к государству (финские феминистки считают, что государство может быть использовано для поощрения равенства полов, тогда как феминистки из Великобритании относятся к нему больше с подозрением). На практике, так как власть шаблонна, но и противоречива, тем, кто хочет изменить созданные мужчинами институты, часто это очень сложно сделать, не играя по мужским правилам, которые они стремятся

оспорить. Хотя очевидно, что успешные феминистские политические инициативы будут имплементированы в контекст общих патриархальных структур. Аналогично, хотя феминистские требования могут быть преданы, когда они сохраняют интересы накопления капитала, несомненно, они могут достичь своих целей, если выступят против этой системы. Тем более, как уже говорилось ранее, патриархат и капитализм сами по себе текучи и изменчивы, между ними также есть противоречия и они сами противоречивы, тем самым открывая возможность для феминистского вмешательства. В частности, мужской интерес иметь финансово зависимую от него жену, которая бы была домохозяйкой, часто вступает в противоречие с потребностью капитализма привлечь женщин на рынок труда. Сложную, противоречивую природу политических процессов и их следствий иллюстрируют социальные реформы, проведенные во многих западных странах во второй половине XX века. Некоторые критики интерпретировали эти реформы негативно: как выгодный и политически удобный способ воспроизводства рабочей силы, искусно замаскировавший прямую и/или непрямую эксплуатацию мужского и женского труда, создавая гендерную, двухуровневую систему социального обеспечения, которая принимает и усиливает «нормальность» женской зависимости от мужей-кормильцев. Эти реформы можно рассматривать как радикальную победу феминисток и рабочего класса, значительно улучшившую жизнь многих (see Wilson, 1977; Nelson, 1990; Connell, 1995; Mink, 1998; Brenner, 2000; Charles, 2000).

С точки зрения политики занятости, хотя шансы феминисток добиться успеха зависят от многих факторов, включая существующие политические идеологии и практики, государствам проще создать и принять законы о гибком графике на рабочем месте в периоды, когда экономика требует женской занятости как на оплачиваемой работе, так и дома. Аналогично, отдельные компании могут самостоятельно создавать «дружественные к женщинам» условия работы, если они считают, что это ведет к сохранению ценных работников и, следовательно, повышает прибыль. Хотя феминисткам, скорее всего, придется бороться за защиту таких условий, если экономическая, политическая и идеологическая конъюнктура изменятся, опыт стран Скандинавии, который будет обсуждаться ниже, показывает, что этого возможно достичь, если женщины широко представлены в государственных органах, а феминистские ценности широко распространены и поддержаны сильным рабочим движением. Но имеющего далеко идущие последствия дальнейшего признания экономического значения женской традиционной работы, вероятно, будет очень трудно достичь, а

мужчины вряд ли откажутся от своего привилегированного освобождения от домашней работы. Как мы будем обсуждать в дальнейшем, глубокие изменения представлений, что не все сферы жизни нужно рассматривать через призму экономической эффективности и что качественные услуги по уходу, в частности, включают в себя зависимость от темпоральных ритмов, вероятно, столкнутся с еще более жесткой оппозицией, так как они представляют собой фундаментальный вызов темпоральной культуре капитализма самой по себе.

Осведомленность о потенциально враждебной природе государственных процессов не исключает сотрудничества с этими процессами, но может предупредить феминисток и помочь им в разработке стратегий, основанных на реалистической оценке политических возможностей. Это также значит, что если феминистки хотят работать в государственных структурах без ущерба для своих радикальных целей, они, похоже, нуждаются в поддержке и поощрении широкого женского движения через развитие точек доступа и влияния внутри государственных органов независимых феминистских групп на местном, государственном и международном уровнях. Другими словами, как пишет Ширин Рай (Shirin Rai), феминистки должны работать «за и против» государства, рассматривая его как «противоречивую и неоднозначную территорию для женщин, которая требует взаимодействия с теми, кто работает в его границах, и с теми, кто находится за его пределами» (Shirin Rai, 2003a, pp. 18, 19).

Социальное государство и (вос)создание гендера

Позитивный взгляд на потенциальное влияние государственной политики усиливается современными теориями государства, построенными на идее (мы обсуждали ее в четвертой главе), что гендер создается и воссоздается, а не биологически дан раз и навсегда, и показывающими, что государства играют в этих процессах активную роль. Так, Роберт Коннел (Robert Connell) утверждает, что «каждое существующее государство имеет свой поддающийся определению «гендерный режим» как результат социальной борьбы и связанной, — хотя и не просто отраженный, — гендерный уклад общества». Такой режим включает в себя дискурсы, ценности, практики, отношения власти, разделения труда и формы семьи. Хотя он влияет на то, что могут делать государства, гендерный режим сам формируется государственной политикой, таким образом, дви-

жения, стремящиеся его изменить, должны использовать для этого государственные институты, создающие и «делающие» гендер (Robert Connell, 1995, p. 151).

Эта точка зрения позволяет нам понять, как налогообложение и социальная политика могут помочь в формировании гендерных идентичностей, в том числе соответствующего гендеру использования времени. Вплоть до недавних пор такая политика обычно поддерживала нормативные представления, что матерью является та, кто присматривает за семьей, а отец — должен зарабатывать; и в Германии, Италии и Испании, по-прежнему, налогообложение и семейные льготы настойчиво рекомендуют матерям маленьких детей оставаться дома (хотя, в действительности, многие из таких женщин работают неполный день: см.: Bittman et al., 2005). Как будет обсуждаться ниже, в странах Скандинавии политика пытается разрушить эти гендерные конструкции, и в Швеции это наиболее явно, здесь произошли значительные изменения в традиционной мужественности и практиках занятости, определивших как отцов, так и матерей активными воспитателями, а также работниками (Hobson, 2002). Недавно принятые законодательные изменения в Нидерландах, стране с традиционно консервативными представлениями о гендерных ролях, не поддерживающей ранее женскую полную занятость, ставят своей целью — поощрение распространения дуальной модели семьи, базирующейся на совместном распределении оплачиваемой и домашней работы (Pascall and Lewis, 2004; Bittman et al., 2005; Lewis, 2006). Хотя в Великобритании отцы получили право на декретный отпуск (при довольно низкой финансовой ставке) только в 2003 году, это явно сопровождается сдвигом в понимании отцовства и вносит изменения в мужские стремления и практики: 93 % мужчин проводят немного своего времени с новорожденными детьми, и 31 % переходит на гибкий график работы для нахождения баланса между занятостью и семейными обязанностями (ЕОС, 2006а, 2006b; Smeaton, 2006; Dex and Ward, 2007).

В США, традиционные представления о том, что матери должны оставаться дома со своими маленькими детьми, радикально отличаются от стандартов для одиноких матерей, которые должны быть финансовыми донорами семьи, работать, даже если их дети еще очень маленькие. Также в США продолжаются дебаты: должны женщины проводить большую часть своего времени со своей семьей или же на работе (Buxton, 1998; Boyd, 2002). Однако традиционный взгляд на американских отцов остается неизменным: «Нет дискуссии среди политиков о роли мужчин — они просто должны быть мужчинами» (Orloff and Monson, 2002, p. 83). Это означает,

что «нормальный мужчина», как ожидается, будет кормильцем, и он же должен быть «нормальной работягой», посвящающим свою жизнь работе: деятельность по уходу за детьми выбирают единицы из мужчин, они не имеют никаких дополнительных прав по поводу отпуска и на них не распространяются государственные ограничения количества часов работы, и только одна единственная форма, установленная для одной семьи, доступна им — 12 неоплачиваемых недель после рождения или усыновления ребенка (при этом половина рабочих не имеет достаточной квалификации для получения и этого; и хотя некоторые работодатели оплачивают такой декретный отпуск, но не для бедных рабочих; см.: Moen and Roehling, 2005).

Режимы благосостояния, феминизм и время

Понимание, что значит быть мужчиной, женщиной, рабочим или родителем, по крайней мере отчасти, конструируется государственной политикой, придающей двойственное значение многим феминистским кампаниям, которые хотят достичь как немедленных практических результатов, так и длительных идеологических изменений. Это также обеспечивается общим акцентом на текучести и изменчивости в феминистской теории государства, поддерживая важность сравнительной работы и значение истории и контекста, как это предлагается в этой книге. Этот подраздел будет посвящен в основном сравнительному анализу режимов благосостояния, описанных в первой главе.

С точки зрения феминистских перспектив, оригинальная классификация режимов благосостояния Эспин-Андерсена была искажена акцентом на оплачиваемой работе и мужчине как главе семьи и его игнорировании темпоральных проблем. В частности, его фокус на декоммодификации игнорирует неоплачиваемую работу женщин, состояние обеспечения общественными услугами, такими как забота о детях, распределение ресурсов внутри семей и гендерным базисом режимов благосостояния (например, многие женщины в корпоративных/консервативных режимах считаются женами и матерями, а не теми, кто платит взносы социального страхования). Модель Эспин-Андерсена также не способна «увидеть» различные способы государственного распределения, оценки и вознаграждения отдельных моделей использования времени, она игнорирует роль женщин в качестве поставщика услуг, степень потребности режимами благосостояния, их неоплачиваемого времени. В своей

последней работе Еспин-Андерсен (2002а, 2002b) утверждает, что существует потребность «нового гендерного контракта» с универсальным подходом к уходу за детьми и гибкой занятостью, которая сделает уход и занятость совместимыми. Однако он стремится показать это как «дружественную к женщинам» политику, которая волнует в первую очередь женщин. И хотя он пишет о гендерном равенстве и желательности усиления мужской роли в домашних заботах, он, кажется, не видит в этом самоцель и не делает попыток систематически использовать свою модель для решения взаимосвязанной и структурной природы гендерного неравенства.

Феминистские работы по режимам благосостояния склонны называть время центральной проблемой, в отличие от работ основного направления. Например, Гвеннеле Брунинг (Gwennele Bruning) и Джаннеке Плантенга (Janneke Plantenga) (1999) классифицируют европейский декретный отпуск и политику равных возможностей в соответствии с балансом и выбором, который они делают доступным между «временем заботы» и обеспечением ухода за детьми; Джиллиан Пасколл (Gillian Pascall) и Джейн Льюис (Jane Lewis) (2004) рассматривают время, оплачиваемую работу, уход, доход и право голоса — как центральный аспект гендерного режима, который социальное государство может отражать, поддерживать, создавать и оспаривать. А Мэри Дейли (Mary Daly) и Кэтрин Рейк (Katherine Rake) четко определили время как один из ресурсов, которые социальные государства могут распределять и организовывать, таким образом, «Институты социальных государств осуществляют формирующий эффект на темпоральную организацию жизни» (Mary Daly and Katherine Rake, 2003, p. 22). Такое мышление постепенно оказывает все большее влияние на исследователей основного направления, включая их работы по темпоральному социальному государству, которое мы обсуждали в третьей главе. Хотя более широкий анализ темпоральных режимов включает изменения в темпоральной культуре и темпоральных ориентациях, которые могут быть связаны с конкретными политиками, до сих пор не разработан, но он подразумевается в феминистском анализе, подчеркивающим сложный, шероховатый и часто противоречивый эффект процессов, которые он стремится описать.

В целом ориентированный на женщин подход в социальных государствах показывает, что они являются основными клиентами служб социального обеспечения и большинства социальных работников. Они также делают массу неоплачиваемой работы и являются посредниками между социальными работниками и членами семьи. Сосредоточение внимания на женском опыте и приоритетах предлагает новые критерии для классификации социальных госу-

дарств. Так, феминистские предложения сосредоточены на влиянии идеологии мужчин-кормильцев, на том, как помощь организована и вознаграждается, степени «десемьиенизации» («defamilisation») («степень, в которой некоторые взрослые индивиды могут поддерживать социально приемлемый уровень жизни, независимо от их семейных отношений — либо через оплачиваемую работу, либо с помощью социального обеспечения; внутри или за пределами традиционной семьи» [Lister, 2003, p. 172]) и в какой степени все граждане, как ожидается, будут включены в оплачиваемую занятость (модель «все совершеннолетние — работники»). (Из значительного числа исследований, обсуждающих классификацию Еспин-Андерсена, и другие альтернативные см., к примеру: Sainsbury, 1994, 1999; Daly and Rake, 2003; Pascall and Lewis, 2004; Kershaw, 2005; Jensen and Pfau-Effinger, 2005; Siim, 2005.)

Скандинавское благосостояние: время для заботы

Большинство феминистских классификаций социальных государств определяют США и Скандинавию (конкретнее, Швецию) — как крайние противоположности. Хотя критерий «все совершеннолетние — работники» представляется явным исключением как для шведской, так и американской систем благосостояния, ожидающих, что оплачиваемая занятость — это главный источник индивидуальных гражданских прав как для женщин, так и для мужчин, но эти две страны обеспечивают различные уровни поддержки для таких рабочих, которые имеют другие требования к своему времени (Lewis, 2001). Американская модель базируется на рыночном индивидуализме и делает акцент на оплачиваемой занятости, предполагая, что женщины должны быть экономически независимы, оставив без ответа важнейший вопрос: «если все на рабочем месте, то кто будет заботиться о детях?» (Gornick and Meyers, 2003, p. 8). Напротив, «говоря проще, скандинавская модель совершеннолетние-работники признает заботу», и как таковая она дает возможность гражданам проводить время за пределами работы, когда это необходимо в быту, обеспечивая поддержку услугам по уходу (Lewis, 2001, p. 163).

Скандинавский подход связан с давней традицией использования государства для содействия социальной справедливости. В начале 1970-х годов все скандинавские страны признали гендерное неравенство коллективной проблемой, на решение которой должна быть направлена государственная политика. В 1980-е эти страны

уже имели Советы Равенства или его аналоги, представили соответствующие политические инициативы и законы, главной целью которых было изменение несправедливых практик и отношений в общественной и частной жизни. Развитие связанных со временем политик было центральным для решения гендерного неравенства даже на самых ранних этапах этого процесса в странах Скандинавии: неоплачиваемый декретный отпуск был введен в Швеции в 1901 году, в то время как правительство Дании начало поддерживать уход за детьми с 1919 года (Borchorst, 2006; Gupta et al., 2006).

Это не означает, что существует единая «Скандинавская модель» времени или гендерной политики. Страны Скандинавии обеспечивают различные (смешанные) виды гибких условий занятости (например, вокруг декретного и семейного отпусков), денежные пособия для лиц, осуществляющих заботу, государственную помощь по уходу за детьми. Эти различные положения, в свою очередь, отражают важные разногласия по вопросу: должны ли молодые родители возвращаться к оплачиваемой работе после относительно короткого периода отпуска, или как в Дании — после значительно более длительного (на 480 дней; а Швеция предоставляет 60 дней оплачиваемого отпуска одновременно для двух родителей). Также продолжаются дискуссии — должны ли родители получать государственную финансовую помощь, если они сделали выбор в пользу ухода за детьми на дому (Финляндия поддерживает неработающих родителей, ухаживающих за детьми до восьмилетнего возраста; в Норвегии родители малышей в возрасте до одного или двух лет, не использующих субсидии на детскую помощь, имеют право на денежные пособия). Тем не менее, эти различные подходы базируются на общем предположении, что совершеннолетние граждане должны быть и работниками, и воспитателями; что женские традиционные обязанности важны, они никуда не исчезают, даже если женщины выходят на оплачиваемую занятость и забота — это не частная, индивидуальная ответственность, а коллективный, политический вопрос, который все общество должно поддерживать.

Все скандинавские страны также идут гораздо дальше, чем другие, в признании того, что гендерное равенство в сфере занятости требует равного распределения домашних обязанностей, и поэтому поведение мужчин должно быть соответствующе изменено. Вот почему государство должно исходить из того, что мужчины — это потенциальные опекуны и их нужно поощрять играть более активную роль в семьях. Образовательные программы, начиная с 1970-х годов, нацелены на оспаривание гендерных стереотипов, на поощрение мальчиков брать на себя больше домашних обязанностей, на

доступность «дружественных к семье» условий труда как для мужчин, так и для женщин: и в Швеции, Норвегии и Ирландии сегодня часть декретного отпуска доступна и для мужчин (обзор, см.: Ellingsaeter and Leira, 2006; Gupta et al., 2006). Хотя принятие шведского «Папиного месяца» удалось только при поддержке хорошо подготовленных к этому мужчин (Bergman and Hobson, 2002), многие из таких инициатив были выдвинуты как женщинами-политиками, так и независимыми женскими организациями.

На практике домашнее поведение мужчин достаточно устойчиво к изменениям, результаты некоторых политических инициатив более чем посредственны. Так как женщины намного чаще, чем мужчины берут декретный отпуск, сама его щедрость способствует неравенству на рабочем месте в большинстве скандинавских стран (Alfredsson, 2006; Hook, 2006; Gupta et al., 2006). В то время, как датские родители имеют немного возможностей заботиться о маленьких детях дома без серьезных финансовых потерь, и низкий уровень финского домашнего пособия означает, что его получателями являются в основном женщины, — все это увековечивает гендерное разделение труда и женское экономическое неравенство. Также продолжает существовать значительное экономическое неравенство между различными группами женщин, увеличивается напряжение между иммиграцией и ценностями универсализма и солидарности (см., Bruning and Plantenga, 1999; Ruuskanen, 2003; Naavind and Magnusson, 2005; Gupta et al., 2006; Leira, 2006; Lister, 2006). Тем не менее, политическое и экономическое неравенство в странах Скандинавии заметно меньше, чем где-либо еще, и эти страны постоянно занимают верхние позиции в сравнительном анализе гендерного неравенства (and Zahidi, 2005; UNDP, 2006). В отношении использования и вознаграждения времени модель «нормального» работника, свободного от домашних обязанностей, была значительно изменена, и забота получила все большее признание, поддержку и вознаграждение как гражданская обязанность. В частности, «папина квота» ведет гораздо дальше, чем ранние отцовские и материнские предоставления декрета, где отец понимался как «временный помощник по уходу», а мать — как главный исполнитель. В Ирландии, где три месяца декрета зарезервированы для отцов, трое из четырех отцов используют свою квоту до конца, поэтому такая активная отцовская забота — «это не феномен меньшинства в Ирландии, это доминирующее явление для семей с маленькими детьми» (Lammi-Taskula, 2006, pp. 94, 97).

Несмотря на ранний скептицизм, в конце 1980-х годов многие скандинавские феминистки считали, что новая форма сотрудничества между государством и женщиной уже появляется, и даже если

она была бы «патриархальным партнерством» (Leira, 1989), а не подлинным равенством, это все равно предпочтительнее, чем полная зависимость женщин от мужчин в патриархальной семье (различные феминистские интерпретации этого явления, см.: Holter, 1984; Haavio-Mannila et al., 1985; Sassoon, 1987; Jones and Jonasdottir, 1988; Bergman, 1991; Meehan and Sevenhuisen, 1991). Начиная со середины 1990-х годов многие верили в то, что «политические институты и политика создают различия», и «правительство может быть важным актором в продвижении женских интересов и личной свободы женщин в Скандинавии» (Karvonen and Selle, 1995, p. 9). Сегодня существует такой общий консенсус среди феминисток: скандинавские социальные государства хотя еще и не достигли полного гендерного равенства, но точно половину пути уже прошли (Lister, 2006), и эти государства можно называть «дружественными к женщинам» государствами (см., Sainsbury, 1994; Karvonen and Selle, 1995; Ellingsaeter and Leira, 2006).

Женщины, время и политическое представительство

Далеко идущие последствия скандинавской политики равенства связаны с относительно высоким уровнем политического представительства женщин: на 2006 год общий сдвиг в гендерных нормах и стереотипах в этом регионе в среднем принес женщинам больше 40% политического представительства, а в Швеции — 47%. Напротив, женщины в Великобритании получили чуть больше 20% в Палате общин — этот показатель, лучший на данный момент, был достигнут в 1997 году благодаря избранию женщин-кандидатов от Лейбористской партии. Количество женщин в представительских органах власти, где не проводится аналогичная со Скандинавией политика в этом вопросе, увеличивается намного медленнее: на начало 2007 года только 16% членов Палаты представителей и 16 из 100 сенаторов были женщинами, хотя их количество возрастает до 23,5% в законодательных собраниях штатов (CAWP, 2006; www.ipu.org; общий обзор и обсуждение международных отличий см., Stokes, 2005).

Такое явно недостаточное представительство женщин в большинстве государственных избирательных советов — знак женского коллективного подчинения и нехватки ресурсов, включая время. Это значит, что важные области человеческого темпорального опыта возникают из деторождения женщинами и приписываемой женщинам социальной роли как домохозяйки. Но они же и исклю-

чают женщин из активного политического процесса. Однако, как указывалось в четвертой главе, это не означает, что все женщины имеют одинаковый темпоральный опыт и интересы, и нет никаких гарантий, что увеличение числа женщин в органах власти будет выражать потребности наиболее обделенных из них. В самом деле, так как процесс политической селекции, в основном, происходит в пользу «белых», образованных женщин, которые ведут себя как успешные мужчины, их темпоральные интересы могут вступать в конфликт с интересами их наиболее обделенных избирателей/избирательниц. К примеру, Гвендолин Минк (Gwendoline Mink) утверждает, что в 1990-х, «белые» женщины из среднего класса в Конгрессе поддерживали такие реформы социального обеспечения, которые, действительно, отрицали право матерей-одиночек проводить свое время, заботясь о своих детях дома, так как они «объединяли собственное право на работу за пределами дома с тем, что малоимущие матери-одиночки такие же, как они, и тоже обязаны работать» (Gwendoline Mink, 1998, p. 26).

Тем не менее, опыт последних лет показывает, что чем больше женщин избираются на политические должности, тем более широкие и типичные интересы большинства женщин они представляют и защищают в процессе принятия политических решений. И хотя достаточно трудно отделить влияние женщин-политиков на политические дискуссии и их результаты от других причинных факторов, увеличение их количества кажется положительно связанным с «феминизацией» политической повестки дня, включающей все большее внимание к темпоральному опыту многих женщин и к их потребностям (классические аргументы о женском представительстве см.: Young, 1990 and Phillips, 1995; обзор последних дискуссий см.: Childs, 2007; из огромного числа литературы о влиянии женщин-политиков см., например: Karvonen and Selle, 1995; Bochel and Briggs, 2000; Lovenduski and Norris, 2003; Childs, 2004, 2006).

Положительное влияние женщин-политиков на вопросы, связанные со временем в странах Скандинавии, сказывается как на внесении их в политическую повестку дня, так и в защите права на декрет и социальное обеспечение в менее благоприятном экономическом и идеологическом климате последних лет. В Великобритании приток женщин-лейбористок в парламент в 1997 году включал и тех, которые определяли себя как феминистки (Childs, 2004), а три женщины, вошедшие в Кабинет Министров, имели ясное представление о связи рабочего времени и его влияния на гендерное равенство (см.: Coote et al., 1990; Harman, 1993; Hewitt, 1993; Kelly, 2000). Увеличение участия женщин во власти, кажется, имело своими следствиями ограниченные, но важные меры, направленные

ные на помощь матерям (и в меньшей мере — отцам) найти баланс между соперничающими требованиями семьи и работы и создания государственной стратегии помощи детям. Джуди Ребик (Judy Rebeck) (2000) определила аналогичное влияние от увеличения представительства женщин в Канаде. Даже в США постепенное увеличение количества женщин в политике способствует возникновению политических предложений, связанных с рабочим временем: например, недавняя попытка законодательных собраний ввести государственную помощь для работы по уходу и поощрение «дружественных к семье рабочих мест» (специальный Акт о балансе между семьей и рабочим местом — 2005) был внесен 20 женщинами и 21 мужчиной в Палату представителей, где мужчины превосходят количество женщин приблизительно в семь раз (www.theorator.com/bills109/hr1589.html).

Социальные государства, глобализация и время

Как упоминалось в третьей главе, темпоральная культура капитализма имеет сегодня всемирное влияние, и отдельные государственные политики часто находятся под ее глобальным экономическим давлением, оказывающим негативный эффект на рабочее время и условия труда. Хотя большинство исследований основного направления игнорируют гендерную природу таких процессов и их следствий, феминистки убедительно доказали, каким образом они отображают и формируют существующие гендерные иерархии, идеологии, взаимосвязи (см., например: Dalla Costa, 1995; Ward, 2002; Chow, 2003; Croucher, 2004). Они в основном ставят в невыгодное положение и так наиболее обездоленных женщин, таким образом, «работа женщин из Третьего мира... служить инфраструктуре, от которой зависит экономический рост Первого мира» (Litt and Zimmerman, 2003, p. 157).

Однако глобализация «не только создает условия, угрожающие нормальному существованию женщин, но и повышает женскую осведомленность об этих условиях и общих интересах с женщинами из других частей мира» (Croucher, 2004, p. 179); как таковая, она «представляет угрозу, но и создает возможности и перспективы» (Vargas, 2003, p. 906). В частности, мгновенная электронная коммуникация открывает новые возможности для международного феминистского сотрудничества и деятельности, создавая «сложную паутину из взаимосвязей между глобальным и локальным», которую феминистки «умело обнаружили и развивают ради новых по-

литических возможностей в международном политическом пространстве нашего глобализирующегося мира» (Chow, 2003, p. 450; Fraser, 2007; см. также: Baden and Goetz, 1997; Ackerly and Okin, 1999; Ali, Coate and Goro, 2000; Rai, 2003b; Antrobus, 2004).

Часть этой деятельности специально сосредоточена на способах оценки и вознаграждения женского времени. Международная кампания за оплату домашней работы, основанная в 1972 году, проводится как на государственном уровне, так и при помощи международных организаций ради признания женской неоплачиваемой работы. Эта кампания имеет связи по всему миру с местными, низовыми организациями. Ее требования включают пособия на ребенка, уход за детьми после школы и признание неоплачиваемого домашнего труда как основания для начисления пенсий, равных с теми, которые начисляют за работу на оплачиваемой занятости. Кампания координируется Международной женской сетью, которая имеет поддержку более чем 1500 организаций по всему миру, и успешно «протокнула» на Международной конференции Объединенных Наций по положению женщин в 1995 году в Пекине положение об измерении времени затрачиваемого на неоплачиваемую работу. Другие достижения кампании таковы: широкая программа по уходу за детьми в Лос-Анджелесе в 1999 году; признание неоплачиваемого домашнего труда в качестве оснований для пенсионных выплат в Аргентине; признание права на декретный отпуск во время грудного вскармливания Международной организацией труда в Конвенции об охране материнства (2000 г.); включение в конституцию Венесуэлы (1999 г.) статьи, которая «признает работу дома как экономическую активность, создающую добавленную стоимость и производящую социальное благосостояние и богатство» и дает право домохозяйкам на социальное страхование (хотя это еще не реализовано на практике, президент Чавес объявил в 2006 году, что наиболее бедные домохозяйки будут получать в месяц доход, равный 80% минимальной заработной платы в знак признания их домашней работы; см.: www.allwomenscount.net; www.globalwomenstrike.net).

Эта связь глобальных, государственных и местных проблем иллюстрирует потенциал политики общности в различиях, о чем шла речь в четвертой главе, которая признает, что большинство женщин прямо или косвенно оказываются в неблагоприятном положении из-за отсутствия понимания ценности их традиционной работы, но ощущают эти неудобства по-разному. И источник общности здесь в том, что высокий уровень потребления и конкуренции (об этом упоминалось в третьей главе) ведет к разрушающему удлинению рабочему дню в капиталистической экономике, включающему эксплуатацию людей Юга, так же как и низкие заработки

производителей массовых товаров, домашней прислуги и нянечек, обеспечивающих быт многим занятым работникам Запада. Хотя многие западные граждане явно получают некоторые выгоды от этой эксплуатации, поддерживающей их высокий материальный уровень жизни, а в краткой перспективе и неиндустриальные страны — некоторые экономические выгоды от новых форм занятости (таких как Call-центры) и денег, отправленных мигрантами домой (по данным Международного валютного фонда, это в два раза превышает суму помощи бедным странам [Balakrishnan, 2006]), длительные последствия этого процесса для здоровья и условий занятости на Западе, возможностей устойчивого развития во всем мире намного менее позитивны. Также представляется все в большей степени вероятным, что высокий уровень потребления на Западе ведет мир к экологической катастрофе; в такой перспективе изменения западного образа жизни — это вопрос, имеющий международное значения (см., Rebeck, 2000).

Эти глобальные проблемы не могут быть решены одним государством в изоляции от международного сообщества, и прогресс тут возможен только под давлением международных кампаний организованного труда, феминисток и других заинтересованных групп. Тем не менее, было бы преждевременным писать некролог государствам или отказываться от них как от части феминистской деятельности. Как указано в обсуждении определенного пути (часть I), государства по-разному реагируют на схожие процессы, включая угрозы и возможности глобализации в зависимости от собственной политической культуры и интересов (Siim, 2005; Walby, 2005). И хотя некоторые государства явно более ограничены в своей внутренней политике, чем другие, их внутренняя политика никогда не бывает полностью определена внешними силами. Государства также могут, в различной степени, «действовать в качестве агентов глобализации и быть ее пассивными жертвами» (Harrison, 2002, p. 19). Они играют ключевую роль в принятии и противодействии международным соглашениям: по вопросам рабочего времени, климатических изменений или прав человека, хотя их внутреннее политическое давление может влиять на то, каким образом результаты таких инициатив интерпретируются и осуществляются.

Выводы

Феминистские подходы, обсуждаемые в этой главе, позволяют предположить, что государства — не просто патриархальные и капиталистические институты, но и не нейтральные инструменты,

которые феминистки могут использовать, как заблагорассудится. Скорее, государства являются сложным комплексом взаимосвязанных структур, дискурсов и процессов, взаимодействующих с патриархальными гендерными режимами и экономическими силами, внутри которых феминистки могут найти точки соприкосновения и возможности. Достижение целей эффективной феминистской политики требуют присутствия и влияния феминисток изнутри государственных структур и давления на них извне. Хотя, возможно, время от времени будет возникать напряжение или даже конфликты между «сестрами в костюмах» и низовыми активистками: такая деятельность одновременно «как против, так и за» государства, по крайней мере, потенциально оставляет открытыми линии для коммуникации между разными группами феминисток, защищая их от радикализированных проявлений власти и поддерживая накал идеализма радикалов на уровне с чувством политической реальности.

Один из весомых аспектов такой реальности — это степень ограниченности государственной политики глобальным давлением. Другой — эффект существующих внутренних условий, поскольку существующее благосостояние, гендер и темпоральный режим не всегда определяют результаты явно и очевидно, но, однако, занимают центральное место в политическом и дискурсивном контексте создания политики. Таким образом, политика, созданная в одном контексте, не может быть механически «перенесена» в другой без значительных изменений. В частности, «перенос политики» скандинавского стиля по нахождению «баланса семья-работа» в США, который пропагандируют многие американские феминистки, — серьезный вызов доминирующей американской идеологии и практике на многих уровнях. Это связано с тем, что данная идеология отвергает либеральный, индивидуалистический дух и связанные с ним аргументы, утверждая, что государства могут (и должны) вмешиваться в борьбу с результатами коллективного неравенства, ведь в их компетенции заботиться о правах и обязанностях, связанных с общественным благом, а не просто отстаивать выбор образа жизни. Именно государства могут на законных основаниях регулировать условия труда и предоставлять услуги поддержки женщинам-опекунам, а граждане должны, соответственно, платить налоги. В этом контексте не удивительна блокировка предложенного Акта о балансе между семьей и работой, несмотря на то, что его всячески поддерживала самая многочисленная в мире феминистская группа — Национальная организация женщин (www.now.org), и потому увеличение женского политического представительства в США — лишь остается на повестке дня.

Наш способ анализа может продуцировать ложное парализующее представление, будто бы ничего нельзя изменить без трансформаций на глобальном и государственном уровнях, ведь эффект определенного пути исключает радикальные изменения. Однако этот концепт означает, что небольшие изменения в одной области дополнительно оказывают свое влияние в других сферах, таким образом, общее давление усиливается, и рано или поздно происходят перемены. Тем более, что современные социальные государства достигли критической точки развития, когда их политический выбор открыт для обсуждений и изменений. Кроме того, хотя глобальное давление ограничивает некоторые политические выборы, всемирные сети и организации также могут действовать более позитивно, обеспечивая новые возможности для феминистского международного сотрудничества и создавая новые формы «общности в различиях»: между женщинами и мужчинами, в различных политических и трудовых организациях на местном, государственном, международном уровнях.

Часть III

К ФЕМИНИСТСКОЙ ПОЛИТИКЕ ВРЕМЕНИ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВРЕМЯ И ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ В ФЕМИНИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В части I рассматривались три взаимосвязанные и частично совпадающие сферы: темпоральные предположения, лежащие в основе политической теории; природа и значение различных темпоральных культур; способы контроля и использования времени в капиталистических обществах. В части II мы кратко охарактеризовали феминистскую теорию в общих чертах, чтобы показать, как это может помочь в переосмыслении подходов основного направления. В этой части мы очерчиваем эти подходы с непосредственным акцентом на времени в современной феминистской политической теории и практике, а также способы, как это может повлиять на дебаты о политическом курсе в западных социальных государствах.

Далее нами поднимаются такие темы: имеют ли женщины особую «темпоральную культуру» (восьмая глава); как женщины используют собственное время и может ли это находить свое отражение в исследованиях использования времени (девятая глава); варианты выбора политики, доступной феминисткам в современных социальных государствах (десятая глава). А в этой главе рассматриваются феминистские предположения и дискуссии касательно времени и темпоральности.

После краткого обзора основных подходов к этому в современной феминистской политике и обсуждения феминистской утопии в этой главе мы возвращаемся к целям первой главы — локализации феминистских темпоральных идей во времени и анализу значения истории для феминистской мысли. В последнем подразделе будут пересмотрены идеи о темпоральности Маркса, Пайерсона и Гиденса (которые обсуждались в начале книги). Несмотря на свои андропцентрические предпосылки, они могут внести плодотворный

вклад в изучение гендерной проблематики. Также мы покажем возможности модификации марксистской теории с помощью концепта «(вос)производство» («(re)production»).

Таким образом, резюмируем, что феминистки расходятся во мнениях относительно важности прошлого, настоящего, будущего и интерпретации истории. Тем не менее, в этой главе представлен широкий круг идей в поддержку мысли, что все времена являются многопластовыми, взаимосвязанными и переплетенными с властью, а феминистская политика должна базироваться на такой осведомленности: прошлое, настоящее и будущее не оставят ее в покое! В соответствии с аргументами о преодолении дихотомии (часть II), это означает, что мы не являемся абсолютно свободными агентами, но и пассивными жертвами обстоятельств тоже не являемся, и что любые планы на будущее должны выходить за пределы существующего в данный момент, признавая как и ограничения, унаследованные от прошлого, так и новые возможности, постоянно открывающиеся в динамике настоящего.

Время и темпоральность в современной феминистской мысли

Как отмечал Джоан Тронто (Joan Tronto), «многие феминистские понятия в своей основе темпоральны: идентичность, доверие и эмпатия — их смысл напрямую зависит от времени» (Joan Tronto, 2003, p. 134). Помимо этого, феминистки разделяют базовое темпоральное представление о том, что гендерные отношения не являются неизменными и могут быть другими в будущем. Многие также считают, что они были другими и в прошлом. Как и в теории основного направления, феминистские темпоральные представления, как правило, неакцентированы, а не сознательно осмыслены. Однако в последнее время некоторые феминистские авторы наконец занялись этой важной темой.

Так, Барбар Адам (Barbara Adam, 1990, 1995, 2004) известна сегодня как один из самых влиятельных авторов по вопросам социального понимания времени; ее идеи во многом повлияли и на мои аргументы, приведенные в этой книге. Хотя Адам специально не выделяет феминистского характера своих идей (они были вкратце упомянуты в первой главе ее книги). Эти идеи явно феминистского происхождения, и в своей относительно ранней работе она применяет их для анализа феминистской методологии. Адам утверждает,

что хотя «белый» феминизм как движение ориентирован на борьбу за перемены и потому неизбежно ориентирован в будущее, он также стремится стать формой понимания, которая встроена в постоянно изменяющейся опыт и отношения настоящего, что показывает важность условий, унаследованных от прошлого. Она также указывает на то, что феминизм нуждается в разработке теоретических перспектив времени, которые «могут целостно объединить опыт, контекст, модель, процесс и событие; перспективы, которые могут одновременно соединять и длительность и изменения, влияние прошлого, видение и интересы будущего со структурами теперешнего без утраты социальных отношений власти» (Adam, 1989, p. 463).

Призыв Адам к такой теории связан с ее анализом многообразия времени как сосуществования прошлого, настоящего и будущего, и ее акцентом на взаимосвязях времени и социального контроля. Она считает, что во многих обществах память и ожидание сосуществуют в каждом моменте настоящего, хотя зависящие друг от друга часы — сезонные, биологические, человеческие, естественные, психологические, коллективные, индивидуальные, экологические и космические — борются за приоритетность. Она иллюстрирует это путем изучения временного момента своей повседневной жизни. Аналогично, я пишу свои размышления об идеях Адам в настоящем, хотя они написаны в прошлом, и я их читала в прошлом, а кто-то будет их читать в будущем. Хотя все же различные времена сталкиваются в этой точке времени: я обнаружила, что кофе, сваренный мною ранее, уже остыл, а телефон так и не звонил, а я ждала звонка. И на улице уже потемнело из-за дождя (раньше, чем вчера). Поэтому моя возможность видеть ухудшилась, теперь мне нужно включить свет, — и даже когда я вспомнила и начала искать комментарий Кристины Хьюз (Christina Hughes), которая десять лет назад обозначила исследования Адам, как и в 1989 году «все еще выжидающими, чтобы случиться» (Hughes, 2002, p. 133), в это время по электронной почте мне пришло письмо от моей дочери, из другого часового пояса. И я поняла, что если я еще потрачу время на это иллюстрирование, то не успею в срок закончить главу и книгу, и она не будет опубликована вовремя для включения ее в Национальную программу по оценке научных достижений Великобритании...

Хотя различные времена сосуществуют, они не равны по своему значению, и Адам рассматривает время как неизбежно связанное с властью. Она утверждает, что в западных капиталистических обществах доминирует «статичное, линейное и дихотомизированное» темпоральное сознание, но феминистки должны побороть его, если хотят создать многоуровневую, контекстную теорию, в кото-

рой нуждаются. Однако она не рассматривает это доминирующее время как исключительно мужское, ведь это бы вновь привело к новому дуализму мужского/женского времени. Скорее, она добавляет свой голос к феминистской критике дихотомического мышления, распространяя подобные аргументы и на темпоральное измерение — ибо если это зависящий от контекста процесс, возникающий от «сложности и многогранности нашего повседневного опыта», тогда «вневременные дихотомии лишены всякого смысла». Это, в свою очередь, означает, что дуалистические подходы, понимающие время как циклическое или линейное, физическое или социальное, традиционное или модерное, относительное или постоянное, мужское или женское, сами по себе несостоятельны (Adam, 1989, pp. 462, 461).

Акцент Адам на изменчивой, интерактивной природе человеческого времени означает, что она отвергает любое превосходство или старшинство «современного» западного времени. Такой же позиции придерживается и Хелга Новтони (Helga Nowotny) (1994), утверждая, что линейная и циклическая концепции времени содержат элементы друг друга; она также исследует способы связи между различными временными потребностями/перспективами и властью/авторитетом, чтобы понять, как действуют механизмы социального контроля. Сьюзен Гринхаус аналогично пишет, что существует больше чем одно понимание времени и ставит под сомнение, что линейное время более «реально», чем другие времена, отвергая как «мистификацию, свойственную западной политической мысли», идею, будто «значение времени существует отдельно от логики власти и ответственности» (Susan Greenhouse, 1996, p. 86).

Некоторые политические следствия для феминисток такого многоуровневого темпорального сознания были рассмотрены Элизабет Гросс (Elizabeth Grosz), утверждающей, что оно ведет к тому, что мы должны мыслить и планировать за пределами настоящего, во имя «более невероятного будущего» (Elizabeth Grosz, 1999, p. 15). Такое будущее, по существу, непостижимое, незапланированное, очень сильное, хотя, конечно, обусловлено и прошлым, и настоящим. Она пишет, что мы должны видеть темпоральную природу наших собственных онтологических ориентаций. Гросс хочет разработать концепт темпоральности, который «направлен в будущее, непостижимое и недостижимое в настоящем; будущее, которое переписывает и переориентирует наше теперешнее в неопределенность, трансформирует наше понимание преимуществ настоящего». С ее точки зрения, будущее видится «не как манипуляция, и не как реализация современных желаний или страхов... и не как просто спекулятивное, утопическое и невозможное» (Grosz, 2005, pp. 1—2, 72).

Роль утопического мышления

Мы уже упоминали выше, что мышление за пределами настоящего — это, по существу, утопическое мышление. И хотя Гросс с некоторым пренебрежением относится к «просто» утопии, некоторые из феминисток считают утопизм хорошим способом «разорвать» модели мышления, созданные мужчинами. Утопизм, по их мнению, как таковой критикует современные условия, свободно воображая радикально противоположные альтернативы. Примеры такого утопического феминизма можно найти в художественных произведениях, таких как «Херленд» («Herland») Шарлоты Перкинс Гилман (Charlotte Perkins Gilman, 1979 [1915]) и «Женщина, на краю времени» Мардж Пирси (Marge Piercy, 1976), хотя Рут Левитас (Ruth Levitas) и Нэнси Фрейзер (Nancy Fraser) постарались использовать метод утопии, чтобы начать феминистскую дискуссию о «мышлении в понятиях того общества, которого мы хотим достичь, а не того, которое непосредственно возможно» (Levitas, 2001, p. 449; см. также: Fraser, 2000). Хотя утопическое мышление в основном связано с описанием идеализированного, несуществующего места, Новотны отмечает, что авторы также описывают ухронии — не существующие способы понимания и использования времени. Это понятие может быть использовано для описания воображаемого переосмысления Фрейзер и Левитас о том, как время должно распределяться между оплачиваемой и неоплачиваемой работой (тема будет рассмотрена в десятой главе).

Итак, Левитас (Levitas, 1990) и Новотны (Nowotny, 1994) утверждают, что утопии — это ответ на современное давление; Френсис Бартовски (Frances Bartowski) описывает их как «деятельность, мотивированную тревожным ожиданием» (Frances Bartowski, 1989, p. 10). Таким образом, феминистские утопии возникают в контексте феминистских активизма и дискуссий. Как таковое, утопическое мышление расположено во времени, да и возникает оно от изменяющихся потребностей, поэтому — не существует универсальной утопии. Однако, как следует из цитаты Гросс, если есть желание сделать эффективный вклад в феминистскую политику, то необходимо наладить связи между существующей антиутопией и желаемыми альтернативами. Поэтому есть нужда в правдоподобных основаниях, существующих в реальности, даже если их позже захотят преодолеть.

Похоже, видение Пирси провалило бы этот тест на реальность оснований (см. обсуждение в Tong, 1989). Опираясь на идеи радикальной феминистки Суламиф Фаерстоун, данная утопия разделяет

убеждение, что репродуктивные технологии могут быть использованы для устранения отношений власти между полами. Феминистские критики, тем не менее, считают, что в реальности, похоже, эти технологии будут использоваться для контроля над женщинами, а не для развития эгалитарного общества, поэтому идеи Пирси имели незначительное влияние на феминистскую политическую практику. Напротив, «мысленный эксперимент» Фрейзер (обсуждался в пятой главе) очень вдохновил конкретные предложения по вопросам политики (см., в частности: Kershaw, 2005). Связи между такими воображаемыми предложениями и политическими возможностями, как казалось на первый взгляд, также были показаны в начальных параграфах книги «Работающие семьи» (2003) Джанет Горник (Janet Gornick) и Марсия Мейерс (Marcia Meyers). В ней американским читателям предлагалось «представить мир», в котором родители могут получать щедрую помощь в сочетании ухода за детьми и работы, а потом указывалось, что это «утопическое» видение — уже реальность в некоторых частях Европы. Однако, как уже упоминалось, изменчивая природа и история социальных государств свидетельствуют о том, что политика перехода от одного состояния к другому — это не линейный и прямой путь. Для эффективности процесса сдвиг от утопического мышления к реализации политики требует большего, чем просто демонстрации, что такая политика была успешна везде, но необходимо также учитывать информацию об исторически сформированных условиях, которые сделали его возможным в одной стране, однако могут усложнить его реализацию в другой. В то же время конкретные политические предложения нуждаются в сохранении элементов стратегического мышления, включенного в утопическое и в балансе между краткосрочными политическими целями и длительными стратегическими интересами (Molyneux, 1985).

Локализация феминистских теорий времени во времени

Не только феминистские утопии связаны с конкретными условиями. По-прежнему достаточно редкое, сознательное феминистское мышление о темпоральности само по себе может считаться продуктом быстрых социальных изменений, связанных с постмодернистскими понятиями неопределенности и текучести. Это означает, как обсуждалось в первой главе в отношении политической теории основного направления, что возможно определить развитие темпоральных перспектив в рамках феминизма или локализовать

темпоральные разногласия, которые могут находиться в основе отдельных политических полемик. Однако эти модели нечеткие, феминизм никогда нельзя было поделить, четко классифицировать, нет прямой зависимости между типом феминизма и темпоральной ориентацией. Как будет показано в следующем подразделе, и природа феминистской истории также противоречива.

Так, первая и вторая волны западного феминизма, либеральная с требованиями равных прав и социалистическая (марксистская), могут быть рассмотрены как «модернистский» продукт мысли эпохи Просвещения и ее веры в постепенный прогресс всего человечества. Однако между этими двумя позициями есть также определенные различия: либеральная исходит из того, что права и справедливость имеют вневременное происхождение, а марксистская — что права и справедливость не существуют за пределами человеческого общества, они есть его продуктом и поэтому отвечают интересам доминирующего класса. Аналогично, если либеральные феминистки считают равенство полов безотлагательным требованием, то марксистские видят его как продукт определенного времени, возникший на определенном этапе человеческого развития, таким образом, прошлое (история) формирует как настоящее, так и будущее.

Эти современные, ориентированные на будущее феминизмы очень сильно отличаются от радикального феминизма 1970-х. В его рамках история рассматривалась как отчет о вечном угнетении, а не прогресс, и это объясняется неизменными, базирующимися на биологии качествами как мужчин, так и женщин (мужчины — это разрушители и угнетатели, а женщины — воспитательницы и дарительницы жизни). В свою очередь, такая позиция сильно отличается от современного постмодернистского феминизма, отвергающего «метанарративы» истории, такие как прогресс и вневременные права, вместе с идеей о том, что пол, гендер, женщина или даже индивид — неизменно и устойчиво существуют во времени. Для такого феминизма история не имеет значения, гендер можно создавать и пересоздавать по желанию, а «настоящее... это прелюдия к будущему, а не продолжение прошлого» (Tronto, 2003, p. 141; см. также: Weston, 2002). И хотя такие позиции могут побудить к некоторому пренебрежению прошлым, акцент на текучести и процессе может побудить к ретроспекции и воссоздать модели «определенного пути» как условия этих процессов. Такой анализ может привести к определению «критических точек», когда возможны масштабные изменения. В понятиях практической политики это означает, что если нынешние темпоральные перспективы, в общем, не поощряют стремления к революционным изменениям, то некоторые современные влиятельные

идеи формируют сценарии о том, что радикальные изменения возможны и даже необходимы. Эти идеи базируются на опыте прошлого и указывают на политическую важность изучения истории для понимания настоящего и будущего.

Значение истории для феминизма

Феминизм заинтересован в истории по нескольким взаимосвязанным причинам. Многие считают, что изучение истории может помочь нам понять настоящее и те возможности для изменений, которые оно в себе таит. Некоторые находят, что, ссылаясь на прошлые достижения женщин и/или данность гендерных отношений, история может стать политическим оружием для опровержения утверждений о неполноценности женщин или о неизбежности современного уклада жизни. Тем самым она поощряет поиски альтернатив. Экстраполяция исторических исследований на изменчивые характеристики семьи и личной жизни ставит под вопрос различие общественного/частного (это обсуждалось в пятой главе), которое составляет фундамент западной политической мысли и поддерживает мужские привилегии. В целом, феминистское переписывание истории женщин и гендерных отношений опровергает своекорыстные ограничения любого мужского знания, описанного более 300 лет назад Мэри Астелл (Mary Astell): «Историю они пишут для себя, они рассказывают друг другу о великих подвигах и всегда делали только так» (цит. из Perry, 1986, p. 3). Несмотря на широкое распространение идеи о необходимости восстановления и переписывания истории женщин и гендера как одной из самых важных политических задач феминизма, феминистки часто расходятся во мнениях относительно характера женской истории, а также ее политических последствий. Некоторые делают акцент на постоянном характере угнетения, другие — видят прогресс в его ослаблении, а третьи — отбрасывают саму возможность нарративной длительности, которую предполагают эти две версии. Эти вопросы будут обсуждаться в оставшейся части подраздела.

История и угнетение женщин

Видение истории как отчета о мужской негуманности по отношению к женщинам можно представить двумя цитатами. В 1848 году первый в мире съезд по вопросам прав женщин (состоявшийся

в Сенека Фолс, Нью-Йорк) объявил, что «история человечества — это история повторения несправедливости и насилия со стороны мужчин по отношению к женщинам, прямая цель которых — установление абсолютной мужской тирании над женщиной» (из Rossi, 1973, p. 416); в 1969 году в Нью-Йоркском «Манифесте Красных чулок» (Redstockings manifesto) объявлялось, что «мужское верховенство — это самая старая, базовая форма доминирования... Все мужчины получают экономические, сексуальные и психологические выгоды от нее. Все мужчины угнетают женщин» (из Morgan, 1970, p. 598). В 1970-х годах такой взгляд был связан с радикальным феминистским концептом патриархата. Некоторые феминистки постарались найти исторические корни мужской патриархальной власти, связывая ее то с мужской склонностью к насилию, то с их пониманием своей репродуктивной роли, то с ранним развитием охоты и появлением частной собственности (общий обзор, см.: Bryson, 2003, глава десятая). Другие соглашались с Дейл Спендер (Dale Spender) в том, что «мы не нуждаемся в доказательствах первопричины получения мужчинами власти, они имеют ее уже долго, больше, чем кто-либо в истории человеческого общества, они и сейчас используют ее для удержания своей власти» (Spender, 1985, p. 42).

Как уже обсуждалось в четвертой главе, определение патриархальной власти может быть первым важным шагом на пути к ее изменению, и исторические подсчеты прошлых зверств, таких как сожжение колдуний, усиливают источники гнева, неодобрения и ведут к политической деятельности. Это также защита против «соблазна амнезии», как ее описывает Тронто, которая пренебрегает постоянным влиянием различного прошлого мужчин и женщин и преувеличивает возможности, открытые для женщин сегодня (Tronto, 2003, p. 140). Однако, как утверждает Тронто, также важно не «превратить женщину в жертву мужчины и ... отрицать их любую деятельность» (Tronto, 2003, p. 125). Линн Сигал также предостерегает от аисторических выводов, будто бы «женское бессилие, принесение в жертву и отсутствие ресурсов... создают женскую историю вне времени» (Segal, 1987, p. 11) и что нет никакого прогресса во времени или различий среди женщин.

Более осторожное использование концепта патриархата не должно включать такие аисторические генерализации или понимать женщину как пассивный объект истории. Скорее, необходимо сосредоточить свое внимание на контекстах жизни женщин, а главное задание феминистских историков — это определение сдвигов в природе патриархата и изменение спосо-

бов его восприятия различными группами женщин. Например, Сильвия Уолби (Sylvia Walby) определила общий сдвиг в западных обществах от частного патриархата, базировавшегося на индивидуальном контроле в семье, к общественному патриархату, построенному на структурах за пределами семьи. Позже она соединила эти исследования с анализом комплексных моделей потерь и приобретений, пережитых различными группами женщин на разных этапах жизни (Walby, 1990, 1997). Такой анализ не рассматривает патриархат как неизменную и монолитную структуру угнетения, где женщина не может действовать. Он оставляет возможности для оспаривания власти патриархата и победы феминисток, при этом признавая взаимосвязующий характер приобретений и текущих ограничений.

История как вдохновение

Подобное понимание совместимо с попытками использовать историю в качестве свидетельства забытых женских достижений. Бытует мнение (противники которого — феминистки), что женщины не способны к творчеству, оригинальному мышлению или политическому лидерству. Поэтому открытие выдающихся предшественниц может очень усилить женские права и возможности, да и поддержать феминисток в том, что если женщины приучены уступать во всем мужчинам, то это следствие общества, но не природы. Современная феминистская история также показывает, что ранние феминистки также использовали историю: Кристин де Пизан (Christine de Pizan, 1365—1430) обращалась к достижениям «великих женщин» прошлого, которые явно противоречили утверждениям церковников тех времен, будто женщина не может быть интеллектуально равна с мужчиной (Lerner, 1993). Эти «повторные открытия» доказывают, что нет ничего нового в женском сопротивлении угнетению, вдохновляют и узаконивают феминистскую деятельность, способствуя усилению ощущения коллективной идентичности и политической деятельности. В этом смысле, как пишет Диана Кул (Diana Coole), история женского движения была «частью феминистского арсенала, собственной мифологией начинаний и побед перед лицом невзгод, обеспечивая движение непрерывностью и идентичностью во времени» (Diana Coole, 2000, p. 36).

Чья история? Что за история?

Однако сегодня многие феминистские исследователи, включая и Кул, используя свою осведомленность о политической природе истории феминизма, критикуют феминистскую подачу собственной истории. Не только некоторые «белые» западные женщины из среднего класса имеют тенденцию писать историю, исходя из своих частных интересов и проблем, приравнивая их к проблемам женщин в целом, но и те, кто подает историю феминизма и женского движения как продолжающийся эмансипаторский проект налаживания повествования непрерывности на идеи и события, которые сами по себе «плюралистические, гетерогенные и случайные» (Coole, 2000, p. 38). Тем не менее, хотя они могут изменить наше понимание событий, такая критика не отрицает политической важности истории для феминизма. В самом деле, Кул пишет, что понимание не протяжной, а фрагментарной природы раннего феминизма, отражение которой мы можем наблюдать в современной деятельности феминисток и их идентичности, — не проблематично; проблемы возникают лишь тогда, когда мы пытаемся рассматривать это движение с точки зрения «мета-нарратива» (Coole, 2000, p. 52).

Распространение осведомленности о разности и разнообразии может показать историю как многообразие голосов, усиливая впечатление, что она — не просто перечень неправильного или же прогресса. Не только многие современные феминистские историки опираются на гораздо более широкий круг источников и методов, чем те, которые использовались в прошлом, но и многие «неакадемические» представители и группы, включая иммигрантские группы, — пишут собственную семейную или общинную историю, обеспечивая этим укрепление чувства собственной идентичности (Cowman and Jackson, 2003).

Хотя немногие феминистки ожидают сегодня от истории открытия «истины», большинство может, в принципе, согласиться с Кристой Коумен (Krista Cowman) и Луизой Джексон (Louise Jackson) в том, что мы «в долгу перед женщинами, которые жили в прошлом; мы обязаны оценивать их с уважением и, следовательно, «правдиво»». Как утверждают Коумен и Джексон, процесс «обозначения, запоминания, пересказа и присвоения смыслов», включенный в такую оценку, достаточно сложен (Cowman and Jackson, 2003, pp. 43, 41). Выявление ряда особенностей прошлого опыта женщин поможет оценить заново наш собственный опыт. Такое признание особенности истории разных женщин предостерегает нас от одномерного решения современных проблем или выставления своих безапелляционных счетов прошлому.

Феминизм и история сегодня

Представление о частичной и нестабильной природе знания часто связывается с постмодернизмом. Тем не менее, не нужно быть постмодернистом, чтобы понимать, что история неизбежно включает в себя отбор, она также неминуемо содержит интерпретации, а не просто запись «что произошло» — все это сказал Джордж Оруэлл задолго до постмодернистов в своем мрачном романе «1984»: «Кто контролирует прошлое, контролирует будущее, кто контролирует настоящее, контролирует прошлое». Однако постмодернистский подход оценивает политическое значение истории в качестве инициативы и альтернативы, которая всегда может быть переписана и поэтому использована как феминистками, так и их оппонентами для оспаривания или поддержания главенствующих интересов, базирующихся на мужском опыте и интересах.

Обсуждение в этом подразделе предполагает, что феминистской истории необходимо держать баланс между осведомленностью о притеснениях и пониманием возможностей, и еще важно искать способы выйти за пределы видения истории как отпечатка прогресса или постоянного угнетения, признавая, тем не менее, что история — не чистая случайность. Подобная интерпретация истории придает смысл всякой деятельности, демонстрируя возможности женщин действовать в самых неблагоприятных условиях и выявляя условия прошлых феминистских свершений и поражений, а также может указывать на современные политические альтернативы. Она также обнаруживает, что если женщины не имеют общей истории и разделены своим прошлым опытом, который продолжает делить их и сегодня, это вовсе не помеха для поисков и нахождения общности, лежащей в основе «общности в различиях». Любая феминистская история настаивает на центральности гендера, как бы она его не концептуализировала. А еще приоткрывает те сферы жизни, которыми, как правило, большинство историков пренебрегает: речь о «частной» или «естественной» сфере.

Возвращение к теориям основного направления:

Маркс, Гидденс и Пайерсон

Положения феминизма, проинтерпретированные в предыдущих подразделах, в основном совместимы с темпоральными перспективами Маркса, Гидденса и Пайерсона. Как уже упоминалось в пер-

вой главе, все это авторы основного направления, все, так или иначе, указывали на важность темпоральности для понимания социальных и политических феноменов, утверждая, что те не могут быть поняты как вечные, но только как продукт прошлого и условия для будущего: ведь они, так или иначе, изменяются, иногда резко, а порой — незаметно. Хотя все авторы указывали на сдерживающее влияние среды, но настаивали на важной роли человеческого фактора в процессе исторических изменений. Видели ли они современные институции или структуры власти как отражение экономических сил или материальных условий (Маркс), социальные практики как накопление индивидуальных действий (Гидденс), — или выборов и моделей, которые ведут к самоусилению (Пайерсон), все они сходятся в одном: человеческие возможности не связаны только с существующим в данный момент, что семена перемен постоянно в них присутствуют, и будущее не целиком предопределено. Никто из этих авторов не занимался исследованием вопросов гендера, однако многие их идеи, как ни парадоксально, могут быть использованы феминистками. Этот подраздел продемонстрирует, что именно феминистки могут взять из темпорального анализа перечисленных авторов основного направления, и как это может быть модифицировано женщинами, которые хотят иметь перспективы, равные мужским.

Маркс: человеческая история и (вос)производство

Классическая теория марксизма поддерживает фундаментальную феминистскую темпоральную перспективу, что женское подчинение — это не вечное отражение врожденных отличий пола, и поэтому оно должно быть прекращено. Эта перспектива исходит из того, что если мы хотим понять и изменить современное положение женщин, мы должны осознать, как пришли к этому какие действенные силы, могут помочь изменить ситуацию. Однако хотя доминирующий марксизм связывает положение женщин с человеческой историей, он интерпретирует его как побочный продукт экономических изменений, безо всякой собственной внутренней динамики. Так, Энгельс считал, что «мировая история нанесла сокрушительное поражение женскому полу», порожденное первой частной собственностью (которая дала мужчинам мотивацию контролировать женщин, поскольку они хотели бы передать собственность своим наследникам), итак, женское угнетение будет уничтожено вместе с частной собственностью в коммунистическом

обществе (обсуждение, см.: Bryson, 2003, третья глава). Далекая от признания за женщинами права творить историю, эта позиция поддерживает разделение на общественное/частное и оставляет мало возможностей для женщин непосредственно решить проблемы своего сексуального угнетения или бороться с гендерным разделением труда.

Подобный разрыв в понимании связан с утверждением Маркса, что способ человеческого производства — это базис социальной организации и движущая сила человеческого развития. Эта теория опирается на узкое определение продуктивной экономической деятельности, приравнивая ее к производству в общественной сфере. В этой ограниченной перспективе, репродуктивные, домашние и семейные обязанности исключаются из исторического анализа или политической борьбы, и «...весь труд, входящий в производство жизни, включая труд по рождению ребенка, не рассматривается как сознательное взаимодействие человека с природой, а считается не столько человеческой деятельностью, сколько обычным проявлением природы, несознательно порождающим растения и животных, и над этим процессом невозможен контроль» (Mies, 1998, p. 37).

Когда же марксизм комбинируется с феминистской перспективой, которая отбрасывает разделение общественное/частное, у нас появляется возможность рассматривать женскую работу, как одну из форм продуктивной работы. Как таковая, она — часть человеческой истории и условий, в которых такая работа выполняется, включая гендерное разделение труда и изменчивые способы организации семейной жизни и сексуальных отношений. Она является частью материального базиса общества, а не просто его отражением. Поэтому такая работа не только может непосредственно оспариваться, но и борьба против домашних условий может занимать центральное место в экономических изменениях, а изменения в этой сфере могут создать как новые ограничения, так и новые возможности для будущего развития общества.

Схожие аргументы были выдвинуты рядом современных феминистских авторов, расширяя тем самым понятие «социального воспроизводства» для концептуализации «женской работы» в рамках марксистского подхода (см. к примеру, Vogel, 1983; Brenner and Laslett, 1991). Однако технические вопросы, связанные с марксистской терминологией, могут вводить в заблуждение, посему я предпочитаю понятие (вос)производство, которое может быть определено как «человеческая деятельность (физическая и эмоциональная), которая, более или менее, связана с репродукцией населения, его сохранением и заботой о тех, кто не может позаботиться о себе сам» (Bryson, 2004, p. 24). Эта деятельность включает не

только биологическое деторождение, но и приготовление пищи, уборку и уход за детьми, пожилыми людьми и людьми с особыми потребностями или больными, а также удовлетворение эмоциональных и сексуальных потребностей. Будучи возложенной на женщин непропорционально, их загруженность поддерживается различными способами.

Опираясь на эти умозаключения и сохраняя марксистскую терминологию, акцент на условиях (вос)производства включает рассмотрение изменений в движущих силах (вос)производства (таких, как знания и технологическое развитие) и их влияние на отношения (вос)производства, в частности, на гендерное разделение труда и сдвиг границ между оплачиваемой/неоплачиваемой работой. Такая перспектива марксистского феминизма отводит истории основную роль в человеческой жизни, которая была конвенционально маргинализирована, и анализирует историю в ее собственных понятиях. Такой анализ показывает, что хотя в течение большей части человеческой истории частые беременности и продолжительное кормление грудью привели к базисному «естественному» разделению труда, делающему женщин ответственными за (вос)производство эффективного использования ресурсов, современное развитие эффективной контрацепции и кормление из бутылочки означает, что условия уже изменились, а широкое распространение бытовой техники, рационализирующей домашний труд, ведет к тому, что домашняя работа — это уже не непрерывный утомительный труд. Эти изменения способствуют более активной роли женщин в оплачиваемой занятости и ограниченному включению мужчин в домашний труд из-за предоставления услуг (вос)производства государством и частным сектором. Они также сделали возможными радикальные вызовы гендерному разделению труда и распределению (вос)производственных обязанностей между индивидами, широкой общественностью, государством и рынком.

И хотя последние изменения в условиях (вос)производства сделали доступными справедливые механизмы, но влияние таких условий опосредуется рядом факторов, включая религиозные верования и гендерные идеологии, отличные в разных странах мира. (Вос)производственные условия различными способами затрагивают широкие аспекты экономической и политической жизни. Поэтому феминистки уже могут начать кампанию за желаемые изменения, такие как усиление государственной или общественной поддержки ухода за детьми, широкое вовлечение мужчин в (вос)производственный труд, «дружественные к семье» условия занятости или перераспределение экономических ресурсов для поддержки и вознаграждения (вос)производственной активности. Как

уже упоминалось ранее, такие движения, скорее всего, вступят в конфликт со стремлением к максимизации прибыли, а поэтому вызовут стойкую оппозицию. Так как в краткосрочной перспективе большинство мужчин материально выигрывают от существующего разделения труда и дифференцированных заработков, они и будут в оппозиции к таким переменам. Тем не менее, большинство мужчин тоже эксплуатируются как работники, поэтому в их интересах не игнорировать (вос)производственную работу, и тогда многие из них смогут воспользоваться широким выбором, который предлагают более гибкие гендерные роли. Отчасти по этим причинам профсоюзы в большинстве западных стран поддерживают сегодня кампании за гибкую занятость и декретный отпуск, а не защищают мужскую «семейную зарплату», как было в прошлом.

Пересмотренный вариант марксизма, сочетающий темпоральную локализацию с анализом (вос)производства, признает, что женщины, как и мужчины, могут творить историю. И хотя марксизм не считает, что люди могут сами выбирать обстоятельства своей жизни, но он помогает обнаружить, что материальные условия (вос)производства, существующие в настоящее время, делают равенство полов более реальным, чем в прошлом, тем самым объединяя утопические мечты с практическими возможностями. Все это подтверждает важность попыток изменения условий (вос)производства, в то же время показывая, что это не может случиться изолированно, но только в контексте широких социально-экономических изменений, а такие изменения требуют союзов и с некоторыми мужчинами.

Гидденс: структурация и создание гендера во времени

Как и Маркс, Гидденс заинтересован в понимании длительности и изменения. В первой главе мы упоминали, что будто институты, идеи и структуры доминирования не просто «существуют», но поддерживаются и модифицируются во времени через повторение индивидуальных действий, которые аккумулируются в качестве социальных практик. Но, в принципе, такие действия могут и не повторяться, поэтому любая социальная структура изначально уязвима, и человеческие действия всегда имеют потенциал для создания изменений. Аналогично, как уже обсуждалось в четвертой главе, некоторые феминистки считают гендер нестабильным продуктом повторяемых действий, а не стабильным отображением уже существующих ролей и характеристик. В этих рамках также

рассматривают создание гендера в терминах доминирования и подчинения; Гидденс также интересовался, как структуры доминирования сохранялись и опровергались.

Но, в отличие от Маркса, Гидденс рассматривает некоторые «частные» вопросы в ряде своих работ. Например, в «Трансформации интимности» (1992) он специально сделал акцент на истории современных форм сексуальности, связывая их с длительными процессами, взаимодействующими благодаря глобализации, а также разграничением пола и его репродуктивной функции, в комплексе с влиянием на эти процессы феминизма и каждодневной деятельности «обычных женщин». Он утверждает, что традиционные локальные знания и ожидания были заменены терапевтическими «экспертами» по личным отношениям. Эти отношения теперь стали рассматриваться в терминах их способности удовлетворять индивидуальные потребности в саморазвитии и интимной коммуникации таким образом, чтобы партнеры постоянно анализировали состояние своих отношений и собственное эмоциональное здоровье. В сочетании с женским отказом от домашнего порабощения, включенного в ранние формы романтических отношений, это означает, что такие отношения рассматриваются как форма сделки между равными, которая может быть прекращена, если одна из сторон не чувствует удовлетворения своих потребностей. Хотя он утверждает, что такой результат может усилить чувство ненадежности, но Гидденс приветствует новые формы интимных отношений как более демократичные, чем в прошлом. Он также утверждает, что отношения могут оказывать положительное воздействие на общественную сферу, «усиливая личную независимость в контексте чистых отношений, имеющих важные последствия для демократических практик в широком сообществе» (Giddens, 1992, p. 195). Хотя такого рода дискуссии выглядят достаточно близкими к феминистским аргументам об исторической природе частных механизмов и их общих последствий, утверждения Гидденса являются проблематичными. Ведь он не только оставляет в стороне существующее экономическое и политическое неравенство, но, как утверждает Линн Джеймисон (Lynn Jamieson) (1999), еще и игнорирует степень сочетания эгалитарных ожиданий с высоким уровнем неравенства домашних практик. Его основные теоретические идеи, связанные со «структурацией», тем не менее, оказались более плодотворными и значительно повлияли на феминистские работы по «созданию гендера». В нашем последующем обсуждении используем его идеи для более широкой дискуссии о том, как гендер конституируется во времени. Он фокусирует внимание на двух ключевых моментах: постулирует, что гендер — это

«идентичность, тонко конституированная во времени, институализированная во внешней среде посредством *стилизованного повторения определенных действий*» (Butler, 1990, p. 179, выделение в оригинале), и что такие действия сами по себе включают соответствующее гендеру использование времени.

Как уже упоминалось в четвертой главе, теории Джудит Батлер о гендерном спектакле и потенциально разрушительном эффекте табуированного поведения жестко оспаривались; в этом контексте идеи Кэт Уэстон (Kath Weston) имеют особое значение, поскольку они делают акцент на темпоральности. Уэстон признает, что идея «создания гендера» вносит важные корректировки в ранние статические взгляды. Тем не менее, она утверждает, что концепт повторения, находящийся в основе теорий Гидденса и гендерного спектакля, сам по себе базируется на определенных темпоральных представлениях, а именно: на линиях «массового конвейера», которые, по иронии судьбы, исчезают сейчас в западных обществах (критика идей Гидденса, — см.: Greenhouse, 1996). Уэстон утверждает, что нынешняя популярность идеи спектакля отображает овеществление времени поздним капитализмом и глобализацией, которые фокусируются на свободном выборе в настоящем, через который индивиды оказываются свободны «представлять гендерную репрезентацию самих себя, которую они могут выбирать в соответствии со своим вкусом, словно из каталога вещей». Это, по ее мнению, преувеличивает податливость гендера и свободу людей вести себя, как они пожелают. Парадоксально, но это также поддерживает иллюзию, что мужественность и женственность каким-либо «там» образом воспроизводятся, и за кадром остается «усиление, а не вытеснение гендерного неравенства». Повторяя аргументы о важности истории и контекста, Уэстон еще пишет о важности исторического наследия и памяти для понимания нынешних гендерных отношений и настаивает на том, что необходимо «изучать гендер как социальные, материальные отношения во времени, а не как уже овеществленную и превращенную в товар сущность» (Weston, 2002, pp. 74, 134, 135).

Хотя Батлер и Уэстон в основном акцентировали внимание на сексуальном поведении, другие исследователи определили время как ключевой аспект «создания гендера». В отличие от Батлер, эти исследователи предполагают, что люди обычно пытаются подтвердить свою гендерную идентичность, и поэтому их подведение обусловлено существующими нормами о надлежащем поведении, в том числе и непреднамеренно табуированными нормами гендерного времени. С этой точки зрения, люди эффективно сигнализируют о своем гендере через времяпровождение: «в дополнении к произ-

водящей рентабельности, мужчины и женщины делят время занятости и время домашнего труда таким образом, что они также «производят гендер»»; «ее деятельность как прачки и его умение вкручивать лампочки не только делают одежду чистой или освещают комнату, но также создают подтверждение гендерных ролей» (Sirianni and Negrey, 2000, p. 65; Blumberg, 1991, p. 20; схожая дискуссия, см.: West and Zimmerman, 1991; Bianchi et al., 2000).

Эти нормы гендерного времени создают дисциплинарный эффект, который «...осложняет индивидам пересечение профессиональных и социальных границ, связанных с их полом... работающие женщины, выполняющие огромный объем работы, и мужчины, ориентированные на уход за детьми, испытывают на себе давление общественного неодобрения, растрачивая «слишком много» своего времени на деятельность, не связанную с их прямыми (традиционными) обязанностями» (Epstein and Kalleberg, 2004a, pp. 17—18; см. также: Gerson, 2002).

Очевидны практические последствия подобной ситуации, что дает возможность некоторым авторам утверждать, будто нежелание мужчин убирать в доме не просто связано с их неприязнью к этому виду работы, но и с опасностью, что такие их действия представляют угрозу для их собственной мужской идентичности. Это подтверждают исследования Джули Брайнес (Julie Brines): североамериканские мужчины, экономически зависящие от своих жен (чья «мужественность» поэтому находится под угрозой), выполняют немного работ по дому, даже если располагают временем. Выводы ее таковы: «Похоже, исполняя меньше домашней работы, экономически зависимые мужья также «создают гендер»» (Brines, 1994, p. 652). И Пол Кершоу (Paul Kershaw) (2005) аналогично предполагает, что нежелание шведских отцов уходить на весь возможный срок в декретный отпуск связано с символическим значением мужественности: необходимы сильные стимулы для борьбы с этим явлением.

Циники могут счесть эти аргументы оправданиями для лени и отказа от утомительной работы, а нормы гендерного времени — просто поддержкой мужских привилегий, в частности, их свободы от домашних обязанностей. Эти нормы также защищают возможность более высоких заработков для мужчин путем введения нового уровня сложности для женщин через требования удлиненных часов работы для высокооплачиваемых профессий, считающихся «героическим выражением мужественности», недоступным женщинам (Collinson and Collinson, 2004, p. 240). Как подчеркивает Синтия Эпштейн (Cynthia Epstein), противоречивые гендерные нормы ведут к тому, что «если женщины проводят большую часть своего времени на работе, им не хватает времени для выполнения

обязанностей в семье. Если же они не воспользуются этим временем на работе, они не смогут полностью выполнить нормы выработки, приводящие к поощрению и свободе, которая ему сопутствует» (Cynthia Epstein, 2004, p. 329). Результатом этого для многих успешных в карьере женщин может стать чувство вины и подавленности, хотя некоторые исследования использования времени показывают, что если женщина зарабатывает больше, чем ее спутник жизни, она «вдвойне старается подчеркивать свою женскую сущность для нейтрализации девиантной гендерной роли» (Bittman, 2004, p. 165).

Хотя Гидденс интересовался как изменением, так и стабильностью, акцент в первую очередь на преемственности гендерных ролей и идентичностей во времени, похоже, оставляет без внимания активные действия и изменения. Также не учитывалась разница между женскими ожиданиями, опытом и поведением. Однако Ориэл Салливан (Oriell Sullivan) объединила идею «создания гендера» с ограниченными изменениями в гендерных ролях (которые были определены в западных обществах) и видимыми расхождениями между различными группами женщин. Сосредотачиваясь на гендерных практиках в семье, она пытается связать «более широкую дискурсивную среду и взаимодействие на микроуровне, в которые люди вступают каждый день». Салливан определяет «потенциально подающиеся трансформации» аспекты создания гендера в отношениях пары «как часть диалектического процесса, включающего интерпретацию гендерного сознания партнера и соответствующее ему создание гендера», а еще то, как на этот процесс влияют индивидуальные «материальные и реляционные ресурсы» и широкая дискурсивная и идеологическая среда. Это, по ее мнению, усиливает такие претензии радикальных феминисток, как «личное — политично», а еще утверждения Гидденса о том, что социальные структуры могут быть разрушены из-за неповторяемости действий, поддерживающих их. Вот поэтому Салливан утверждает: «Каждодневная борьба женщин против домашнего разделения труда» может быть определена как политическая, и в длительной перспективе она будет оказывать трансформативный эффект (Sullivan, 2004, pp. 219, 208, 216). А Кристин Натальер (Kristin Natalier) иронично предполагает: «Вряд ли Гидденс... представлял себе мытье посуды, когда писал, что интимность — это «отношения взаимообмена личными связями на равных», но и это может быть в действительности элементом рефлексивно управляемых отношений или их очень важной составляющей» (Kristin Natalier, 2004, p. 17).

Далее Салливан также пишет: «В отсутствие четких изменений политики в сфере семьи» указанные ею изменения будут продол-

жаться, хотя очень медленно (Sullivan, 2004, p. 219). Тем не менее, если такая политика будет иметь место, она может дать нужные результаты. Как обсуждалось в шестой главе, государства могут помочь в создании гендерной идентичности, устанавливая, поддерживая или оспаривая существующие нормы гендерного времени: к примеру, установив, что только женщины нуждаются во времени декретного отпуска для ухода за детьми, или же давая возможность мужчинам также брать его или, как утверждает Кершоу, сделав финансово привлекательным для мужчин взять такой отпуск.

Приведенный выше анализ указывает, что гендер, нормы и действия, поддерживающие его, не являются постоянными во времени, а отмена угнетающих гендерных отношений требует не только индивидуальных действий, но и поддерживающей государственной политики. Конкретные действия и политика вокруг времени будут центральными для таких процессов. Это значит, что хотя индивиды вынуждены учитывать материальные и идеологические факторы, выбирая как действовать в повседневной жизни, но их действия не предопределены. А это означает, что даже небольшие изменения могут провоцировать важные кумулятивные эффекты, связывая личные и политические изменения.

Пайерсон: гендерные пути и критические точки во времени

В своем подходе определенного пути Пайерсон также связывает небольшие и крупномасштабные изменения. Как уже упоминалось в первом разделе, он стремится проанализировать механизмы самоусиления, поддерживающие существующие модели власти, политики и поведения, означающие, что чем раньше принято решение, тем более длительные последствия оно может вызывать. Пайерсон также утверждает, что давление изменений может постепенно усиливаться, пока не достигнет критической точки, по его мнению, социальные государства уже ее достигли. Хотя некоторые феминистские исследования по социальной политике базируются на этом подходе, сам Пайерсон не принимает во внимание значение современного подавления женщин, он не пытается определить зависимые от пути гендерные нормы и способы их влияния на политику. Но он констатирует перемены в женских ролях и поведении: в частности, расширение участия женщин в сфере оплачиваемой занятости, снижении рождаемости и тенденции к рождению детей

без мужа. Для Пайерсона это все проблемы, требующие потенциально дорогостоящих решений.

Однако, насколько я знаю, анализ определенного пути еще не использовался в отношении к гендеру как таковому, хотя он предоставляет интересные возможности для анализа на уровне индивидуального поведения, коллективных норм и государственной политики, в терминах гендерного использования времени. Он делает для нас возможным видеть, как люди «замыкаются» на определенных гендерных моделях, и те самоусиливаются. Например, нормы гендерного времени, которые мы обсуждали ранее, означают, что женщины чаще, чем мужчины, сокращают свое рабочее время ради семейных нужд; они имеют больше шансов быть поощренными сделать это государственной политикой. Ведь даже если пара, начиная жить вместе, разделяет домашние обязанности, и каждый получает одинаковую зарплату, то именно женщина, родив ребенка, погружается в домашние обязанности и заботу о ребенке, а не ее муж, да и ее карьерные возможности, естественно, значительно уменьшаются после ее выхода из декретного отпуска. Ее новый заработок рациональным образом подтолкнет ее работать меньше мужа или продлить свой декретный отпуск; а отсутствие финансовой независимости может уменьшить ее значимость в семье. Между тем, муж может ощущать на себе обязанности кормильца, поэтому он начнет уделять больше времени своей карьере, и поэтому кто-то другой должен будет заботиться о его домашних потребностях (т.е. — жена). Интересы такого мужа чаще всего будут защищаться профсоюзом: теперь он получает больше денег и имеет больше связей и доступного времени, чем его экономически зависимая жена, а значит — будет иметь и более значимый политический голос. Это, в свою очередь, будет укреплять гендерные нормы, формирующие социальную политику, которая в основном предполагает, что семейные обязанности — прерогатива женщин, ведь эта политика была создана в те времена, когда профсоюзы успешно боролись за зарплату мужчины-кормильца, а обязанности по дому занимали значительно больше времени, чем теперь.

Анализ определенного пути — это не только анализ стабильности. Приведенный выше пример таит в себе потенциальные источники конфликтов и давлений на индивидов, для государственной политики и для гендерных норм: они могут накапливаться и достигать критической точки и изменять направление. В такой критической точке жена может решить оставить своего мужа, если он почти никогда не появляется дома, а ее муж может прийти к заключению, что высокая заработная плата — это не равноценная компенсация отсутствия времени для своей семьи, и перейти на

другую работу. Политическую повестку дня может изменить признание того, что больше нельзя ожидать от женщин бесплатной работы, и мужчины должны также исполнять семейные обязанности. По альтернативному сценарию, женщины могут отказаться от попыток сочетать семью и работу и всецело посвятить себя домашним обязанностям наряду с тем, что социальная политика может поощрять женщин выходить замуж на традиционных условиях и сделает очень тяжелым для них выращивание детей без финансовой помощи мужа.

Хотя нет никакого автоматизма в достижении конкретных результатов, анализ определенного пути может, в принципе, помочь определить некоторые длительные и краткосрочные процессы, включенные в поддержание/ниспровержение гендерной политики и моделей поведения, и может с пользой быть скомбинированным с анализом, как изменений условий (вос)производства, так и небольших постепенных изменений в поведении, о чем уже говорилось в этой главе ранее.

Признавая, что гендерные пути получают собственный импульс, этот подход будет также исследовать, как они взаимодействуют с более общим давлением и процессами, описанными такими авторами основного направления, как Пайерсон. Сегодня кумулятивное влияние кратко- и долгосрочных изменений означает, что гендерные нормы и ожидания, которые были доминирующими во многих социальных государствах большую часть 20-го века, все в большей мере находятся в несоответствии с повседневной жизнью людей и их опытом, — они более не являются надежным базисом для социальной политики. Это открывает возможности для парадигмального сдвига, демонстрирующего важность работы, традиционно исполняемой женщинами, и стремлений разделить ее с мужчинами. Такой сдвиг уже происходит в ряде скандинавских стран, и он постепенно становится актуальным для феминисток и в других странах, хотя шансы на его успех там могут быть ограничены менее благоприятными условиями, которые имеют свои собственные определенные пути.

Выводы

В этой главе были рассмотрены как политическая природа темпоральных представлений, так и темпоральная природа политических идей, связанных с гендерными моделями использования времени и власти. Они признают сдерживающие эффекты прошлого

угнетения и могущественных интересов, оппозиционных феминистским целям. Тем не менее, есть некоторые основания для оптимизма. Они не только подчеркивают роль человеческих действий в творении истории, но также указывают на то, что современные материальные условия потенциально более благоприятны, чем в прошлом. А это значит, что даже небольшие изменения могут иметь кумулятивный эффект и гендерные пути, возможно, уже достигли критической точки, в которой открываются новые возможности и парадигмы. В этом контексте «утопическое» воображение альтернатив может сыграть важную роль, но должно основываться на современных возможностях, возникших из прошлого.

В главе также подчеркивалось, что анализ истории может сам по себе быть рассмотрен как политический проект, оспаривающий мужские парадигмы, и хотя вряд ли это обеспечит прямыми «уроками» современных феминисток, история служит источником мотивации и вдохновения, что свидетельствует о разнообразии женского опыта и сложностей борьбы, стоящей перед ними. Хотя в этой же главе обсуждаются общие и современные различия между мужчинами и женщинами, в главе они не рассматриваются в дихотомических понятиях. Темпоральная природа истины и идентичности отрицают надежность основ дихотомического мышления. Это означает, что хотя мы можем определить доминантные гендерные нормы и гендерные модели поведения, но они текучи и изменчивы, по-разному влияют на различные группы, что позволяет некоторым людям действовать вопреки гендерным моделям. Это ведет нас к тому, что есть определяемые гендерные различия в использовании времени, и они генерируют разные способы отношения и понимания времени и связаны с привилегированным положением мужчин. Однако в этой главе предостерегается от любой прямой идентификации «мужского времени» и «женского времени». Эти вопросы будут актуализированы в следующей главе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ «ЖЕНСКОЕ ВРЕМЯ»

«Независимо от обстоятельств, женщины, чужие в мире определенного мужчинами времени, они никогда не будут там дома. В лучшем случае они — гости, которые хотят быть полезными; в худшем они — беженцы, живущие в беспокойные времена» (Forman, 1989, p. 1)

Как уже упоминалось в части I, доминантная модель времени в современных капиталистических обществах — линейна, ориентирована на цели, выражающая овеществленное часовое время. Это время, которое является индивидуальной собственностью, можно приобретать, продавать, инвестировать, использовать или растрачивать; это время, измеряемое в виде последовательности отдельных видов деятельности. В такой модели время — это деньги, а прибыльность требует удлиненного рабочего времени и/или интенсификации рабочего времени и постоянного поиска очевидных идентифицируемых результатов. Однако это гегемонистское понимание времени сосуществует с другими моделями времени, в частности, человеческие отношения и забота имеют собственную темпоральную модель и логику, так же, как наши тела имеют такие ритмы, от которых мы не можем уклоняться по своему желанию.

В этой главе мы будем развивать идеи второй главы, о социальной природе времени, чтобы ближе подойти к рассмотрению вопроса о том, существует ли отдельная женская «темпоральная культура», и если существует, то каково ее место в патриархальных капиталистических обществах. Положения нашей книги до сих пор показывали, что какие-либо различия между мужским и женским временем не следует понимать строго дихотомически, поскольку наше восприятие времени само по себе противоречивое, текучее и многоуровневое, а ведь женщины и мужчины — это не замкнутые, унитарные категории. Впрочем, это не исключает возможности, что общие отличия в физическом и социальном опыте часто приводят мужчину и женщину к разному отношению ко времени; если это так, то «мужское время» будет привилегированным, и женское требование равенства приведет их к усваиванию мужских темпоральных норм. Очевидно, что доминирующее время — это также время капиталистической рыночной экономики, поэтому любые попытки изменить темпоральную культуру невозможны в отрыве от решения экономических и политических вопросов.

Итак, существует несколько важных феминистских исследований гендерной природы времени. И хотя их авторы часто не согласны друг с другом по поводу природы, источников и значимости различий между мужской и женской темпоральными культурами, они сами по себе достаточно часто повторяющиеся темы. В отличие от мужского времени оплаченного производства, многие описывают «женское время» как циклическое, естественное, целенаправленное, реляционное и внутреннее, время репродукции, семьи и личных отношений. Многие авторы считают, будто «женское время» обеспечивает доступ к формам знания и понимания, которые сдерживает доминирующая темпоральная культура; а повседневная жизнь женщин порождает особые темпоральные ритмы и потребности, но они приносятся в жертву требованиям овеществленного часового времени. Некоторые утверждают, что хотя доминирующая темпоральная культура постулирует время как готовый продукт, которым индивиды могут обладать и использовать, но именно «женское время» приоткрывает его реляционную и творческую природу. Тем не менее, порой феминистские исследователи предупреждают, что подобная классификация может пониматься как эссенциалистская, поддерживающая дуалистическое мышление и замораживающая категорию времени.

Эта глава начнется с рассмотрения утверждения некоторых феминисток, что женская биология порождает различные состояния темпорального сознания. И хотя мы не отрицаем подобной возможности, но рассматриваем ее с осторожностью, делая больше акцент на связях между социально приписываемыми гендерными ролями и темпоральными культурами (что мы и продемонстрируем во втором подразделе). Подчиненность и маргинализация «женского времени» в патриархальных капиталистических обществах будет объектом исследования третьего подраздела, хотя эта тема является фоном для всей главы. Глава завершается тезисом, что хотя «женское время» и «мужское время» не следует рассматривать в качестве фокусированной полярности, эти понятия могут обеспечить нас полезной политической стенографией, освещающей как центральный аспект патриархальных привилегий, так и возможности для борьбы с ними. Также делается вывод, что утверждение потребностей и ценностей, традиционно ассоциированных с «женским временем», на самом деле, в интересах всего общества.

Биология и «женское время»

Как уже упоминалось в четвертой главе, некоторые феминистки утверждают, что женский организм, в частности их менструальный

цикл и возможность деторождения, означает, что они больше соответствуют естественному времени и долгосрочным потребностям планеты, нежели мужчины. Эти аргументы могут быть очень упрощенными и поверхностными, исходящими из искусственного разделения разума и тела, забывающими, что мужчины тоже имеют тела, оставляющими женщин за пределами человеческой истории и стремящимися инвертировать, а не выйти за пределы созданных мужчинами иерархических дихотомий. Однако они иногда принимают и более сложные формы.

Менструация

Джей Гриффитс утверждает, что «менструальный цикл дает женщинам отличающийся опыт времени», который варьируется в зависимости от Луны и поддерживает их в контакте с природой и допатриархальной религией. А сегодня «мужское общество стремится гомогенизировать женское время, поддавая насмешкам, ненависти и игнорируя этот изысканный, связанный со временем цикл» (Griffiths, 1999, pp. 108, 109; см. также: Gottner-Abendroth, 1989). Впрочем, не нужно особо мудрствовать, чтобы признать, что опыт менструации и сопровождающие его каждый месяц эмоциональные, физические изменения могут дать женщинам такие отношения со временем, которые остаются непонятыми в современном обществе. Для многих женщин повторение менструации имеет определенный смысл или становится личным календарем, действующим независимо от «официального» времени. Женщины могут использовать его для планирования своей деятельности (выбирая, когда нужно избегать вечеринок, или организовывая свою работу вокруг ожидаемого пика творческой энергии). Менархе и менопауза также являются очевидными темпоральными указателями в женской жизни, естественно, как и период остановки этого цикла, сигнализирующего о беременности.

Западное общество продолжает считать менструацию постыдной и частной, а еще — знаком женской неполноценности или загрязненности, связывает ее с телом и оправдывает этим исключение женщин из многих форм занятости и политической деятельности. Хотя все больше женщин сегодня работают и занимаются общественной деятельностью, временная дисциплина современного общества не учитывает этих колебательных ритмов, которые они испытывают; даже дискуссия об этом факте в большинстве компаний подпадает под табу. Эмили Мартин утверждает,

что такое непризнание телесных потребностей женщин может быть источником предменструального напряжения, так как: «женщины, хотя бы они того или нет, переживают циклический телесный опыт, но вынуждены жить в ритмах индустриального общества, что часто несовместимо с первым» (Martin, 1992, p. 198). Хотя она и не заходит в своих аргументах настолько далеко, как Гриффитс, но она также утверждает, что менструация может быть источником позитивных качеств, и поддерживает остроумное эссе Глории Стейнемт (Gloria Steinem) «Если бы мужчины могли менструировать» про то, что если бы мужчины, а не женщины менструировали, то менструация считалась бы знаком превосходства в обществе, организованном соответственно (Steinem, 1984; см. также: Shuttle and Redgrove, 2005 [1978] новаторская переоценка роли менструации).

Разрушить стену молчания вокруг женского телесного опыта, признать и переоценить темпоральные ритмы и качества, связанные с менструацией, и требовать, чтобы доминирующие темпоральные условия принимали ее во внимание — все это может стать важным шагом для феминисток.

Тем не менее, существует ряд убедительных причин, почему менструация не должна быть понимаема как источник женского коллективного темпорального сознания, как полагали Гриффитс и Мартин.

Во-первых, подобные утверждения, как правило, игнорируют факт, что гормональные колебания свойственны и мужчинам, они тоже переживают изменения телесных ритмов и перепады настроения в течение рабочего дня и своего жизненного пути, их способность к зачатию детей также снижается с возрастом. Поэтому есть опасность вновь впасть в иерархические дихотомии разум/тело, мужское/женское, забывая, что это не только женские темпоральные потребности, но и более общие — человеческие ритмы, которые остаются за кадром в обществах и на рабочих местах, очень жестко контролируемых часами.

Утверждение, будто женское понимание времени отражает их менструальный цикл — ошибочно, ведь это только один из этапов жизни женщин, с которым сталкиваются далеко не все из них. Подобный взгляд игнорирует опыт женщин после менопаузы и тех из них, которые вообще никогда не менструировали.

В отличие от такого взгляда, перспектива с точки зрения всей женской жизни поможет избежать распространенной феминистской ошибки — приравнивания опыта всех женщин к опыту женщин детородного возраста (см.: Katz and Monk, 1993, особенно главу, написанную Pratt and Hanson, pp. 27—54). Анализ изменяющихся условий (вос)производства, предложенный нами в седьмой главе, поддерживает этот тезис, ведь увеличение продол-

жительности жизни женщин означает, что значительную часть своей жизни они проживают после менопаузы, а сама менструация все чаще становится регулируемой, устраняется или/и продлевается через использование противозачаточных таблеток или заместительной гормональной терапии. Развитие репродуктивных технологий также меняет темпоральные императивы «биологических часов», предоставляя возможность пожилым женщинам рожать. А значение менопаузы как поворотного пункта в жизни женщин будет, скорее всего, не таким уж и важным для женщины с карьерой, нежели для женщины, оцененной в первую очередь через призму ее репродуктивного потенциала. В этом контексте утверждение, что менструальный цикл дает всем женщинам особенную и «естественную» темпоральную перспективу, — звучит неубедительно.

«Женское время» и созидание жизни

Проблемы, связанные с этой темой, возникают от общего феминистского утверждения о темпоральном значении женских репродуктивных возможностей. На самом упрощенном уровне некоторые феминистки утверждают, что способность женщин к деторождению дает им особое осознание времени, которое экзистенциально отличается от мужского. Так, Мэри О'Брайен (Mary O'Brien) утверждает, что, хотя бы они этого или нет, женщины становятся матерями, поэтому для них характерно осознание репродуктивной непрерывности, в отличие от мужчин, «изолированных в своей индивидуальной историчности, связанной с их собственной продолжительностью жизни» (1981, p. 53; см. также O'Brien, 1989a, 1989b). Аналогичным образом Фрида Форман, цитата которой открывает эту главу, считает, что понимание жизни Хайдеггером как осознания смерти в существовании, интерпретирует жизнь через линейное движение и тем самым исключает женский опыт «порождения» времени: «... для нас — будущее порождающее, оно такой же детерминант нашей жизни, как и наша смертность... Женщины не просто существуют во времени (от своего рождения и до смерти), они порождают время, и это действие радикально отличает их Бытие-в-мире (In-der-Welt-Sein)... для женщин, порождение времени, то есть — рождение, это онтологический и темпоральный приоритет, более важный, чем умаление времени, то есть — смерть» (Forman, 1989, p. 7; см. также: Gottner-Abendroth, 1989).

Аналогично О'Брайен и Форман не считали репродукцию лишь естественным процессом: О'Брайен настаивает, что это часть исто-

рии человечества, все в большей степени поддающаяся сознательному контролю, а Форман пишет, что женская «порождающая темпоральность» («generative temporality») может выйти за пределы природы, обеспечивая основу для трансценденции путем заботы — «экзистенциональной по существу, объединяющей будущее, прошлое и настоящее... укорененной в Бытие-рождении и жизни» (Forman, 1989, pp. 8, 7). Тем не менее, они считают, что женщины, не имеющие намерения иметь детей или не ожидающие этого, включая бесплодных, неким чудным образом имеют общее репродуктивное сознание с женщинами, которые пребывают в состоянии беременности значительную часть своей взрослой жизни, и в таком сознании отказано мужчинам. Подобный взгляд достаточно спорен в свете последнего понижения рождаемости в западных обществах и продления жизни далеко за пределы детородного возраста.

Некоторые из этих проблем ставит и Юлия Кристева в известном эссе «Женское время», впервые опубликованном в 1979 году. В амбициозной попытке объединить психоанализ, философский анализ и анализ политики, Кристева связывает «женское время» как монументальное время (вечность) и циклическое время (повторения) с репродукцией, материнством и бессознательным; она противопоставляет его линейному времени истории, политики и языка, из которого женщины были исключены. Она считает, что феминистки первой волны делали акцент на объединении исторического времени, требуя равных с мужчинами прав, а вторая, более радикальная волна феминизма, перечёркивала это требование, помещая женщин за пределы мужской культуры и подчеркивая их «инаковость». Обе эти волны были определены мужским временем, и Кристева пишет, что современное задание феминисток (в конце 20-го века) — выйти за пределы дихотомии между маскулинностью и феминностью, перейти в третью фазу, признающую одноментность всех трех волн.

Попытки Кристевой артикулировать воображаемые возможности за пределами структур существующего дискурса, по своей сути, достаточно сложные и внутренне противоречивые. Как пишет Элизабет Эрмарт (Elizabeth Ermarth), анализ женского исключения из времени у Кристевой, свидетельствует: весьма сомнительно, «что может существовать *какая-либо* идея времени, *не являющаяся* фаллоцентричной», потому что «женское время» — это само по себе достаточно «противоречивое понятие», существующее только «в изгнании или даже в отсутствии времени» (Ermarth, 1989, p. 37, выделено в оригинале). Хотя — и потому что — аргумент Кристевой отталкивается от постмодернистской артикуляции сексуальных отличий «именно во имя неоднородности, которая и так ассоцииро-

валась с феминным» и противопоставляется «модерну с его бинарным пониманием сексуальных отличий» (Coole, 1993, p. 212), то может показаться, что любые разговоры о «женском времени» «просто еще раз выписываются в бинарные определения, которые разделяют без выравнивания», отрицаемые многими современными феминистками, в том числе и Кристевой (Ermарth, 1989, p. 37). Аналогично, хотя Кристева и определяет три волны феминизма, она, одновременно отбрасывает идею повествовательной хронологии, которая интерпретирует эти три волны как значимые пространства, а не линейные этапы, но фактически она все равно остается в пределах концепции периодизации (Watts, 1998).

Отдельные проблемы возникают и от, на первый взгляд, эссенциалистских уравниваний Кристевой «женского времени» со временем материнства и репродукции — «вечным повторением биологических ритмов, согласованных с природой». Как и в случае с менструацией и женской «порождающей темпоральностью», это определение отображает особенности опыта лишь некоторых женщин и теряет из виду изменения в условиях (вос)производства. Также Кристева считает, что вечность и повторение были «фундаментальными, если не единственными» концептами времени для большинства цивилизаций и их мистического опыта; как таковые, они не сводились к женскому репродуктивному опыту и могли быть доступными для мужчин (Kristeva, 1986 [1979], pp. 191, 192).

Эссе Кристевой поднимает больше вопросов, чем дает ответов. Тем не менее, ее акцент на одновременности резонирует с другими феминистскими работами по времени, так же, как и ее определение борьбы между женскими и мужскими темпоральными культурами при подавлении первой, а ее попытка выйти за пределы различий и равенства была отголоском более общей тенденции феминистской мысли, обсужденной нами в четвертой главе. Анализ Кристевой глубинных психических основ противоречивых давлений разных времен, переживаемых женщинами, ставших матерями, может также служить поводом для практической дискуссии. Однако принадлежность ее идей к французской постструктуралистской философии приводит к тому, что многим из нас, кто не включен в этот дискурс, часто кажется, что ее концепция невыносимо аполитична и сознательно запутанна, и в лучшем случае может быть понята местами. Как утверждает Кэрол Ваттс (Carol Watts): философски сложные и, в целом, сочувствующие идеи эссе Кристевой отображают ее постполитическую позицию и сосредоточены на символических интерпретациях, а не на вопросах власти и социальных женских практик — ролях производительниц и воспроизводительниц. Ваттс также подчеркивает, что раз уж Кристева

настаивает на определении женщин за пределами структур истории, значит, она не в состоянии проанализировать сферу репродукции или же способы переживания «работающими матерями» темпорального давления и противоречий позднего капитализма. Это дает Ваттс основания для такого вывода: «несмотря на свою многоликость и порожденные ею надежды, «Женское время» — это неподходящий манифест для нового тысячелетия» (Watts, 1998, p. 16).

Рождение и вскармливание детей

Хотя «женское время» и не может приравниваться к комплексному репродуктивному сознанию, общему для всех женщин, но все же большинство женщин рожают детей, и роды сами по себе могут быть рассмотрены как отдельный и сложный темпоральный опыт, процесс или событие. На абстрактном уровне — роды порождают время для самих новорожденных и связывают каждую мать с продолжением и воспроизводством рода. По сути, роды также бросают вызов чувству индивидуального времени и автономии женщин, являясь источником темпорального понимания, выходящего за пределы линейности; поэтому О’Брайен утверждает, что так как женщины все в большей степени контролируют процессы репродукции, «существует древняя основа новых знаний о мире в концентрированном, не объективированном опыте единства преемственности, через практический акт рождения и опыт живучести вида» (O’Brien, 1989b, p. 17).

Безусловно, многие женщины говорят о том, что опыт рождения изменил их приоритеты и взгляды на мир. Для некоторых из них рождение детей привело к заботе о будущем, непосредственно связанной с политическими действиями: например, многие женщины выступили против базирования ядерных боеголовок в Гринхеме (Великобритания) в 1980-х годах в качестве матерей, заботящихся о сохранении планеты ради своих детей. Однако не все матери идентифицируют себя с подобными проблемами, ведь и мужчины, мотивированные отцовством, могут действовать во имя будущего как своих детей, так и всего общества. Ясно и то, что родители не имеют своеобразной монополии на такие действия, и многие люди, не имеющие детей, участвуют в экологических и антивоенных кампаниях.

Контекст и физический опыт родов также весьма изменчивый. Хотя женщины все еще находятся в плену физических и эмоциональных реакций, некоторые из них имеют возможность планиро-

вать сроки беременности и сами роды, например, в форме кесаревого сечения. Для подобного типа женщин какие-либо связи с «естественными процессами» и ритмами не так уж и важны. Иные могут забеременеть против своего желания или случайно, с минимальным контролем условий, в которых это произошло: получается, что рождение ребенка — это естественный и неконтролируемый процесс, которому просто подчиняется их организм. Однако в западных обществах беременность, как правило, объект одной из форм медицинского наблюдения, навязывающего свою собственную темпоральную логику.

Неудивительно, что некоторые феминистские исследователи находят явный темпоральный конфликт между физическими потребностями, опытом рожавших женщин и требованиями медицины. Конечно, медицинское вмешательство в процесс родов спасло жизнь многим женщинам и малышам. Однако, как пишет Мег Фокс (Meg Fox), современный родильный дом напоминает своеобразную «сборочную линию производства», процесс, от которого ожидают «эффективности, продуктивности и сохранения времени» и в котором «ожидание ребенка становится дискретным, точным по времени событием», сроки которого «накладываются» на непредсказуемый эмоциональный и физический процесс труда. Фокс также пишет, что «если женщина становится активной участницей труда, охватывающего ее субъективный опыт и его смысл, тогда именно он является для нее главным источником ориентации во времени, подменяя время ее собственной телесности и жизненных ритмов» (Fox, 1989, pp. 128, 129, 131, 133; см. также: Adam, 1995). Аналогично, Робби Кан (Robbie Kahn) утверждает, что хотя часовое время налагается на процесс беременности, родов и грудного вскармливания, несмотря ни на что, эта деятельность, дает женщинам в индустриальном обществе возможность доступа к более медленному, более естественному и органичному виду времени. Кан описывает свои возвращения домой после выполнения запланированных задач и завершения неполного рабочего дня во время, когда ее ребенок был младенцем: «Я будто пребывала вместе с ним в другом типе времени... более циклическом, словно время года, словно приливы, словно моё молоко, сохраняющее пригодность для ребенка, без моего сознательного планирования» (Kahn, 1989, p. 21). Это описание похоже на утверждение Кристевой о том, что рождение ребенка призывает его мать к «медленному, сложному, восхитительному ученичеству, заботливости и забыванию самой себя» (Kristeva, 1986, p. 203).

Только часть женщин может поддержать описание Кан, поскольку другая часть имеет негативный опыт рождения в роддоме,

исключающий их включение в естественные ритмы. Некоторые женщины предпочитают с удобством планировать роды в зависимости от часов и календаря (да и средства массовой информации часто пишут о том, что занятые своей карьерой женщины, часто без медицинских показаний, выбирают кесарево сечение, чтобы вписать свои роды в жесткий рабочий график; это, однако, не подтверждается официальной статистикой Великобритании; см.: Laurance, 2006). Многие матери не кормят грудью своих малышей (как потому, что не могут, так и по ряду социальных причин). Они, как правило, учатся кормить по часам, а не в ответ немедленного удовлетворения потребностей в еде малышей (по их крику), руководствуясь советами из книг и справочников, в которых пропагандируются концепции почасового режима кормления, сна и купания. Часто молодые мамы получают мало возможностей работать по гибкому графику и отдыхать со своим ребенком, когда они дома, как могла это Кан. Кроме того, что многие из них обязаны работать за пределами дома гораздо больше часов, чем они или их ребенок желают, а придя домой уставшими, матери должны начинать «вторую рабочую смену» — заботясь о ребенке и выполняя домашнюю работу, а ведь у них может быть и большая требовательная семья с несколькими детьми, которым нужно внимание (а большинство книг советуют замужним матерям также уделять внимание мужу, чтобы он не чувствовал, что им пренебрегают). Для таких женщин время родов и заботы о детях — это время изнеможения, ведь их собственные физические и темпоральные потребности конфликтуют с потребностями их семей и доминирующей темпоральной культурой, а не периодом возвращения к «естественному» времени.

Некоторые женщины воспринимают всё это как персональную проблему, другие же указывают именно на коллективный характер затруднений, с которыми сталкиваются женщины, когда они становятся матерями, и неспособность современного общества удовлетворить эти важные потребности. Эту же аргументацию используют некоторые политические движения, выступающие за усиление контроля женщин над процессом рождаемости, такие как Национальный фонд рождаемости (National Childbirth Trust) или Ассоциация радикальных акушерок (Association of Radical Midwives) в Великобритании и другие общественные движения, выступающие за декретный отпуск и «дружественные к семье» условия труда.

Несомненно, такое столкновение темпоральных культур, которое могут вызывать роды, простирается далеко за пределы биологических процессов репродукции и включает не только уход за детьми, но и ощущение эмоциональной и физической заботы деть-

ми и взрослыми. Последствия столкновения темпоральных культур рассматриваются нами детальнее в следующем подразделе.

Забота и «женское время»

На практике мужчины также могут заботиться о других, и многие на самом деле так и делают. Тем не менее, забота остается преимущественно связанной с гендерными качествами и ценностями, она до сих пор диспропорционально лежит на женщинах. Это дает основание некоторым феминисткам утверждать, что забота предполагает определенное темпоральное сознание, которое во многом расходится с доминирующей темпоральной культурой современных капиталистических обществ. В этом подразделе основное внимание уделяется сопоставлению часового времени и времени процесса, индивидуального и реляционного времени, линейного и циклического.

Часовое время и время процесса

Во влиятельной работе Эдварда Томсона о темпоральной дисциплине индустриального капитализма (детально обсужденной во второй главе) отмечено, что жизнь женщин, уделяющих заботу своим маленьким детям дома, остается структурированной темпоральной формой, выходящей за пределы рациональности «время — деньги» капиталистического общества: «ритмы домашней работы женщин не полностью подпадают под измерение часов. Мать малыша имеет несовершенное чувство часового времени и следует своему материнскому инстинкту» (Edward Thompson, 1999 [1967], pp. 381—2). Эдвард Холл, также упоминавшийся в той же главе, схожим образом утверждает, что в современной Великобритании работа организована в соответствии с «монокронным временем», то есть на таком предположении, что задания и события могут быть запланированы как отдельные единицы. Тогда как доминирующей темпоральной культурой американского общества есть «полихронное время», ориентированное на людей, в котором могут происходить сразу несколько вещей, особенно это явно дома «в традиционных семьях, где женщина — это центр, вокруг которого все крутится». Он продолжает далее, что «эти две системы логически и эмпирически различны. Как масло и вода, они никогда не смешиваются».

ваются», так как на «предсознательном уровне» монохронное время — это мужское время, а полихронное — женское, и женщины страдают потому, что их принуждают подчиниться чуждой темпоральной культуре (Hall, 1989, pp. 52, 45—6, 52).

Более современные феминистские работы поддержали и расширили идею о том, что забота о других, как взрослых, так и детях, включает в себя внимание к «человеческим отношениям», отличающимся от темпоральной логики капиталистического производства. Несомненно, многие задания, связанные с предоставлением хорошей физической и эмоциональной поддержки, определяются потребностями, чьи сроки не могут быть предсказаны заранее: подгузники нужно менять, когда те запачкались, а не потому, что сейчас пять часов; пожилой беспомощный человек нуждается в растопке камина, когда холодно, а не когда его сиделка приходит; и дети нуждаются в ком-то, с кем можно поговорить и кто готов их выслушать сейчас, а не через два часа, когда их родители приходят домой и начинается их любимая телевизионная программа. Несмотря на современные технологические достижения, такие как мобильный телефон, который родители могут использовать для обеспечения безопасности своих детей, или электронные зуммеры, которые люди в возрасте могут использовать, чтобы позвать на помощь, все еще остается некий «упрямый остаток» межличностной заботы, включающей в себя потребность физического присутствия; такая забота часто состоит в простом присутствии, а не в выполнении предписанных отдельных действий (Nowotny, 1994, p. 124; Boyd, 2002).

Карен Дэвис (Karen Davies) предложила концепт «время процесса» для описания плюралистической, реляционной и связанной с контекстом природы времени, которое включает в себя заботу о других. Время процесса делает акцент на том, что «*время сцепляет социальные отношения*» (выделено в оригинале), и оно стремится запечатлеть нечто из опыта, присутствующего как в «заботе о», так и в «заботе ради» других людей. Дэвис приводит пример времени, которое она провела, периодически думая о больной подруге и отправляя ей открытку (купленную во время семейного шоппинга; подписанную во время прослушивания музыки): такой вид заботы, пишет она, не представляет собой деятельность, осуществленную в дискретный период времени. Время здесь «не линейное, не непрерывное и не поддается прямому измерению. Скорее, оно *часть* нескольких текущих, конкретных *процессов*» (выделено в оригинале). Она отличает такое время как от времени, ориентированного на задания, «стремящегося подчеркнуть сами задания в чистом виде и рисках, отделяющих такую деятельность, как минимум, концепту-

ально от ее контекста», так и от «доминирующего темпорального сознания нашего общества; прямого наследника механических часов» (Davies, 1994, pp. 280, 281, 278). Она, к тому же, утверждает, что нематериальная природа «времени процесса» вызывает ряд трудностей, когда забота предоставляется оплачиваемыми работниками.

Здесь Дэвис видит столкновение между «рациональностью заботы», связанной со временем процесса, которого требует хорошая забота, и «техническо-административной рациональностью», контролирующей организацию оплачиваемой занятости в капиталистических обществах. Другим способом выражения этого конфликта может служить противоречие между «этикой заботы», с ее подчеркиванием связанных с контекстом взаимоотношений и обязанностей, и подходом, исходящим от абстрактных потребностей и прав индивида (это обсуждалось в четвертой главе). Хотя работники оплачиваемой заботы часто мотивированы как неэкономическими, так и экономическими соображениями, доминирующая рациональность «требует, чтобы расходы сокращались, а максимально возможное количество работ по уходу необходимо проводить в максимально сжатые сроки» (Davies, 1989, p. 107). Главный результат такого подхода — попытка повысить эффективность, часто напряженная, неуместная и даже контрпродуктивная для тех, кто обеспечивает заботу и в ней нуждается: к примеру, политика, основанная на допущении, что студенты должны заниматься такой работой только во время назначенного «служебного времени», скорее всего, увеличит уровень бездарно растроченного ими времени, по сравнению с вроде бы более затратным по времени подходом «открытых дверей», так как изолированные пожилые люди могут оставаться вне учреждений интернатного типа значительно дольше, если они тратят время на «пустую болтовню» со своим домашним помощником, а те не сосредотачиваются только на домашней работе.

Эмпирические исследования Дэвис, посвященные женщинам, предоставляющим услуги по уходу в Швеции, свидетельствуют о переживании ими эмоциональных и практических конфликтов, когда работницы не в состоянии примирить потребности своих клиентов с требованиями системы, которая рассматривает оказание помощи как форму конвейерного производства, или когда дневные ясли имеют негибкий график работы, обрывающей игры ребенка и деятельность работников, заставляющий их спешить забрать своего ребенка, который, возможно, там старался сформулировать одно из своих первых предложений со сложной конструкцией. Она считает, что нехватка персонала способствует появлению стресса и практических трудностей. Однако она также утверждает, что такие про-

блемы — это продукт неподходящих темпоральных оценок, которые сосредотачиваются на измеримых результатах и деятельности и оставляют без внимания нематериальные процессы, часто нуждающиеся в медленном темпе, связанном с обеспечением заботы хорошего качества, таких как выслушивание и укрепление доверия. Аналогичные аргументы могут быть использованы к способу проведения сиделками своего рабочего времени: недавний специальный доклад связал недоедание среди пожилых пациентов в Великобритании с чрезмерной загрузкой среднего медицинского персонала, у которого не хватает времени сидеть с ними и помогать им есть, а в другом докладе отмечается, что медсестры должны потратить большую часть своего времени на бумажную работу (Revill, 2005; Age Concern, 2006; Boseley, 2006). Дэвис не утверждает, что планированию с помощью часового времени нет места в оплачиваемой работе по уходу, и она специально указывает, что не старается ввести новую дихотомию «часовое время против времени процессов». В самом деле, она утверждает, что открытое и непосредственное время процесса может быть столь же репрессивным, как и жесткая привязка к часовому времени, и она предполагает, что часы используются для структурирования периодов «тайм аута», позволяя рабочим воспроизводить свою деятельность, включая способы использования и размышления ими о времени. Тем не менее, она настаивает, что часовое время не должно рассматриваться как единственное время, и утверждает, что «наименование» процесса времени может помочь нам понять и, таким образом, контролировать возникающие проблемы конфликтных темпоральных логик, содействуя рабочим в управлении и регулировании собственных темпоральных структур, исходя из их потребностей и признавая навыки, с этим связанные.

Как пишет Дэвис, эти навыки часто используются работницами по оплачиваемому уходу в своих собственных семьях ради необходимости жонглировать часовым временем и временем процесса и в сфере неоплачиваемой занятости. Томпсон отмечал, что более «естественное» время матерей по уходу за маленькими детьми также структурировано телевидением и школьным временем; последующее увеличение количества женщин (включая матерей) в сфере оплачиваемой занятости означает, что рабочая темпоральная дисциплина становится все более ощутимой в их собственной семье. Поскольку дисциплина требует эффективного использования времени, она предполагает, что принципы «тайм менеджмента» должны использоваться и в личной жизни и что эмоциональные и физические потребности родителей, семьи и друзей могут быть организованы как пункты заданий, выполняемых в предварительно распре-

ленные временные интервалы. Такое особое мышление было принято в самом начале 20-го века экспертом по изучению времени и действий Франком Гилбертом. Как вспоминали два его ребенка (из двенадцати) в книге «Оптом дешевле», Гилберт пытался применить свои принципы к домашней жизни, что включало застегивание жилета на нижние пуговицы, а не на верхние — для этого требовалось три секунды, а не семь; использование обеда как времени для дальнейшего планирования и инструкций на том основании, что «принятие пищи было формой неизбежной задержки» (Gilbreth and Carey, 1948, p. 53). Сегодня соответствующие принципы выражаются различными способами, включая родительские инструкции детям по «качественному использованию времени», распространение «быстрых свиданий» и «обратный отчет к Рождеству», статьи о котором появляются в некоторых женских журналах. Как эхо Гилберта, прозвучал доклад Фонда Будущего в Великобритании в 2006 году, одобряющий все более «профессиональный» подход родителей к воспитанию своих детей и организации собственного времени.

Такое мышление основывается на допущении, что «домашняя сфера должна быть организована на основе такой же темпоральной логики, как и рынок» (Everingham, 2002, p. 329). Однако личные потребности детей и взрослых не всегда могут быть сведены к перечню видов деятельности и запланированы в логике часового времени: не забрать ребенка из яслей — это не то же самое, что оставить машину в гараже, «качественное использование времени» похоже на «Макдонализацию любви» (Boyd, 2002, p. 466, цитата из Anne Manne), и отношения взрослых также имеют свои собственные, часто непредсказуемые ритмы. Хотя тон обсуждения своего отца детьми Гилберта очень спокойный и любящий, они считали его поведение скорее эксцентричным, а не рациональным; многие читатели найдут, что он просто упустил из виду главное в человеческих отношениях, а время их обязательно включает.

Тем не менее, обеспечение темпоральной структуры для домашней и деятельности по уходу часто необходимо и ценно. Несомненно, большая часть женской работы по дому предполагает «порождение времени» для членов семьи по координации их деятельности с внешними расписаниями школ, дантистов, транспорта и другими семьями (Davies, 1989; Everingham, 2002; Gray, 2003), тогда как Лаура Бальбо (Laura Balbo) (1987) показала в своей новаторской статье, что социальные государства не могут функционировать без женской темпоральной деятельности по «сортировке», «сшиванию» и «пришиванию латок» своих условий вместе. Так как процессы, включенные в деятельность по уходу, нематериальны и без идентифицируемых результатов вследствие этого часто высокоорганизованны и

целенаправленные с участием как времени процесса, так и часового времени. Это означает, как пишет Кристина Эверингем (Christine Everingham): «Изображение материнства как соответствующего только ритмам природы скрывает рефлексивный, совещательный аспект материнства, который Сара Раддик (Sarah Ruddick) назвала «материнской мыслью»» (см. четвертую главу). Как и с обязанностями по уходу в целом, Эверингем пишет, что мы должны отвергнуть как ложную дихотомию «как попытку перевода материнской заботы и связанной с ней деятельности в единицы длительности, *так* и представление ее как чисто естественный акт, вне социального времени» (2002, pp. 340, 343, выделение в оригинале).

Такое движение за пределы оппозиционного мышления позволяет видеть, что женщины должны «оседлать несколько темпоральностей» (Everingham, 2002, p. 338), если они хотят примирить часто непредсказуемые и не поддающиеся количественному измерению потребности своих семей с требованиями своей работы (не говоря уже о собственных эмоциональных потребностях и биологических ритмах организмов). Лучшее понимание «пережитого» времени и женской темпоральной работы в доме, предохраняет против представления, что внешне непродуктивное время, проведенное многими женщинами дома, может быть использовано ими с большей пользой на оплачиваемой занятости. Это также свидетельствует, что темпоральное напряжение и давление, с которым сталкиваются многие женщины, не может быть просто охваченным измерением часов, которые женщины проводят, выполняя обязанности по уходу: тут речь идет не только о том, что у женщин остается мало свободного времени и поэтому им сложно заботиться о других, как они того желают (хотя это тоже очень важно), но о том, что их деятельность ограничена «темпоральной смирительной рубашкой», основанной на логике рыночного капитализма и его соображениях об экономической эффективности (из многочисленной существующей литературы, посвященной этой теме, см., например, Hernes, 1987; Nowotny, 1994; Franks, 1999; McKie et al., 2002; Jacobs and Gerson, 2004; Carrusco and Mayordomo, 2005). Как уже упоминалось выше, пожертвование временем процесса в пользу часового времени приносит определенные убытки, когда слишком строго применяется к сфере оплачиваемой занятости. При этом становится очевидной вся бесчеловечность, связанная с применением соображений экономической эффективности к работе по уходу. Это очень явный пример в целом дегуманизирующего влияния экономической системы, базирующейся на стремлении к прибыли, а не на удовлетворении человеческих потребностей и выражении их творчества.

Индивидуальное и реляционное время

Капиталистическая темпоральная культура исходит из того, что время — готовый к использованию, естественно существующий скудный ресурс, которым могут владеть, использовать, продавать и покупать частные лица. Такая точка зрения связана с абстрактным индивидуализмом, лежащим в основе западной политической мысли и не способным увидеть, что воспитание и взаимозависимость занимают центральное место в человеческой природе. Мужчины в состоянии игнорировать это, только игнорируя свою зависимость от эмоционального и физического труда женщин. Как уже упоминалось, феминистский анализ свидетельствует, что такой труд часто включает женскую работу по порождению времени для других членов семьи, планируя и координируя их деятельность. В такой феминистской перспективе время — это не просто личный ресурс, который может быть потрачен или сохранен по личному усмотрению; скорее, он «должен быть создан прежде, чем быть растраченным» (Everingham 2002, p. 340), и он часто связан с общими ритмами и потребностями.

В отличие от капиталистического времени оплачиваемой занятости, многие феминистки считают время по уходу как по существу реляционным, встроенным в социальный контекст и основанном на рациональности, принимающей во внимание других людей: «Учитывая значимость других людей, реляционное время является общим, а не личным и поэтому чувствительным к контекстуальности и особенности межличностных отношений» (Odih, 1999, p. 10; see also Davies 1989; Leccardi and Rampazi, 1993; Carrusco and Mayordomo, 2005). Однако женщины, которые видят себя в качестве опекунов или потенциальных опекунов, вследствие этого, скорее всего, не рассматривают время как свою личную собственность, хотя это не означает, что все женщины, или даже все опекуны, обязательно разделяют такие темпоральные перспективы. Так, Памела Одиш (Pamela Odih), опираясь на Фуко, утверждает, что «реляционное время» по своей сути не является связанным с женщинами. Скорее, оно связано со сдвигом дискурсов и социальных практик «женственности», создающих саму эту субъективность; как таковое, оно — это «такая форма времени, которая переживается теми, чью идентичность было дискурсивно обозначено как «женственную»». Сегодня, пишет Одиш, «женский идеал» репрезентируется в понятиях «поведения, которое отрицает ценность себя и независимости и определяет значимость существования как достижение заботы о других»; поэтому она находит себя «в подчинении себя

«нуждам», требованиям и желаниям других значимых» (Odih, 1999, pp. 11, 17).

Одих критикует такое самопожертвование. Она считает, что хотя этот гегемонистский идеал и реляционная концепция времени, связанная с ним, диспропорционально экспонируется женщинами, они не охватывают всех женщин и не существуют исключительно для них. Не являются они, по ее словам, необходимым или неизбежным компонентом хорошего материнства: так, она считает, что скорее чем быть естественным, ожидание от матери подчинения себя осознанным потребностям своего ребенка — это социальный продукт, дискурсивно созданный с помощью отношений «власти/знания», поощряющих женщин становиться матерями и практиковать материнство в определенных, узких, исторически сложившихся рамках (Odih, 1999, p. 23). С этой точки зрения, потеря «собственного времени», связанная с материнством, — это продукт конкретных и непостоянных ожиданий вокруг него, проявляющийся в том, можно ли детям разрешать кричать, или мера, в которой хорошее материнство включает интеллектуальное поощрение, а также физическую помощь. Ожидания заботы детей о своих престарелых родителях или других членах общины также достаточно изменчивы; к примеру, конструкции мужественности и женственности часто определяют «хорошего сына» как такого, который обеспечивает уход за своими родителями, а от «хорошей дочери» ожидается забота о самой себе.

Хотя тут нет никакой необходимости или естественных противопоставлений между женщинами, женственностью и заботой, на практике, конечно, как признает Одих, «восприятие времени как реляционного, диспропорционально связано с женскими субъектами» (Odih, 1999, p. 11), и повседневная реальность жизни женщин, как правило, означает, что их обязанности по уходу оставляют им мало возможностей для контроля собственного времени или ощущения, что у них есть «свое» время. Это означает, что идея «свободного времени» конвенционально приравнена ко времени за пределами оплачиваемой занятости, что также чуждо опыту большинства женщин. Особенно остро чувство, что их время — это не их собственность, ощущается женщинами-опекунами, которые постоянно находятся «на вызове», даже когда они, по-видимому, на досуге, и для тех, у кого «вторая смена» заботы о своей семье занимает все время после оплачиваемой занятости.

Гендерные ожидания нашей ответственности перед другими могут также влиять на то, как женщины думают о будущем, и на их способность планировать в краткосрочной перспективе. Так, в качественном исследовании темпоральных перспектив молодых италья-

янских девушек Кармен Леккарди (Carmen Leccardi) и Мариты Рампази (Marita Rampazi), опираясь на идеи Кэрол Гиллиган (Carol Gilligan) (см. четвертую главу), пришли к выводу, что девичья «открытость эмоциям, чувствам и потребностям других выступает в качестве сдерживающего фактора для принятия ими долгосрочных эгоцентричных планов» и их способом управления неопределенностью (который помогает избежать долгосрочных планов, могущих быть прерванными такими неожиданными событиями, как влюбленность), напоминающим «осознание собственных ограничений в самоуправлении» (Carmen Leccardi and Marita Rampazi, 1993, pp. 371, 370). Они не утверждают, что такое «женское время» чисто реляционное, но то, что молодые женщины стеснены между этикой заботы о других и их собственным желанием независимости, соответствии стандартам работы за пределами дома — примирение этих альтернатив, включает деликатную балансировку между конкурентными и изменчивыми темпоральными приоритетами.

Линейное и циклическое время

Трудности, которые молодые женщины могут испытать в планировании собственного будущего, связаны с тем, что многие феминистские исследователи считают более общей несовместимостью между линейностью доминирующей темпоральной культуры и женским временем заботы, хотя многие подчеркивают, что они, по своей сути, взаимосвязаны. На самом базовом уровне различие линейности/циклическости состоит в том, что первое — это целенаправленное время истории и производства в общественной сфере, в которой события и процессы разворачиваются один за другим и стрела времени безвозвратно движется в будущее и к смерти каждого человека. Напротив, циклическое время рассматривается как время репродукции и заботы в частной сфере и характеризуется повторяемостью здесь и сейчас, так как колесо времени постоянно вращается. В пределах этих циклов работа по кормлению, уборке, купанию, приготовлению пищи и созданию удобств — это не одноразовое действие, но процесс, который должен повторяться снова и снова, без достижения определенной конечной точки, таким образом «женская работа никогда не может быть сделана» (или, как остро предположила американская комедиантка: «Вы стелите, вы готовите всякую снедь — и через шесть месяцев после вы продолжаете все это делать дальше»). Домашние обязанности и деятельность по уходу также часто фрагментированы и вплетены в другие процессы, а не «даны» как легко

опознаваемые и отдельные виды деятельности как таковые, они часто связаны с многозадачностью и выражением скорее полихронного, а не монокронного времени (Hall, 1989).

Работа по уходу и домашняя работа также во многом сосредоточены на настоящей и контекстуальной специфике задач. Напротив, линейное время «по определению предполагает своего рода трансценденцию, которая тривиализирует специфику конечных моментов. Оно требует своего рода отчуждения от настоящего, что влечет за собой дематериализацию, абстракцию и развоплощение» (Odih, 1999, p. 16). Для некоторых феминистских критиков такое «отчуждение» проявляется в принципах «государства социального инвестирования», которое, как показано в третьей главе, может оказаться менее заинтересованным в сегодняшнем благополучии и счастье детей, чем в инструментальной цели создания хорошего гражданина для будущего. Мужская ориентация на линейное производственное время может также переноситься в частную сферу, помогая объяснить, почему их включенность в домашние дела принимает форму, как правило, крупных проектов (приготовление пищи для званого обеда, организация Дня Семьи, строительство декоративного садика), а не ответственность за повседневную работу (приготовление ужина для детей, сбор игрушек, борьбу с сорняками на огороде).

Как это уже обсужденной биологической репродукции, Дэвис прослеживает эволюцию доминирующей линейной западной темпоральности обратно к раннему иудаизму, утверждая, что «исторически мужское время и мужская религия указывают на будущее, но также и на смерть, а женщины сосредоточены на жизни здесь и сейчас» (Davies, 1989, p. 23). Тем не менее, забота также дальновидно ориентирована. Это особенно явно в случае заботы о детях, включающей заботу о долгосрочном будущем, а не ориентацию на максимизацию прибыли или успех на выборах. Кроме того, как настаивает Дэвис, принцип ««здесь и сейчас» делает будущее возможным» (Davies, 1989, p. 23), и, по-видимому, циклическая или «естественная деятельность» никогда не повторяется в тех же самых формах — об этом упоминал еще 2000 лет назад Гераклит в своем известном высказывании, что нельзя вступить в одну и ту же реку дважды.

Как и в биологических процессах менструации и родов, обсуждавшихся в первом подразделе этой главы, такое понимание взаимозависимой природы настоящего и будущего, длительности и изменений предостерегает нас от упрощенного понимания заботы как вечной человеческой потребности, которая создается и встречается за пределами человеческой истории. И это привлекает наше внимание к изменяющимся материальным и идеологическим условиям, в

которых уход обеспечивается и получается. Это к тому же напоминает нам, по-видимому, об иллюзорной природе линейного движения, которое неизбежно включает в себя элементы непрерывности, отступления и фрагментации, и это еще более усиливает аргументы седьмой главы, что будущие планы должны базироваться на понимании, что настоящее и прошлое не могут быть просто отброшены, чтобы построить будущее с нуля.

Такое понимание в некотором роде бросает вызов темпоральным основам «современного» общества и идеи Просвещения о прогрессе. Это, однако, идет в одном русле с условиями постмодерна, обсуждаемыми в первой главе, так же как и с идеями и ожиданиями неопределенности, мгновенности, недетерминированности и одновременности в постфордистской экономике, делая «подкоп» как под абстрактные понятия, такие как прогресс, так и под практические ожидания, такие как одна работа на всю жизнь. В этом контексте индивидуалистические, линейные представления часового времени о превращении времени в товар все более находятся под вопросом в теории и также станут проблематичными на практике. Тем не менее, они все еще влиятельны. Например, несмотря на изменения на рынке труда, кадровые структуры по-прежнему часто исходят из представления о работе полный рабочий день, которые «андроцентричны в своих требованиях линейности и непрерывности» (Sirianni and Negrey, 2000, p. 66); поскольку многие женщины не могут позволить себе занятость полный рабочий день, вследствие этого они «живут вне времени, по отношению к этой господствующей модели» (Hughes, 2002, p. 132; выделение в оригинале). В более общем плане, о чем говорилось в этой главе выше, влияние овеществленного времени на семейную жизнь и личные отношения становится все более явным. Чтобы понять, почему это происходит, мы должны видеть доминирующую темпоральную культуру в контексте других социальных структур, в рамках которых она отражает и поддерживает существующие модели неравенства, но в пределах которых ей также может быть оказано сопротивление.

«Женское время»

в патриархальном капиталистическом обществе

В этой главе не утверждается, что все женщины или мужчины имеют одинаковое темпоральное сознание. Напротив, она базируется на том, что различные часы сосуществуют, перекрывают друг

друга и борются за приоритет в жизни отдельных мужчин и женщин и в обществе как таковом, и понимание того, что значит быть женщиной или мужчиной, значительно варьируются. Тем не менее, следует сказать, что гендерные отличия в биологических и социальных ролях и опыте могут включать различные и иногда конфликтующие темпоральные логики. В патриархальных обществах эти отличия возникают вследствие более широкого неравенства между мужчинами и женщинами и типичных женских потребностей, представлений и приоритетов, которые, как правило, маргинализируются и приносятся в жертву потребностям мужчин. В этом контексте в главе отдается предпочтение использованию понятий «мужское время» и «женское время» в целях изучения взаимосвязи между различиями в темпоральной культуре и другими аспектами неравенства.

Эта точка зрения основывается на идеях Дэвис, использующей понятие «мужское время» для обозначения темпоральной культуры, доминирующей сегодня в западном обществе: «Как вставка, понятие-прилагательное «мужской», акцентирует и сосредотачивает внимание на патриархальном характере групп и классов, которые имели возможность влиять на этот концепт и измерение времени». Дейвис утверждает, что доминирование мужского времени ставит женщин в двойне невыгодное положение. Во-первых, женский опыт времени остается в «тени» мужского времени, когда их собственные ритмы и потребности в значительной мере игнорируются. Во-вторых, женское подчиненное положение как дома, так и на работе оказывает влияние на то, как их время используется и устанавливается, так что «они немного могут сказать, как их время используется на работе», хотя дома «их собственное время больше, чем у любого другого члена семьи, стает временем для других» (Davies, 1989, pp. 17, 38).

Как уже упоминалось в предыдущих главах, женская темпоральная дискриминация также связана с «невидимостью» частной сферы и недостаточным женским политическим представительством, и все это оказывает влияние на условия оплачиваемой занятости и домашней работы. Хотя не на всех женщин это влияет одинаково и здесь есть свои противоположные течения, все же это означает, что мужские темпоральные привилегии следует понимать в более широком контексте неравного распределения ресурсов и полномочий между мужчинами и женщинами и что «отсутствие признания других определений времени, за исключением поддающегося количественному определению, представляет собой еще один вид неравенства между мужчинами и женщинами» (Carrusco and Mayordomo, 2005, p. 233).

Хотя идеи Дэвис были влиятельными, они также достаточно жестко критиковались другими феминистскими авторами, и я отдаю себе отчет, что подобной критике могу быть поддана и я сама. Некоторые авторы особенно обеспокоены тем, что анализ Дэвис поддерживает дуалистическую модель мышления, которая стремится утвердить значение категории подчинения, а не признавать множественность человеческих времен. Таким образом, Адам предупреждает, что «важная феминистская деконструкция социального времени находится в опасности быть поглощенной в рамках анализа, который она сама инициирует, до тех пор, пока женское время осмысливается дуально по отношению к мужскому времени и овеществленному времени рынка» (Adam, 1995, pp. 8—9), а Одих аналогично отвергает то, что она считает упрощенческой оппозицией, рискующей превратить «эвристические категории в овеществленные онтологические реальности» (Odih, 1999, p. 33), и Элизабет Сильва (Elizabeth Silva) отмечает: «Когда кто-то признает, что гендерная идентичность потенциально множественна, нестабильна и вероятностна, дуалистическая оппозиция между мужским и женским временем растворяется» (Silva, 2002, p. 186; см. также: Hughes, 2002).

Тем не менее, Дэвис прямо указывает, что мужское время — это не время всех мужчин, и что некоторые мужчины также угнетены им; она настаивает, что не старается ввести новые дихотомии (это она подтверждает и в своей статье 1994 года).

Ясно, что мое использование понятия «женское время», так же как и «патриархат», о чем уже говорилось в четвертой главе, по аналогии является дескриптивной исходной позицией, привлекающей внимание к взаимосвязям и моделям, а не окончательным, одномерным или статическим уравнением «женского времени» со всеми женщинами. Как признает Сильва, «аргумент, что мужчины и женщины используют время по-разному из-за различных жизненных позиций, действительно имеет место быть в реальности» (Silva, 2002, p. 186). Одих также признает, что хотя гендерные различия являются продуктом дискурса, а не биологии, который не должен рассматриваться в терминах дуалистических оппозиций, «восприятие времени как реляционного, как правило, характерно для женщин»; она также утверждает, что такое дискурсивно созданное женское время имеет «тенденцию быть несовместимым или в конфликте с часовым временем, бестелесной точностью линейного времени» (Odih, 1999, pp. 11, 18).

Хотя Адам отрицает дуализм мужского/женского времени и настаивает на том, что мужчины и женщины существуют во множественных временах, «интерпретирующих и влияющих на каче-

ства друг на друга и значение», она также считает, что время не есть гендерно нейтральным и что «многие женские времена... конституируются в тени рыночной экономики» (Adam, 1995, p. 8). Ей также ясно, что господство отдельного времени является связанным с более широкими аспектами власти и ее анализ показывает, что если ярлык «женское время» не применяется к особому, замкнутому в себе времени (не говоря уже о времени всех женщин, но не мужчин), при этом может быть полезно обратить внимание как на доминирующую темпоральную культуру, так и на ее неспособность увидеть или оценить многие женские времена. Как таковой, ее теоретически изошренный анализ, тем не менее, не выглядит несовместимым с идеями Дэвис или моими, и он обращает наше внимание на особенности доминирующей темпоральной культуры. Как к тому же подчеркивает Адам, это доминирующее время, конечно, является временем капитализма (см. также: Odih, 1999, p. 22).

Сопротивление

Признание социальной природы доминантной темпоральной культуры, определение ее ключевых характеристик и формулирование альтернатив — это важные первые шаги к сопротивлению ей. Здесь феминистские исследования являются критически важными, «предлагая конкретный вызов андроцентричному знанию», что может «обратить внимание на линейное время в построенных на власти гендерных отношениях» (Odih, 1999, pp. 31, 33). Помимо этого, аргументы этой главы показывают, что сопротивление гегемонии овеществленному часовому времени включает в себя баланс между утверждением ценности других видов времени и признанием, что они также имеют свои ограничения. Это также требует признания темпоральных потребностей и целостности людей, заботящихся о других, хотя осознание текучести и реляционной природы таких категорий бросает вызов естественности связи между женщинами и заботой.

На практике, как обнаружила Дэвис, некоторые женщины могут отвергать представления мужского времени, предпочитая неоплачиваемое время деньгам, например, выбирая работу неполный день. Другие могут стремиться к оплачиваемому и неоплачиваемому использованию времени со своим партнером, таким образом, что это отвечает потребностям их семьи, даже если не приводит к

максимальному доходу домохозяйства. Так как эти отдельные решения способствуют и отражают изменения культурных представлений и практик, они могут оказывать влияние на все общество. Однако они будут иметь куда большее влияние, если они также связаны с коллективными кампаниями, пропагандирующими гибкую занятость для поощрения как мужчин, так и женщин брать декретный отпуск и гарантирующими оплачиваемым работникам нормальные заработки для исполнения неоплачиваемых потребностей времени процесса.

Хотя есть сильные экономические интересы, выступающие против таких изменений, некоторые авторы утверждают, что изменения в передовых капиталистических экономиках делают их более вероятными. Так, Дэвис (1998) и Леккарди (1996) утверждают, что постфордистские условия занятости поощряют более гибкие отношения со временем. По словам Дэвиса, это «может привести к разложению доминирующей темпоральной структуры», и она утверждает, что женщины могут сыграть ключевую роль в таких изменениях, потому что имеют важный опыт не «до конца ассимилироваться с линейным и часовым временем» (Davies, 1989, p. 247). Леккарди аналогично утверждает, что мы сейчас наблюдаем «смещение доминирующей темпоральной парадигмы, основанной на гегемонии овеществленного, экономически оцененного времени», и что феминистские теории времени играют жизненно важную роль в этом процессе (Leccardi, 1996, p. 175). Такие утверждения кажутся сверх оптимистическими, игнорирующими все возрастающее давление интенсификации труда на современном глобализованном рынке. Наша современность свидетельствует, что новые технологии также очень сильно отличаются от обоснованного, реляционного времени, которое требуется для отношений заботы. Тем не менее, некоторые экономические изменения оказывают давление на старую парадигму, что может открыть более позитивные перспективы: делая возможным все яснее увидеть, что очень далекими от экономической эффективности являются долгие часы работы и сжатые сроки, игнорирующие телесные и эмоциональные ритмы ключевых источников, ведущих к отсутствию стресса (стрессы обходятся экономике Великобритании в 3,7 миллиарда фунтов в год; см.: Health and Safety Executive, 2006). Кроме того, давление на западные социальные государства, уже обсуждаемое в предыдущих главах, это продукт общей несовместимости между темпоральными императивами рынка и теми, кто строит взаимоотношения, отношения заботы; широкая занятость женщин делает это все более явным.

Выводы

Не все женщины разделяют общее темпоральное сознание, основанное или на биологии, или на своем социальном опыте, и феминистский анализ не показывает, что мы можем говорить о «женском времени», если оно просто определяется как оппозиция к мужскому. Как и с общественной/частной дихотомией, которые переплетаются, контрастность и противоречивость между часовым и процессуальным, индивидуальным и реляционным, линейным и циклическим, мужским и женским временем — не абсолютны; скорее, они являются взаимодействующими элементами и аспектами бесконечно сложного целого. Тем не менее, феминистский анализ показывает, что женщинам приписывается социальная роль, связанная с заботой, и в меньшей степени их физическая роль как воспроизводителей, обе эти роли связаны с различными видами темпоральных представлений и логикой, отличающейся от той, которая главенствует на рынке труда. Именно в этом ограниченном значении имеет смысл говорить о «женском времени». Такое обозначение также помогает найти связь между угнетенной женской «другой» темпоральностью и их подчиненным положением в обществе, в котором оценивание производится в денежном эквиваленте, тем самым связывая борьбу за время с другими измерениями неравенства и сопротивления.

Сегодня многие феминистки призывают к такому перераспределению времени, когда бы мужчина был больше вовлечен в домашние дела и оценивалось время, потраченное женщинами на неоплачиваемую домашнюю работу. Это жизненно важные цели. Однако важно сохранить понимание, что женские темпоральные неблагоприятные условия, и так значительные, простираются еще глубже и что они часто по своей природе не поддаются количественному определению. Как было уже показано во второй главе, Томпсон описал борьбу рабочих на заре индустриальной революции как борьбу «против времени» (т.е. против дисциплины часового времени); однажды проиграв ее, борьба теперь стала вестись «за время» (т.е. за продолжительность рабочего времени). Аналогичным образом, когда феминистки используют существующие инструменты, такие как данные изучения использования времени, они должны быть осторожны, учитывая ограничения, связанные с их основанием в темпоральной логике овеществленного часового времени.

Феминистский анализ свидетельствует, что многие мужчины, как и женщины, выиграют, если подавленные темпоральные по-

требности и ощущения диспропорционально ассоциированы с женщинами, получать более высокий статус. Забота не единственная деятельность, которую тяжело примирить с часовым временем, и многие читатели этой книги знают, что творческая работа, включая написание научных работ, имеет свои собственные «жизненные» циклы, которые сопротивляются тиканью часов издателей и исследовательских организаций, устанавливающих четкие крайние сроки сдачи публикаций. В целом мужчины также страдают прямо или косвенно, если они рассматриваются как разрозненные единицы производства с отсутствующими физическими изменениями или не поддающимися количественному определению потребностями и если они живут в обществе, где все время сведено к денежной стоимости. Как пишет Адам: «Мы должны вернуть отчужденное время: вернуть часовое время к его источникам и указывать на его механическое, машинное происхождение. Таким образом, озабоченность о множественности временных измерений наших жизней — это не просто теоретические, абстрактные упражнения; это стратегия для жизни» (Adam, 1995, p. 54).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЖЕНЩИНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

В предыдущих разделах этой книги указано, что время имеет множество значений, но в капиталистических обществах оно в основном рассматривается как предмет потребления, который может быть куплен и продан. В этом контексте свободное время — неравномерно распределенный и все более дефицитный ресурс, ценный как сам по себе, и как важный ресурс для демократического участия. Как уже обсуждалось с четвертой по восьмую главу, многие феминистки утверждают, что женщины имеют меньшее количество, чем мужчины, этого ограниченного ресурса, и это связано с другими формами темпоральных барьеров. Это гендерное отличие в опыте восприятия и использования времени — центральное для угнетенного положения женщин.

Эта глава начинается с обзора феминистских утверждений о неравном распределении домашнего труда и последующей нехватки времени. В ней дана оценка этих утверждений, направленных против существующих эмпирических доказательств количественных исследований использования времени, прежде чем подвергать критическому анализу сами эти исследования. Ее главный фокус — США и Великобритания как страны, где нехватка времени проявляется особенно остро; также она опирается на австралийские данные по использованию времени, поскольку они особенно детальны. Показано, что хотя, на первый взгляд, исследования использования времени поддерживают феминистские утверждения о ценности неоплачиваемой работы и женской непропорциональной ответственности за нее, они подрывают другие феминистские претензии о женской «временной бедности», мужском «домашнем абсентеизме» и о влиянии политики, инспирированной феминистками на мужское поведение. Тем не мене, более детальное изучение показывает, что такие исследования были искажены в самих своих основаниях, опираясь на неосознанные предположения «мужского времени». Современные, продвинутые в методологическом плане исследования более чувствительны к феминистским утверждениям. Глава завершается выводами о том, что гендерные отличия в использовании времени действительно остаются значительным источником вреда для женщин с негативными социальными и политическими последствиями для всего общества.

Феминистские утверждения

Женская «часовая бедность»

Большинство женщин всегда знали, а феминистки давно утверждают, что работа по дому и уходу за семьей занимает много времени и что даже если это доставляет удовольствие — это все равно форма работы. И хотя тенденция к небольшим семьям в сочетании с широкой доступностью трудосберегающей домашней бытовой техники понизила тяжесть такой работы для многих западных женщин, она остается особенно затратной по времени, когда есть маленькие дети. Даже когда дети взрослеют, «хорошее материнство» занимает огромное количество времени с возросшим вниманием матерей к психологическим и образовательным, так же как и физическим потребностям своих детей, и обеспечиванием их постоянным кругом стимулирующей активности (Hays, 1998; Epstein, 2004). Забота о пожилых людях или родственниках с особыми потребностями также занимает очень много женского времени — как и с заботой о детях, такие обязанности по уходу означают, что некоторые женщины не имеют времени, которое они могут тратить по своему усмотрению.

Обязанности по уходу и домашняя работа никуда не исчезают, когда женщины еще занимаются оплачиваемой занятостью, но продвижение женщин в сферу оплачиваемой занятости не сопровождается эквивалентным возрастанием мужского участия в исполнении домашней работы. Одним из результатов этого является столкновение многих работающих женщин с утомительной «второй сменой» неоплачиваемой работы дома, а Арли Хохшильд (Arlie Hochschild) доказала, что нехватка семейного времени и попытка организовать его более эффективно в настоящее время делает необходимым появление «третьей смены» как «эмоциональной работы, необходимой для восстановления ущерба, вызванного домашним часовым напряжением». Далее она утверждает, что сложность сделать что-то подобное связана с замкнутым кругом, посредством которого дом представляется местом работы, менее привлекательным, чем оплачиваемая работа, а это приводит к дальнейшему стимулированию увеличения удлинённого рабочего дня, так как «уставший родитель спасается от мира нерешенных споров и непостиранного белья в мире надежного порядка, гармонии и управляемости — на своей развеселой работе» (Hochschild, 1989, book title; 1997, pp. 51, 44).

Аргументы Хохшильд основываются на ее исследовании США, где рабочее время особенно длительное и родителей ожидает незначительная государственная поддержка. Однако аналогичное влияние, как утверждается в другом источнике, оказывает увеличение рабочих нагрузок, вызванных жесткой конкуренцией в глобальной экономике по всему миру: «Эффективность выталкивает почти каждого в что-то похожее на вторичный рынок труда» (Moен and Roehling, 2005, p. 7), и эти широко распространенные тенденции ведут к «незащищенной и случайной работе, краткосрочным договорам, антиобщественному удлинненному рабочему дню... все это делает более трудным, чем когда-либо, оправдание ожиданий по воспитанию и общению» (Franks, 1999, p. 212).

Не только родители или дети ощущают нехватку времени на заботу. Как пишет Труди Книжн (Trudi Knijn), феминистская реконцептуализация заботы показывает, что это нормальная часть человеческой природы, ведь на том или другом этапе жизни мы все нуждаемся в ней или предоставляем ее. Однако это понимание утрачено в современных западных обществах, в которых «рационализация маргинализации повседневной помощи в общественной и частных сферах — это постоянный процесс» (Knijn, 2000, pp. 201—2). Так как гражданство все более отождествляется с самостоятельной независимостью, те, кто получает помощь, подвергаются стигматизации, а те, кто обеспечивают ее, материально наказываются. Женщины, как ожидается, заполняют пробел, возникший вследствие сокращения государственной поддержки и замененный недоступным или ненадлежащим рынком услуг; они, к тому же, все в большей мере необходимы как неоплачиваемые сиделки, так как демографические тенденции увеличивают количество пожилых людей по отношению к их взрослым детям (к примеру, в Великобритании количество людей в возрасте 85 лет и старше удвоится в 2028 году; см.: Brindle, 2007). Однако условия занятости часто связаны с географической мобильностью и перемещениями, так же как удлинненным рабочим днем, — все это усложняет обеспечение заботы; некоторые матери к тому же «зажаты» между конкурирующими потребностями своих родителей и детей (Spillman and Pezzin, 2000; Casey, 2004). Этот результат не просто проблема для отдельных женщин, но «преимущественно социальная проблема, связанная с недооценкой заботы» во все более рыночных социальных государствах (Knijn, 2000, p. 205), в которых получатели заботы и предоставляющие заботу (кроме мужчин-кормильцев) имеют незначительный политический вес и меньше времени для участия в официальных политических процессах или для общественной активности.

Феминистки также утверждают, что стресс, переживаемый занятыми женщинами, это не просто вопрос общего количества часов оплачиваемой и неоплачиваемой занятости, но усугубляется интенсивностью использования ими своего времени, так как им часто приходится заниматься в один и тот самый момент многими делами: так, Дейл Саутертон (Dale Southerton) (2003) предложил использовать полезное понятие «затравленность» («harridness»), чтобы передать смысл женского бытия как затравленного и преследуемого со стороны, казалось бы, несовместимых требований к их времени и необходимости в координации фрагментированной активности. В этом контексте свободное время не может быть запланировано заранее, но может только быть схвачено в непредсказуемых фрагментах (15 минут здесь, если ребенок не проснулся; полчаса там, если дети еще играют в саду...), и это время не может быть использовано для деятельности за пределами дома. Для многих женщин время стресса усугубляется чувством вины, так как они пропустили важнейшие семейные события или в спешке не смогли поговорить со своими пожилыми родственниками или провести ребенка ко сну, которые должны быть обусловлены медленными темпоральными ритмами; действительно, Джейн Бакстон (Jayne Vuxton) пишет, что «слово «вина» стало синонимом понятия «работающая мать»» (Jayne Vuxton, 1998, p. 23). Даже в Швеции, где государственная поддержка для работающих матерей значительно выше, «они находятся во власти вины за то, что не всегда справляются с сочетанием своей карьеры с материнством» (Skevik, 2006a, p. 245, цитируется за Lindvert; см. также: Cousins and Tang, 2004; Strandh and Nordenmark, 2006). Как уже упоминалось в предыдущей главе, это давление связано с общим разрывом между доминирующей темпоральной культурой и теми, кто дает и получает заботу, и между работой и домом, создавая «невыносимое напряжение» для многих женщин (Franks, 1999, p. 6).

Различия среди женщин

В конечном счете все мужчины и женщины ощущают неблагоприятное воздействие, если забота недооценена и они вынуждены соответствовать неподходящей темпоральной культуре. Тем не менее, меньшинство женщин могут отказаться от выполнения большинства обязанностей по уходу и, как следствие, вести себя, как обычно это делают мужчины. Вариации в условиях занятости и поддержки для людей, ухаживающих за другими, означают, что

стресс комбинирования оплачиваемой занятости и семейных обязанностей намного больше в одних странах, чем в других, и они воспринимаются по-разному различными группами женщин.

Преимущественно внимание СМИ сосредоточено на стрессе, переживаемом влиятельными профессионалами или женщинами с должностями достаточно многие из научных исследований указывают, что именно эта группа переживает основные трудности в балансировке между работой и семьей, по сравнению с теми, кто принадлежит к среднему или рабочему классу (см.: Warren, 2003; Selmi and Cahn, 2006). Этот стресс, карикатурно изображен в романе Эллисон Пирсон (Allison Pearson) «Я не знаю, как она делает это» (2002), который посвящен женщине, сделавшей большую карьеру, «беспокоящейся» о том, чтобы купить пирожки в 1.37 утра, чтобы сделать их похожими на домашнюю выпечку для Рождественского праздника в школе ее дочери (Pearson, 2002, p. 3).

Конечно, женщины с успешной карьерой или занимающие важные должности, часто имеют ненормированный рабочий день и ограниченное время для своих семей, так как лояльность к работе и трудовые обязанности приравнены к ненормированному рабочему дню, и они сталкиваются с тяжелыми карьерными взысканиями, если берут декретный отпуск или выбирают гибкий график работы, если это официально разрешено. Их партнеры также работают удлиненный рабочий день (Vuxton, 1998; Dex, 2003), и такие профессиональные семьи несут дополнительную нагрузку как группы, наиболее восприимчивые к нормам воспитания, указывающим на детские потребности «в длительном, внимательном воспитании, желательном от их родителей» (Craig, 2006a, p. 554). Однако женщины, имеющие высокие заработки, могут позволить себе заботу высокого качества о детях и домашнюю помощь, и даже «покупать время», питаясь за пределами дома, а не заниматься приготовлением пищи, ездить на такси, собственных автомобилях и самолетах, а не на общественном транспорте. Хотя высокие заработки обычно связаны с более длительным рабочим временем, чем у тех, кто занимает более низкие статусные позиции, многие женщины имеют небольшой заработок и работают очень много. Часы труда низкооплачиваемых работниц к тому же обычно менее гибкие, а их мужа вряд ли считают, что домашние обязанности должны быть совместными, и еще менее вероятно, что они могут позволить себе взять декретный отпуск, если его вообще можно взять (Gornick and Meyers, 2003; Warren, 2003; McCrate, 2005; EOC, 2006a; Selmi and Cahn, 2006; Smeaton, 2006).

Один из способов обойти некоторые конфликты в координатах время на работу-семью — это отсрочка или неимение детей. Этот

«выбор» все чаще делают представительницы меньшинства образованных женщин в западных странах, хотя их количество меньше во Франции и Скандинавии, что многие феминистки связывают с укороченным рабочим временем и высоким уровнем государственной поддержки работающих семей (см.: Finch, 2006a; Forssen and Ritakillio, 2006; Hageman, 2006; для более критического обсуждения скандинавской политики см.: Ronsen and Skrede, 2006). Негативные социальные последствия падения рождаемости ведут к уменьшению количества будущих работников и людей, заботящихся о возрастающем количестве людей пожилого возраста.

Другие высококвалифицированные женщины отказываются от карьеры из-за условий работы, существующих в настоящее время, либо бросают работу полностью, либо выбирают «путь мамочек» — менее требовательную/не на полный рабочий день занятость для приспособления ее к своим обязанностям по уходу. Для некоторых это представляется весьма подходящим балансом. Для других — это вынужденный компромисс, поддерживающий их домашние обязанности, хотя и уменьшающий время, доступное для них, оставляющий их без времени, энергии или финансовых ресурсов для деятельности за пределами дома. Хотя взаимоотношения женщин с рынком труда в основном ослабевает, когда они становятся матерями, противоположное верно и для мужчин-отцов, которые будут работать или трудиться большее количество часов, чем другие мужчины. Так, два из пяти отцов в Великобритании работают 48 часов или более в неделю (ЕОС, 2006а). Как результат, разделение оплачиваемой занятости и домашней работы сохраняет за женщинами статус как финансово зависимой, утратившей свою «силу равного переговорщика» со своим мужем и создает им особые проблемы, если происходит разрыв их семейных отношений. Во всех случаях поддержка заботы о взрослых людях значительно менее развита, а пожилые люди и те, кто нуждаются в заботе в своей повседневной жизни, остаются в целом беднее, чем среднестатистические граждане.

Многие женщины, конечно, не имеют другого выбора, как принять такой локальный вид деятельности, неполную занятость, которая требует небольшую квалификацию и сосредоточена вокруг планирования их домашних обязанностей. Такая занятость может включать заботу о детях, пожилых людях или людях с особыми потребностями на дому, в детских садах или специализированных учреждениях. Хотя такая работа часто состоит из многих обязанностей, она не безопасна и плохо оплачиваема: Гордик и Майерс (Gornick and Meyers) провели исследование, демонстрирующее, что работники детских центров зарабатывают примерно столько же,

сколько и работники парковок (Gornick and Meyers, 2003, p. 54), а в Великобритании социальные работники зарабатывают на 10 процентов меньше, чем среднестатистический работник (Land, 2006, p. 258). Для женщин, чей муж зарабатывает немного, неполный рабочий день часто служит существенным дополнением к семейному бюджету, но не дает ответа о балансе между оплачиваемой занятостью и обязанностями по уходу. Женская часовая бедность особенно остро стоит в странах с низким уровнем дохода домохозяйств, без частного транспорта и трудосберегающей бытовой техники, поэтому многие такие семьи нуждаются в субсидиях; в таких семьях считается само собой разумеющимся, что «женская финансовая бедность взаимодействует с временной бедностью, поскольку на них лежат основные нагрузки по управлению бедностью, задолженностью и посредничеством с учреждениями социального обеспечения как части их общей ответственности за средства и ведение домашнего хозяйства» (Lister 2003, p. 141; см. также: Mink, 1998).

Давление времени зачастую носит особенно острый характер для одиноких матерей, главным образом для тех, кто не имеет карьерных перспектив или не получает финансовую поддержку от отцов своих детей, так как политика «благополучия от работы» («welfare-to-work» policies), принятая во многих странах в 1990-х годах, ожидает, что они будут работать полный рабочий день (Knijn and van Wel 2001; Millar and Rowlingson, 2001; Skevik, 2006a, 2006b). Такая политика зашла еще дальше в США, где многие женщины «просто переместились из рядов социально-бедных к работающим-бедным» и в настоящее время «делают работу двух родителей сразу, получая доход в половину меньше, чем семьи с двумя родителями и имея только одну половину их времени» (Waldfoegel et al., 2001, p. 59; Mink, 1998, p. 27; Kershaw, 2005). Поскольку одинокие родители — в основном афро-американцы, этот двойной эффект финансовой и временной бедности часто усугубляется еще и этническим фактором. Хотя социальная политика в Великобритании гораздо менее жесткая, она также стремится к увеличению занятости среди одиноких родителей, упуская из виду важную работу по уходу за детьми, которую они уже и так делают, и сложности ее сочетания с оплачиваемой работой (подобные выводы по отношению к Австралии, см.: Craig, 2005). В странах Скандинавии одинокие родители получают гораздо больше государственной поддержки, и они с меньшей вероятностью будут жить в бедности по сравнению с другими семьями (Daly and Rake, 2003; Ellingsaeter and Leira, 2006; Skevik, 2006a); однако увеличение времени оплачиваемой занятости означает, что и здесь они смогут провести меньше времени со своим малышом и иметь время для

досуга, чем женщины, состоящие в браке (Hobson and Takahashi, 1997).

Проблемы, которые стоят перед одинокими матерями, делают видимым более рельефно общее напряжение между женскими семьями и их трудовыми ролями и невидимостью женской неоплачиваемой занятости в рыночных экономиках. Кроме того, женская роль в социализации семьи — «это ключевая, но не признанная проблема в осмыслении социального капитала» (Edwards, 2004, p. 5), и хотя женское участие в общинных сетях может обеспечить им местную активность со «значимой для общин информацией, знанием и контактами», она оставляет самим женщинам мало времени для политической деятельности, таким образом, «женщины зарабатывают социальный капитал, который впоследствии растрачивается их мужьями» (Lowndes, 2004, p. 59). Поскольку женский домашний труд не был идентифицирован как таковой, мужское неумение сделать это не определялось в качестве проблемы, и «нормальным» работником и политиком все еще остаются те, кто свободен от домашних забот и обязанностей по уходу.

А как насчет мужчин?

Как уже отмечалось в предыдущих главах, нежелание мужчин делать больше работы в доме является как источником, так и отражением их привилегированного положения в общественной сфере, потому что их относительная свобода от домашних обязанностей дает им сравнительные преимущества над женщинами в политике и занятости, а полученные экономические ресурсы обеспечивают их еще и «властью кормильцев» внутри дома. С этой точки зрения, проблема не просто в «мужской неспособности изменить социальные условия, но в нежелании делать это. Дело ведь касается власти» (Benn, 1998, p. 247, цитируется за Suzanne Moore).

Тем не менее, мужчины в основном делают больше в доме, чем в недавнем прошлом, и они также находятся под могущественными внешними ограничениями и нормативным давлением при распределении своего времени. Во многих семьях большие заработки мужчин означают, что приоритетной стает их карьера, а жена проводит больше времени дома, что выглядит как рациональное перераспределение обязанностей, и эти условия самоусиливают гендерные нормы, которые ожидают от мужчин быть в первую очередь кормильцами, а женщин — ответственной за домашние обязанности. Кэтрин Хаким (Catherine Hakim) (2000, 2007) утверждает, что

результат гендерного разделения труда отражается в подлинном выборе и естественных половых отличиях, в возможностях и мотивациях. Это, тем не менее, проясняет национальные вариации в семейном «выборе», предполагая, что он связан с политикой рабочего времени, а не природы (Crompton and Lyonette, 2005). Существует также множество доказательств, подтверждающих, что как мужчины, так и женщины не удовлетворены балансом между временем, которое они должны тратить на работу, и временем, остающимся на их собственную жизнь (см., к примеру: Dex, 2003; Jacobs and Gerson, 2004; ЕОС, 2006а, 2006б).

Хотя гендерные нормы остаются все еще могущественными, есть, однако, некоторые свидетельства того, что они ослабевают во многих странах, в особенности по отношению к отцовству (Gerson, 2002; Crompton et al., 2005; Bianchi et al., 2006). Более эгалитарные представления становятся все сильнее среди молодых людей и тех, кто наиболее образован. На практике, однако, удлиненный рабочий день, ожидаемый от мужчин-профессионалов, оставляет им мало времени для своих семей (Dex, 2003), в то время как многие мужчины из рабочего класса по-прежнему считают исполнение «женской работы» потерей собственной мужественности и статуса, прилагаемого к ней; как уже упоминалось в седьмой главе, эти представления у безработных мужчин приводят к тому, что они с большой неохотой выполняют домашнюю работу. Здесь важно отметить, что если для женщин изменение гендерных норм означает приобретение ими атрибутов привилегированных групп, для мужчин этот процесс часто включает потерю ими своего статуса и финансовых привилегий.

Изучение использования времени

Отсутствие престижной статусности и экономического вознаграждения за работу в доме приводит как к ее непривлекательности для мужчин, так и к общей неспособности понять ее важность в капиталистических обществах, которые рассматривают ценность чего-либо только через призму денежной стоимости. Для того чтобы стать видимой, неоплачиваемая работа должна быть измерена, и феминистки проводят успешные кампании за количественные изучения времени, затраченного на неоплачиваемую работу с тем, чтобы определить ее денежную стоимость и распределение между мужчинами и женщинами. Феминистки получили ожидаемые результаты, подтверждающие их аргументы в том, что неоплачиваемая

мый труд действительно экономически ценный, что женщины продолжают исполнять его больше, чем мужчины, и что в рамках общей тенденции к удлинённому рабочему дню и уменьшению отдыха женщины имеют меньше праздного времени, чем мужчины. Многие также считают, что гендерные модели использования времени менее неравны в странах Скандинавии, где существующий комплекс мер государственной политики направлен как на поддержание женской деятельности по уходу и поощрение мужчин играть более активную домашнюю роль, чем в США или Великобритании, где такая политика отсутствует или не разработана. Если эти ожидания подтвердятся, то такие исследования также подтвердят феминистские утверждения, что женский труд эксплуатируется, что частная ответственность ставит их в невыгодное положение на рабочем месте, что они имеют меньше времени на политическую деятельность и что государственная политика может изменить это. Такие идеи являются центральными для этой книги. После краткого описания исследований использования времени этот подраздел даёт им оценку, направленную против полученных данных.

Исследования

Изучение того, как мы проводим наше время, восходит к началу 20-го века и сегодня представляет собой быстро растущую и политически влиятельную область исследований. Хотя многие исследования качественные часть из них количественные, базирующиеся на интервью, вопросниках и/или дневниках использования времени для изучения, что люди делают со своим временем на протяжении дня и ночи. Существует широкий консенсус среди исследователей использования времени, что дневники-вопросники времени, которые предлагаются респондентам для регистрации их деятельности (иногда с дополнением контекстуальной информации) через фиксированные промежутки времени на протяжении определенных периодов, предоставляют наиболее верную и объективную информацию. Основанные на таких дневниках данные доступны более чем из 20 западных стран с 1960-х годов, а в последние годы также из многих неиндустриальных стран. Ученые утверждают, что массивы этих исследований представляют собой «надежные, повторяемые данные», «довольно внушительную и фундаментальную базу для измерения долгосрочных изменений в обществе» и «важную научную инновацию, иногда что-то вроде социального микроскопа», охватывающего «полный спектр человеческого поведения» (Harvey

and Pentland, 1999, p. 8; Robinson, 1999, pp. 53, 47, 48; обзор исследований, базирующихся на дневниках, см.: Pentland et al., 1999; Gershuny, 2000; Michelson, 2005; для подробностей о различных национальных и международных исследованиях и накопленных базах данных, см. веб-сайты Международной ассоциации исследования использования времени (International Association for Time Use Research [IATUR]) и Многонациональные исследования использования времени (Multi National Time Use Study [MTUS]) на www.iatur.org/ и www.timeuse.org/mtus/.

Этот «полный спектр» всегда включает в себя нерыночную и домашнюю деятельность, игнорируемую обычным экономическим анализом, именно потому, что они неоплачиваемые и неоцененные (как в классическом примере о домашней прислуге, которая, выйдя замуж, продолжает заниматься своей работой в своей семье, но чья работа теперь исчезает для государственной статистики). Пекинская конференция по положению женщин в 1995 году рассматривала исследование использования времени как критический шаг в направлении признания женской неоплачиваемой работы, и ее призыв к правительствам о проведении таких исследований обеспечил начальное обоснование последующим исследованиям, поддержанным государством, включая первый государственный опрос в США, проведенный Бюро статистики труда в 2003 году (Gerencher, 2001; US Department of Labor, 2004), и крупнейший в Великобритании опрос, проведенный в 2000 году, как часть общеевропейского проекта. Позже с его подачи в офисе Государственной статистики было создано экспериментальное отделение по оцениванию неоплачиваемой домашней работы (Short, 2000; www.statistics.gov.uk/hhsa).

Неоплачиваемая работа определяется в исследованиях использования времени в соответствии с «критерием третьего лица», так что «деятельность считается эффективной, если она может быть делегирована кому-то еще, наряду с достижением желаемого результата» (Joyce and Stuart, 1999, p. 4). Это означает, к примеру, что приготовление пищи рассматривается в качестве работы, но прием пищи — уже нет. Досуг или свободное время определяются как то, что остается после оплачиваемой занятости, неоплачиваемой работы, личной гигиены и сна. В принципе, такие исследования также могут определить время, потраченное на политическую и общественную активность. Однако явно политической деятельности до сих пор уделялось немного внимания, возможно, потому, что средняя величина времени, затраченного на нее, крайне низкая. В США национальное исследование приписало ее под «организованную гражданскую и религиозную деятельность», а в британском исследовании — под «личную и общественную деятельность».

довании 2000 года она записана как «волонтерская деятельность». Эти категории рассматривались как подтип основной категории «свободного времени». Таким образом, исследования использования времени — пока еще «недостаточно полезный инструмент для измерения социального капитала» (Ruston, 2003, p. 2), хотя работа в этой области продолжается.

Результаты исследования

Утверждение, что неоплачиваемая работа является ценной, четко подтверждается исследованиями времени по всему миру. Хотя экономическая ценность неоплачиваемой работы может быть рассчитана различными способами (Joyce and Stewart, 1999; Short, 2000), исследования неизменно показывают, что она представляет собой важную часть отечественного производства в индустриальных и неиндустриальных странах (ранний обзор, см.: Floro, 1995). Исследования также однозначно подтверждают, что женщины по-прежнему исполняют больше неоплачиваемой работы, чем мужчины, и что мужчины не согласовывают увеличение своего времени занятости с эквивалентным вкладом в домашнюю работу. Это означает, что многие матери, работающие полный и неполный рабочий день, действительно ощущают на себе «двойную нагрузку» и работают существенно дольше (оплачиваемые и неоплачиваемые) часы, чем их муж (Gershuny, 2000).

Однако в среднем разрыв более узкий, чем ожидают многие феминистки. Не только потому, что мужчины существенно увеличили свою домашнюю деятельность с 1960-х, продолжая при этом выполнять больше оплачиваемой работы, чем женщины, но в связи с тем, что время, затраченное на домашнюю работу, значительно сократилось — так, что существенная часть работы по дому, выполняемая раньше неработающими женщинами, уже просто не выполняется. Как результат этих тенденций, один из ведущих исследователей использования времени Джонатан Гершунни указывает на появление модели «гендерной конвергенции» («gender convergence») в использовании времени в западных обществах; он ожидает, что это продолжится как «повышение справедливости», поощряя более справедливое распределение домашней работы и уменьшение двойной нагрузки на женщин (Jonathan Gershuny, 2000, pp. 9, 69). В Великобритании Ориэль Салливан (Oriell Sullivan) далее сообщает, что хотя существуют доказательства двойной нагрузки, «перегрузки не могут быть настолько велики»,

как Хохшильд и другие предполагают; более того, она считает, что почти в трети семей, где оба родителя работает полный рабочий день, мужчины исполняют больше домашней работы, чем женщины (Oriel Sullivan, 2000, p. 451; обзор данных о домашней работе мужчин в Великобритании, см.: Pilcher, 2000).

Результаты исследований использования времени также, по всей видимости, подрывают утверждение, что часы оплачиваемой работы, как правило, растут, а время досуга уменьшается во многих западных странах. Здесь Гершуни (Gershuny, 2000, 2002) опирается на многонациональные лонгитюдные данные, чтобы подтвердить, что последние краткосрочные колебания и изменения в распределении часов работы и отдыха скрывают долгосрочное снижение первой и рост последней для большинства социальных групп. Он утверждает, что концентрация на продленных часах работы среди профессионалов и управленческого среднего класса искажает наше общее представление, ошибочно приписывая опыт этой локальной группы всему обществу. Совсем недавно Норман Бонни (Norman Bonney) (2005) пришел к выводу, что, несмотря на широко распространенное мнение, что британцы работают все дольше, долгосрочная нисходящая тенденция рабочего времени продолжается и в 21-м веке, а Эстер Дермотт (Esther Dermott) (2006) показывает, что особенно много часов, отработанных британскими отцами, отображает их определенный этап жизни, а не причинно-следственную связь. В США, Бианки и другие (Bianchi et al., 2006) установили, что тенденции к увеличению рабочего времени в некоторых группах противостоят растущее количество сотрудников, работающих сравнительно короткую неделю. Данные также свидетельствовали, что вопреки утверждениям Хохшильда, что время на семью вытесняется оплачиваемой занятостью: как матери, так и отцы проводят больше времени со своими детьми, чем когда-либо ещё (Sullivan and Gershuny, 2001; Bianchi et al., 2006; Craig, 2006b, 2006c, 2007a). Для Гершуни ясно, что эти исследования опровергли феминистское утверждение, что женщины имеют меньше времени досуга, чем мужчины. Он категорически опровергает «...феминистскую позицию, что патриархальный характер западных обществ означает, что гендерное неравенство будет им свойственно, и что это будет отражаться как в рабочем времени, так и в других вещах; нужно подчеркнуть еще раз, что это просто не подтверждается как с точки зрения итогов рабочего времени, так и времени досуга, которые действительно кажутся достаточно схожими между мужчинами и женщинами в каждой стране» (Gershuny, 2000, pp. 8—9).

Хотя более современные данные показывают, что мужчины в США, Великобритании и большей части Европы имеют в среднем

на 20—30 минут больше свободного времени, чем женщины (Sayer, 2005; Aliaga, 2006; Lader et al., 2006), это в значительной степени продукт отличий в личной гигиене и времени сна, а не работы, и эта цифра значительно ниже представленной феминистками. В США Бьянки и другие пришли к выводу, что среди родительских пар, работающих полный рабочий день, «есть замечательный пример гендерного равенства в конечном итоге» с мужчинами, тратящими большую часть своего времени на оплачиваемую занятость, и женщинами — аналогично на домашнюю работу (Bianchi et al., 2006, p. 117). В Великобритании более современный опрос (2005) показал, что «мужчины и женщины в браке имеют аналогичные итоги рабочего времени и времени досуга» (Lader et al., 2006, p. 25; последние обзоры международных данных, см.: Michelson, 2005; по Европе, см.: Aliaga, 2006; по США, см.: US Department of Labor, 2004). Хотя эти исследования подтверждают, что матери, занятые полный рабочий день, очень задержаны, но эти же исследования, по всей видимости, указывают, что они сейчас не более перегружены работой, чем их мужья.

Гершуни и Салливан (2003) также обнаружили, что, несмотря на ожидания того, что политика гендерного равенства внутри и за пределами семьи должна была привести к более равному гендерному разделению труда в Скандинавии, мужчины в Дании, Финляндии и Швеции не исполняют домашней работы больше, чем мужчины в Канаде, США и Великобритании. Наоми Финч (Naomi Finch, 2006b, 2006c), аналогично, не находит значительной разницы между северными и остальными европейскими странами в отношении времени, затраченного мужчинами на неоплачиваемую домашнюю работу и по уходу за детьми. Поэтому в целом, хотя доказательства, собранные исследованиями использования времени, поддерживают некоторые феминистские утверждения, они в то же время бросают тень сомнения на другие. Это позволяет предположить, что феминистки должны пересмотреть свои требования. В качестве альтернативы, можно предположить, что нужно присмотреться более внимательно и к основополагающим допущениям, и методам исследования.

Исследования использования времени под пристальным вниманием

Исследования использования времени, несомненно, обеспечивают захватывающее и информативное понимание повседневной

жизни людей. Тем не менее, выводы предыдущих глав указывают на то, что они могут привести к искажению опыта людей различными существенными путями.

Основополагающие допущения

До недавних пор сообщество исследователей использования времени, как и другие исследовательские области, состояло почти исключительно из мужчин, и они, как правило, интерпретировали свои собственные темпоральные представления как непроблематично нормальные, а не гендерные или потенциально партикулярные. С точки зрения «женской темпоральной культуры», уже обсуждаемой в восьмой главе, эти исследования опираются на партикулярный концепт времени, который отражает и поддерживает привилегированную мужскую точку зрения. В частности, исследования использования времени приравнивают человеческое переживание времени с овеществленным часовым временем, принимая как данность то, что время разворачивается как ряд дискретных эпизодов, которые можно объективно измерить и оценить, и что вся человеческая деятельность поддается такой абстрактной квантификации и что «свободное время» является дефицитным ресурсом, которым люди могут обладать. Хотя эти исследования утверждают, что обеспечивают всесторонний отчет об использовании времени, включая деятельность в частной сфере, они делают это с точки зрения языка, связанного с общественной сферой. Это значит, что, несмотря на свое декларированное признание ценности женского времени, они делают это узко через его меновую стоимость или цену не по критериям человеческой ценности или важности, сразу же вызывая в памяти известное определение циника Оскаром Уайльдом как такового, кто «знает цену всему и не ценит ничего».

Особенно эти исследования, похоже, искажают время, затраченное на уход за другими. Время дневников не может схватить природу «бытия там» — многих обязанностей по уходу, которые часто помещаются в более непосредственно записываемую «деятельность» и могут ощущаться, как чуждый опыт, а не записываемая серия событий. При интерпретации заботы как «деятельности» они считают, что эпизод заботы может быть или оплачиваемой занятостью или временем отдыха, тогда как на самом деле уход за кем-то может пронизывать всю жизнь опекуна, ограничивая то, как они проводят свое время, даже если они активно не занимаются в

эти минуты предоставлением заботы. Исследования к тому же не способны записать прерывистое беспокойство, чувство вины и стресс лиц, которые могут возникнуть вокруг того, что они чего-то не делают, а обязаны делать что-то другое.

Особые проблемы возникают в связи с измерением «свободного времени», которое многие авторы рассматривают как синоним времени досуга. Как пишет Адам, этот концепт получил свое значение по отношению к капиталистической работе: ««свободное время» и его коррелят «время досуга» является *производимым* от овеществленного рабочего времени. Они *производят* время, которое существует только в зависимости от времени рынков и работы» (Adam, 1990, p. 96, выделение в оригинале). Хотя исследования использования времени, похоже, представляют важный этап в продвижении также и вычитания неоплачиваемой работы от ее калькуляции со свободным временем, идея, что свободное время и работа являются взаимоисключающими — это продукт определенной темпоральной культуры, игнорирующей текучесть и социально сконструированную природу этих категорий и вездесущий характер некоторых обязанностей по уходу. К примеру, утверждение Кена Робертса (Ken Roberts), что «все люди будут иметь стойкий временной суверенитет в отношении многих форм их досуга, особенно в наши дни 24-часовых городов и видеозаписей» (Ken Robert, 2002, p. 177), является совершенно чуждым многим опекунам. Как пишет Кристина Эверингем (Christine Everingham), «переживание времени либо как «свободного» или кем-то «данного» пришло к внезапной остановке... с рождением моего первого ребенка. За один вечер я потеряла все свое свободное время... Абстракции часового времени не могут быть наложены непосредственно на новорожденного ребенка» (Everingham, 2002, p. 335). Квантификация свободного времени также игнорирует его реляционную природу, рассматривая время в терминах индивидуальной собственности, а не как связанного с общественными ритмами, часто зависящими от домашней «темпоральной деятельности» в планировании и координации домашних графиков, тем самым делая возможным членам семьи ходить в школу, на работу и включаться в социальную жизнь за пределами дома (Everingham, 2002, p. 340).

Эти вопросы связаны с лежащей в основе проблемой, как респонденты дневников решают, что избрать своей зарегистрированной деятельностью в тот или иной период. Хотя Эндрю Харви (Andrew Harvey) утверждает, что «исходя из своей природы, дневник обеспечивает запись всех видов деятельности в течение определенного периода» (Harvey, 1999, p. 19), другие исследователи ис-

пользования времени утверждают, что создание таких записей не такое уж и простое дело. Таким образом, Гершуни, чье неприятие заявлений феминисток о времени досуга упоминалось ранее, считает, что длина сложных процессов, указанных людьми в дневниках времени, «отражает их выбор того, что они считают основным из массы их собственных впечатлений», и редактирует «комплексную и многоуровневую реальность, в которой многие вещи происходят одновременно, через простую последовательность отдельных действий». Он резюмирует, что «мы можем достичь этого процесса редактирования; мы знаем, что мы можем «свидетельствовать о дне»» (Gershuny, 2000, pp. 254, 260). Однако «мы» можем быть в состоянии «свидетельствовать о дне» очень различными способами, не все из которых могут быть втянуты в «смирительную рубашку» отчетности дневника. В самом деле, с точки зрения феминистской перспективы, способность респондентов соответствовать ожиданиям исследователей использования времени может рассматриваться как возможность поддерживать требования доминирующей модели мужественности, которая маргинализирует «другие» опыты и способы познания, а не как обоснование метода дневниковых записей.

Гершуни к тому же признает, что на точность результатов исследований может влиять изменения в социальных нормах, которые, в свою очередь, влияют на то, как деятельность учитывается. Таким образом, он и Салливан предполагают, что тенденция к увеличению времени по уходу за ребенком может частично отражать изменения в отчетности, а не поведении, где ожидается, что родители заинтересованы в деятельности со своим ребенком больше, чем в прошлом, так что если кто-то в 1950-х годах, возможно, делал запись «пошел на футбол с сыном», сегодня это может выглядеть как «взял сына на футбол»; первая запись может быть классифицирована исследователями как «участие в спортивных соревнованиях», а последняя как «связанная с деятельностью по уходу за детьми» (Sullivan and Gershuny, 2001, p. 342). Так как эти социальные нормы к тому же являются гендерными нормами, мужчины и женщины могут воспринимать и записывать одинаковую деятельность по-разному — другими словами, гендер может быть «сделан» не только через исполнение определенных действий, но также через способы, с помощью которых они запоминаются и интерпретируются. Поскольку доминантные гендерные нормы меняются со временем и между обществами, гендер, который может быть «сделан» участниками исследований использования времени, сам по себе изменчивый, что затрудняет определения его подлинности от записанных отличий в поведении.

Эти проблемы не сводят на нет исследования использования времени, но они предупреждают, что к ним нужно подходить с осторожностью и что их ограничения должны признаваться. Некоторые практические вопросы, вытекающие из этих общих проблем, обсуждаются в оставшейся части этого подраздела.

Практические вопросы

До недавнего времени измерение неоплачиваемой работы было сфокусировано на анализе «основной» или «первоочередной» деятельности. Это не дает никакой возможности учета деятельности, которая делалась одновременно, и в настоящее время широко признается, что такие исследования особенно склонны недооценивать время, потраченное родителями на уход за детьми: к примеру, кто-то может описать свою деятельность как «просмотр телевизора» или «приготовление обеда», даже если там есть маленькие дети в комнате и нет больше других взрослых в доме (Robinson, 1999; Ironmonger, 2004). Даже когда вторичная активность включена, время по уходу за детьми может по-прежнему должным образом не учитываться, так как родители могут готовить обед и общаться с друзьями, а также могут быть ответственны за детей, но могут отметить в дневнике только два вида деятельности; в самом деле, мать, сидящая в доме со своим маленьким ребенком, может рассматривать целый день, посвященный уходу за детьми, в качестве фона своей жизни, а не как «деятельность», достойную записи в дневник. В большинстве исследований также записываются только «активный» уход за детьми, не принимаются во внимание «пассивный» уход, оказываемый взрослым «по звонку», когда он не в состоянии покинуть дом или когда родители спешат домой, потому что ребенок возвращается из школы, а потом готовят ужин, пока он смотрит телевизор. Эти исследования к тому же игнорируют времязатратные задачи, связанные с уходом за детьми, кодируя их отдельно как «уборка», «мытье» и так далее. Это означает, что они не могут быть надежным путеводителем по «временным затратам» ухода за детьми или их распределения между мужчинами и женщинами.

Сосредоточение на первоочередной деятельности также недооценивает время, потраченное на другие формы обеспечения ухода: более того, недооценка времени, затраченного на пожилых людей, вероятно, еще больше. Как утверждает Бернард Кейси (Bernard Casey, 2004), это отчасти так, потому как исследователи использования времени проявляют небольшой интерес к этой области, а

также имеют гораздо меньшее количество категорий для описания деятельности, связанной с уходом за пожилыми людьми, чем по поводу ухода за детьми; это отсутствие интереса, возможно, отражает собственный опыт и возраст исследователей. Отсутствие соответствующих категорий затрудняет определение такой заботы: к примеру, уборка или поход по магазинам для пожилых родителей обычно определяется просто как «уборка» или «поход по магазинам», хотя при этом теряется из виду деятельность, сопровождающая эти основные задания, например, приём пищи или просмотр телевизора. Заботе о детях, оказываемой другими родственниками (в основном женщинами), также мало уделяется внимания (Folbre et al., 2005).

Пример просмотра телевизора со своими детьми пожилыми родителями к тому же показывает, что сосредоточение на главной или «основной» деятельности создает проблемы для измерения свободного времени. Не только потому, что индивидуальный выбор программы или внимания, уделенного ей, влияют, но и сам выбор деятельности отражает сдерживающее воздействие обязанностей по уходу. Как уже упоминалось в третьей главе, Патман увидел в увеличении просмотра телевизионных программ первоочередную причину упадка общественной и гражданской активности в США; этот анализ забывает, что многие телезрители не в состоянии использовать это «свободное» время за пределами дома. Характер и распределение времени досуга скрыты еще более от сосредоточения на общем количестве часов, при этом теряется из виду «полезность» такого времени для каждого, кто знает о деятельности по постоянному уходу не понаслышке, так как время «свободное» от деятельности по уходу по своей природе часто фрагментарно и непредсказуемо. Исследования, сообщающие только общее количество еженедельной работы и время досуга, и не в состоянии принять во внимание указанные факторы, немного могут нам сказать о существовании или степени мужских привилегий в связи со временем досуга. Несмотря на утверждения Гершуни, они не опровергают феминистские аргументы. Скорее, они отвлекают внимание от других вопросов, которые влияют на полезность и качество времени досуга, в основном в пользу мужчин.

Даже время, записанное как сон, может вводить в заблуждение. Хотя Гершуни утверждает: «Мы знаем, что когда люди спят, они не могут делать чего-то еще» (Gershuny, 2000, p. 264); многие люди переживают прерывистую дремоту, возникающую вследствие ухода за больным ребенком или ожидания, когда подросток вернется домой. Это означает, что реальность более сложная, а Хислоп и Арбер (Hislop and Arber) утверждают, на основании качественных

исследований, что «как поставщик физической или эмоциональной работы в доме женщина всегда рассматривается как «доступная» и «дежурная»... спальня превращается в «невидимое место работы», контрольную комнату, управляющую благополучием семьи» (Hislop and Arber, 2003, pp. 701, 703). Это явно затрудняет количественную оценку таких обязанностей; они, однако, могут быть косвенно обнаружены, исходя из последних данных по Европе, включая Великобританию, что женщины спят большее количество часов, чем мужчины (Aliaga, 2006; www.statistics.gov.uk/timeuse/summary_results). Все это свидетельствует о том, что даже в пределах собственных понятий исследования, базирующиеся на дневниках, пропускающих вторичную активность и пассивную заботу, представляют собой куда менее «научный» инструмент, чем утверждают некоторые из его наиболее восторженно настроенных сторонников. Это означает, что они не могут объективно и точно измерить экономическую ценность работы по уходу; в случае с уходом за ребенком это будет рыночная стоимость ухода за ребенком 24 часа в сутки (Holloway and Tamplin, 2001). Они также не могут определить, действительно ли время «свободно» и доступно для волонтерской и политической деятельности или же домашние обязанности по уходу ограничивают респондентов в их деятельности.

Изучение использования времени: последние достижения и результаты

В последние годы многие исследователи использования времени показали гораздо более осознанное отношение к ограничениям, присущим таким исследованиям, и некоторым из практических проблем, связанных с измерением продуктивной деятельности, заботы и времени досуга. Так, в отличие от предыдущих национальных исследований, опрос 2000 года в Великобритании ставил перед респондентами и вопрос о вторичной деятельности специально для того, чтобы «предоставить важную информацию об этой известной проблеме, связанной с записью ухода за детьми» (Short, 2000). В нём также ставился вопрос о присутствии других взрослых и детей во время часов бодрствования, облегчая определение ухода за детьми, когда это не отмечалось, как деятельность. Оценка со стороны Управления государственной статистики опроса 2000 года предложила, чтобы будущие исследования включали и субъективные ощущения нехватки времени; в нём также сказано, что респон-

дентов нужно спрашивать для записи, когда они ответственны за детей, даже когда они и не вовлечены в совместную деятельность с ними, так как это позволяет оценить доступность такой деятельности для них более точно (Short, 2006; см. также: Lader et al., 2006). Аналогичные соображения выдвигались и в американском опросе 2003 года (Budig and Folbre, 2004; US Department of Labor, 2004), а рекомендация ООН от 2005 года предлагает включить в такие опросы вторичную активность и категорию «присмотр» за детьми (UN, 2005).

Немного меньшего масштаба исследования Австралийского бюро статистики еще раньше включили эти темы в национальные опросы в 1992 и 1997 годах. Так как детальные результаты национальных опросов все более доступны сейчас в Интернете, исследователи теперь могут детализировать информацию для отражения больших нюансов и контекстов в общей картине, чем было возможно ранее, и исследовать отличия внутри и между различными социальными группами. Как будет обсуждаться далее в этом подразделе, новые данные в определенной степени ведут к признанию отличительных моделей, связанных с заботой, и «исследованием жизненного опыта свободного времени» (Bittman and Wajcman, 2000, p. 169).

Однако некоторые пробелы все же остаются. Респонденты британского опроса 2000 года были проинструктированы: они не должны указывать вторичную деятельность или «связанных с ней» подробностей времени сна, что затрудняет расчет времени «по вызову» с обязанностями по уходу или объяснение последствий «тревожного» сна для здоровья или трудовой деятельности; это также скрывает, в какой мере некоторые люди исключены из оплачиваемой занятости или политической активности, требующих проведения ночей вдали от своего дома.

Хотя американский опрос идет дальше в признании пассивной заботы (такой как «присмотр за сыном, пока он плавал в бассейне») как важной деятельности, он рассматривает «просмотр телевизора со своим ребенком» как деятельность на досуге, а не как уход за ребенком, и он также исключает обязанности «по вызову» в те моменты, когда респондент спит (US Department of Labor, 2004). Он также систематически собирает информацию о вторичной деятельности только по уходу за детьми. Это исключает другие выполненные формы домашней работы из важной деятельности (например, глажку белья во время просмотра телевизора). Это также усиливает пренебрежение другими формами заботы. И хотя, в принципе, дневники заботы о взрослых могут пролить свет на использование времени людьми с ограниченными возможностями, как и их сиделок, очень мало исследований было проведено в этой области.

На более общем уровне, так как данные такие сложные, любые «доказательства» неизбежно будут продуктом отбора и интерпретации. И хотя современные данные в гораздо большей степени поддерживают феминистские утверждения, чем это было ранее, они должны рассматриваться как ориентировочные и наводящие, а не как «упрямые факты».

Домашняя работа и уход за детьми

Новые данные, включающие в себя вторичную деятельность и «связанную с ней» информацию, усиливают основные феминистские тезисы, что большая часть женского неоплачиваемого времени «продуктивна» и предполагает, что ранние оценки могли недооценивать экономическое значение неоплачиваемой деятельности (Flogo and Miles, 2003). К примеру, женщины в США все больше проводят время своего досуга в компании своих детей, без присутствия других взрослых (Mattingly and Bianchi, 2003; Bianchi et al., 2006). Так как кто-то еще мог бы присматривать за маленьким ребенком, если его мать отсутствовала, это может рассматриваться как неучтенный период неоплачиваемой занятости. Аналогично, когда взрослых в США просили записать, когда они «присматривали за детьми», цифры были в три раза выше, чем в случае, когда их просто просили отметить «деятельность» (Folbre, 2006, pp. 193—194).

Последние исследования также усилили феминистский тезис о женской непропорциональной ответственности за домашнюю работу, показав, что любые тенденции гендерной конвергенции в этом застопорились. В США Бьянки и другие установили, что мужчины не увеличивают свой вклад с 1985 года; самый последний опрос в Британии показывает, что общая затрата времени на домашнюю работу продолжает падать между 2000 и 2005 годами, и что это падение больше касается мужчин, а не женщин (Lader et al., 2006). Лин Крейг (Lyn Craig, 2007a, 2007b) также использовала более подробный анализ австралийских данных для демонстрации, что, вопреки прошлым результатам, о примерно равной общей трудовой нагрузке, современные исследования указывают, что общая трудовая нагрузка работающих матерей значительно выше, чем она же у мужчин, если принимать во внимание вторичную деятельность.

Сосредотачиваясь на уходе за ребенком, Крейг и другие пришли к выводу, что более активное мужское участие не дает женщинам больше времени для проведения его за пределами дома. Типичная

мужская «деятельность» по уходу за ребенком включает в себя чтение и игры, оставляя женщинам времязатратную рутину, такую как питание и купание. Результаты исследования указывают на то, что мужская забота о ребенке менее ограничена во времени, чем женская, и отцовская деятельность — желательное дополнение, а не необходимая часть повседневной заботы о ребенке (Craig, 2002; Bianchi et al., 2006). Скорее, чем отцы замещают материнское время, Крейг также находит, что матери предоставляют 90 % времени, на протяжении которого отцы уделяют ребенку внимание. Она приходит к выводу, что еще очень далеко от «освобожденного от домашних обязанностей» женского времени для выхода на рынок труда они часто остаются «с неадекватной помощью перед вызовом балансировки между семейными и рабочими обязанностями» (Craig, 2006b, p. 262).

Хотя более поздние исследования также подтверждают, что в целом время, которое родители проводят с детьми, увеличилось, они также демонстрируют, что родители, особенно матери, частично добились этого путем сочетания времени, проводимого с детьми, с другой своей деятельностью, включая досуг. Такая «многозадачность» может быть рассмотрена как форма рабочей интенсификации, что рассматривается как увеличение производительности, если бы она была оплачена. Это также увеличивает давление времени, особенно когда речь идет о конкурирующих темпоральных ритмах (к примеру, объединение «завтрака» с «кормлением завтраком детей», это, по своей сути, может еще не привести к стрессу, но, вероятно, сделает это, если завтрак — это прелюдия отправки маленького ребенка в детский садик, старших детей в школу, и еще нужно заполнить дневник времени как респондент на ранней утренней встрече). Кроме того, как уже отмечалось ранее, «многозадачность» для американских матерей все более включает соединение заботы о детях и времени досуга; хотя многим это нравится, некоторые находят такой отдых менее расслабляющим, чем отдых, свободный от обязанностей по уходу за детьми.

Досуг

Эти факторы помогают объяснить, почему люди воспринимают себя все более и более в тисках времени, даже несмотря на то, что исследования показывают, что время досуга в общем увеличилось. Хотя Гершуни (2005) утверждал, что восприятие «занятости» социально сконструировано и что ее новая ассоциация с людьми с вы-

соким статусом призывает граждан сообщать о ней более, чем в прошлом, кажется, что давление времени — реально и широко распространено, хотя и не переживается одинаково всеми группами. Как убедительно утверждают Якобс и Герсон (Jacobs and Gerson, 2004), хотя отдельные работники тратят меньше времени в сфере занятости, рост занятости женщин означает, что доступное для домашней работы время в большинстве семей уменьшилось. Выходя за пределы средних величин и сосредотачиваясь на семьях, а не на индивидах, Якобс и Герсон (Jacobs and Gerson) показывают, что нехватка времени особенно остро стоит в семьях, где работают оба родителя, одинокие и работающие матери, а количество представителей этих групп в США с каждым днем только увеличивается. Бианки и другие, аналогично, считают, что «существенно было усилено напряжение со временем в американских семьях — особенно там, где один родитель или оба из них работают» (Bianchi et al., 2006, p. 57). В Австралии Майкл Биттман (Michael Bittman, 2004) подтверждает утверждение Якобса и Герсона и считает, что нехватка времени особенно ощутима для матерей с очень маленькими детьми, кто работает целый день и имеет также работающих родителей. Как отмечает Уоррен (Warren, 2003), строки и длина рабочего времени могут быть источниками стресса; такой стресс увеличивается под влиянием недавнего роста нестандартных рабочих часов.

Исследования Биттмана (Bittman) также обеспечили эмпирическую базу для поддержки феминистских утверждений, что женская забота о детях дает им иной опыт времени и низкое качество досуга. В совместной важной статье он и Джуди Уочкман (Judy Wajzman) используют подробные австралийские данные для демонстрации того, что женское время досуга, как правило, комбинируется с другими видами деятельности, в отличие от мужского досуга. Женский досуг более фрагментарен и подвержен перерывам, он вряд ли будет проведен исключительно в кругу взрослых, без присутствия детей. Биттман и Уочкман приходят к заключению, что женское время досуга в целом «менее досуговое» (Bittman and Wajzman, 2000, p. 169), и это та качественная разница, которая приводит к тому, что женщины, более чем мужчины, отмечают, что они испытывают стресс со временем. Последние анализы австралийских данных предоставляют аналогичные результаты (Floro and Miles, 2003; Craig, 2007a, 2007b), так же как и анализ женского досуга, используя данные британского опроса 2000 года (Ruston, 2003). Однако когда Мэттингли и Бьянки тестировали аргументы Биттмана и Уочкмана на некоторых новых данных по США, они пришли к выводу, что женское время не более фраг-

ментировано, чем мужское, они также установили другие отличия, что позволило им сформулировать такой тезис: «Тройное бремя очевидно. Женщины имеют меньше свободного времени. Их свободное время часто смешивается с другой деятельностью или присутствием детей, и поэтому их свободное время не такое богатое для них, как для мужчин, с точки зрения уменьшения чувств, вызванных давлением времени» (Mattingly and Bianchi, 2003, pp. 1022, 1023).

Неоднократное обнаружение того, что большая часть женского времени досуга совмещается с заботой о детях или другой домашней деятельностью, означает, что такое время нельзя свободно использовать для других целей, таких как политическая активность. Растон (Ruston, 2003) выдвигает аналогичный тезис, что политика, поощряющая волонтерскую работу в Великобритании, должна учитывать эти ограничения женского времени.

Многие современные исследования к тому же находят отличия между различными группами женщин. Они указывают, что женщина имеет больше свободного времени, если она не замужем, но подобных аналогий не существует среди мужчин. Хотя превращение в родителей значительно уменьшает время досуга как мужчины, так и женщины, его влияние на женщин значительно, и этот статус к тому же увеличивает гендерное разделение труда, когда отцы наращивают, а матери уменьшают свою включенность в оплачиваемую занятость. Поэтому, может, не так и странно открытие Биттмана (2004), что одинокие матери (а представительницы именно этой группы наиболее часто жалуются на нехватку времени) имеют несколько более короткий общий итог часов оплачиваемой и неоплачиваемой занятости, чем замужние. Однако, как отмечает Биттман, их единоличная ответственность за ребенка сама по себе, похоже, также вызывает давление, и потому особенно время досуга у них будет ограничено; как упоминалось ранее, одинокие матери также вряд ли будут в состоянии компенсировать нехватку времени, покупая экономящие время товары и услуги. Аналогичным образом, хотя семьи без высокой профессиональной квалификации могут казаться относительно «богаты временем», с точки зрения общего количества часов они имеют меньше возможностей для контроля времени своей оплачиваемой занятости, скорее всего, они будут работать в неурочное время и имеют мало шансов координировать время досуга членов семьи. Если мы будем учитывать эти факторы, семьи из рабочего класса, где работают оба родителя, более вероятно испытывают «часовую бедность» в сравнении с их коллегами из среднего класса (Warren, 2003).

Влияние политики

Последние исследования находят больше поддержки, чем ранее, ожиданиям, что программы полового равенства, принятые в странах Скандинавии, будут иметь влияние на гендерное разделение неоплачиваемой занятости. Хотя согласованные европейские данные демонстрируют, что скандинавские мужчины исполняют чуточку больше работы по дому, чем в Британии (а финские мужчины, на самом деле, делают ее на две минуты в день меньше), они также показывают, что поскольку скандинавские женщины занимаются неоплачиваемой работой меньше, чем в остальной Европе, мужчины разделяют ее значительную часть: среднесуточный гендерный разрыв между мужчинами и женщинами составляет менее одного с четвертью часа в Швеции, но почти два часа — в Великобритании (на основе графиков Aliaga, 2006). Некоторые американские исследователи к тому же утверждают, что шведские мужчины делают больше работы по дому, чем американские (University of Michigan, 2002). Шведские образовательные программы, направленные на борьбу с гендерными стереотипами, также имеют некоторые практические последствия: в отличие от своих американских коллег, шведские женщины, чьи мужья в той или иной степени экономически зависимы от них, не выставляют это как «предполагаемую гендерную девиацию» за счет увеличения их мужского вклада в домашнюю работу (Evertsson and Neramo, 2004, p. 1284).

Другие исследователи раскритиковали утверждения Гершуни и Салливана, что политика имеет небольшое влияние на нахождение «более комплексной истории» (Hook, 2006, p. 651). Очевидно, что женщины в декретном отпуске нуждаются в меньшей помощи по дому, чем мужчины, чем те из них, кто не имеет выбора, но должен выходить на работу, когда их ребенок еще маленький; к тому же, при качественных государственных услугах по предоставлению ухода за ребенком, как во Франции или Дании, отцы, скорее всего, делают еще меньше такой работы. Наоборот, это может быть удлинённый рабочий день в оплачиваемой работе американских женщин и недостаток альтернатив по уходу за детьми, а не приверженность к домашнему равенству, что заставляет американских отцов тратить больше времени на домашнюю работу, чем их датские, шведские и норвежские коллеги. Как уже обсуждалось в шестой главе, время для декретного отпуска теперь отведено для отцов в Швеции, Норвегии и Ирландии; хотя его эффект еще не отображен в исследованиях использования времени, но мужская включен-

ность явно возросла, а подавляющее большинство молодых британских отцов пользуются своим новым отпуском.

Глядя за пределы узкого фокуса на часах Гершуни и Салливана, ясно также, что даже несмотря на то, что шведские и американские женщины, проводящие все свое время с маленькими детьми дома, могут оказаться в аналогичной ситуации, первые, вероятно, будут в оплачиваемом декретном отпуске, а вторые — в неоплачиваемом перерыве от рынка труда. Шведские женщины имеют возможность работать сокращенный рабочий день и взять отпуск по семейным обстоятельствам, когда они возвращаются на работу без потери своих условий труда, а американские женщины смогут выбирать между долгими часами работы и плохо оплачиваемым, небезопасным трудом неполный рабочий день. Первые также будут иметь более широкий доступ к недорогому, но хорошего качества уходу за детьми, если они имеют мужа; он также будет иметь право на оплачиваемый декретный отпуск, и его рабочая неделя, вероятно, будет значительно короче, чем аналогичная американских отцов.

Недавние исследования также подтверждают, что «дружественные-недружественные» условия занятости в США имеют определяющее влияние на участие многих женщин в политической и общественной жизни. Так, Бианки и другие указывают, что уменьшение гражданской активности среди работающих матерей увеличивает «глобальные опасения, что качество гражданских и социальных организаций находится под влиянием и, соответственно, сокращается от требований, предъявляемых ко времени работающих матерей» (Bianchi et al., 2006, p. 109). Андерсен и другие (Andersen et al., 2006) поддерживают этот тезис, их результаты исследования показывают, что это уменьшение не произошло среди других групп в Великобритании или среди женщин в Канаде, Нидерландах или Великобритании; они предполагают, что такой «особый случай» в США может быть связан с отсутствием государственной поддержки по уходу за детьми или ограничений на продленный рабочий день в этой стране (см. международное сравнение, указывающее на понижение социального капитала в США, но не в Британии: PIU, 2002).

Политические последствия и выводы

Исследования использования времени не открывают прямые модели или причинно-следственные связи. Скорее, они подтверждают аргумент более ранних глав этой книги, что влияние любой

практической политики зависит от контекста. Это также указывает на то, что влияние трудового законодательства, трудовой/семейной политики и инициатив гендерного равенства часто будут противоречивыми (Crompton et al., 2005; Finch, 2006b, 2006c; Hook, 2006), и это подтверждает, что любая простая скандинавская/ нескандинавская типология скрывает важные национальные варианты. Любые результаты также остаются ограниченными природой доступных данных; это до сих пор позволяет только систематическое международное сравнение основной деятельности и не обеспечивает базис для сравнения субъективных опытов.

Тем не менее, последние исследования, похоже, подтверждают, что многие люди ощущают нехватку времени, и в целом это давление особенно актуально для женщин, чье время остается принципиально ограниченным домашними обязанностями. Многие женщины справляются с этим, уменьшая часы своей оплачиваемой занятости, подтверждая тем самым традиционное разделение труда и его экономические недостатки. В соответствии с идеей Маркса о стремлении капитализма к увеличению продуктивности (это обсуждалось в третьей главе), многие также справляются с этим, используя свое время более интенсивно. Эта многозадачность включает комбинирование времени досуга с присмотром за детьми. Такое время досуга в значительной степени ограничено и не может использоваться для другой деятельности; более низкие заработки женщин означают, что им часто не хватает финансовых ресурсов или силы для переговоров, которые «освободят» им больше времени.

Исследования также подтверждают, что негативные влияния нехватки времени особенно ощутимы в США и что они имеют более негативные последствия для признания, оценивания или вознаграждения важности домашних и общинных обязанностей, традиционно ассоциированных с женщинами. При всех своих ограничениях исследования использования времени прошли долгий путь в их идентификации. В переопределении их как «работы» или источника «социального капитала» последние имплицитно бросают вызов как разделению на общественное/частное и предположению, что только оплачиваемая занятость продуктивна. Разоблачение масштабов женского вклада поднимает вопросы, почему те, кто делает так много, имеют такой небольшой статус или вознаграждение, и почему их голоса до сих пор так недостаточно представлены и маргинализированы в политических дебатах.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВРЕМЯ/НА, В КОТОРОМ/РЫХ МЫ НУЖДАЕМСЯ, И ВРЕМЯ/НА, КОТОРОЕ/РЫЕ У НАС ЕСТЬ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ВЫВОДЫ

Эта заключительная глава опирается на теоретические и эмпирические выводы прошлых глав, обеспечивая обзор политических альтернатив и возможностей. В ней используются сознательные временные рамки для определения некоторых долгосрочных целей и более насущных политических предложений, указывается, что они должны быть основаны на реалистической оценке конкретных исторических условий. Сосредотачиваясь на трех ключевых областях (находящихся в основе темпоральных перспективах, темпоральных культурах и способах использования времени, его организации и вознаграждения), в главе рассматривается, что из себя должна представлять феминистская темпоральная утопия или «ухрония», прежде чем представить сравнительный обзор темпоральных ценностей и практик в современных западных обществах и оценки, того, как они могут быть более позитивно усовершенствованы.

Ухрония: время/на, которым/рыми мы хотели бы располагать

Размышляя о несуществующих способах понимания и использования времени, мы тем самым открываем ряд радикальных альтернатив за пределами патриархальных норм и краткосрочной логики накопления капитала. Поэтому создание феминистской ухронии представляет политический вызов существующим практикам и обеспечивает ряд критериев для их критической оценки. Вместо того чтобы охватывать абсолютные принципы или конечные цели, феминистская ухрония сама по себе неизбежно ограничена во времени, отражая ценности и потребности существующих обществ в понимании отдельных групп или индивидов. Поэтому ее принципы или цели временны и открыты для обсуждения; несомненно, обсуждение и диалог являются неотъемлемой частью проекта. Посему далее в этом разделе представлен набор возможностей, вклад в нынешние феминистские дебаты, а не попытка навязать окончательный идеал, это связано с общими принципами, а не с политическими деталями.

Темпоральные перспективы

Аргументы предыдущих глав показывают, что «хорошее» общество должно иметь ощущение темпоральности, основанной на уважении к прошлому, внимании к настоящему и заботе о будущем. В таком обществе политика будет разрабатываться с осознанием того, что «история имеет значение» и что прошлое может как ограничивать, так и открывать возможности для будущего. Это не означает, что мы можем учиться у истории напрямую. Однако если мы хотим сохранить то, что есть хорошего в любом обществе, и стремиться улучшить его, мы должны смотреть на долгосрочные и краткосрочные социальные, культурные, политические, демографические и экономические процессы, которые вызвали их к жизни; мы должны видеть, что эти процессы нельзя остановить в любой момент, а они будут продолжать развиваться и порождать дальнейшие изменения в будущем. Хотя эти процессы — продукт человеческой деятельности, они также бесконечно сложны и наше представление о них никогда не может быть исчерпывающим; следовательно, попытка улучшить общество не должна быть попыткой навязать ему любой возможный проект, скорее, он должен, в случае необходимости, быть скорректирован в свете нового опыта.

Такое понимание смысла истории не исключает утверждения ценностей, которые выходят за пределы определенных периодов, и утверждают, что общество, основанное на свободе и равенстве, предпочтительней общества, базирующегося на тяжелом труде и эксплуатации. Для феминисток эти вневременные ценности включают убеждение, что женщины и мужчины имеют равные человеческие достоинства и что общество должно быть соответственно организовано. В то же время чувство истории позволяет нам видеть наши собственные роли и идентичности в качестве мужчин и женщин как имеющие историческое происхождение, а не установленные природой, и поэтому они поддаются изменению.

«Хороший» смысл истории должен также включать заботу о будущем, которая выходит за пределы нашего личного счастья или жизни, чтобы охватить благосостояние будущих поколений. Эта «порождающая темпоральность», скорее всего, вступает в противоречие со стремлением к краткосрочной прибыли, характерной для рыночного капитализма, связывая индивидуальное с коллективным, она выходит за пределы видения жизни Хайдеггером как знания о собственной смертности. «Порождающая темпоральность» также включает в себя ответственность за окружающую среду и осведомленность о катастрофическом влиянии современ-

ных моделей потребления и неконтролируемого экономического роста. Как уже говорилось в предыдущих главах, хотя некоторые феминистки связывают чувство преемственности и связи с миром природы с репродуктивным потенциалом женщин, мужчины также могут разделить эти темпоральные представления. В феминистской «ухронии» это было бы «нормальным», и такое общество осознает, что планирование будущего может быть связано с некоторыми жертвами в настоящем.

Это не означает, что теперешнее благосостояние граждан и их детей не имеет значения. В самом деле, внимание к «здесь и сейчас» — это необходимая контрмера к любым «окончательным решениям», считающим индивидов «расходным материалом» во имя прекрасного будущего и безжалостного экспансионизма, свойственного капиталистическому производству. В феминистской ухронии производительный труд был бы полезным и/или творческим, а не просто средством получения прибыли, дохода или статуса, а социальные расходы не рассматривались бы просто как инструментальное инвестирование в будущих работников, но и как улучшение их теперешнего благосостояния самого по себе. В более общем плане ответственная забота о будущем будет уравниваться тем, что у нас есть и от чего получаем удовольствие сейчас.

Темпоральная/ые культура/ы

Эти выводы делают понятными соображения, что темпоральная культура, необходимая феминистской ухронии, не просто приравнивает время к деньгам и не будет пытаться свести все аспекты жизни к соображениям экономической эффективности. Скорее, она будет признавать, что человеческие отношения и обеспечение заботы высокого качества имеют свои собственные, медленные, повторяющиеся и непредсказуемые ритмы и что обязанности по уходу часто принимают форму прерывистого процесса или просто «пробывания там», а не комплекса мероприятий, ведущих к идентифицируемым результатам. Такая темпоральная культура не будет считать время абстрактной «вещью», которой индивиды могут владеть в отрыве от общества; скорее, время сначала должно быть порождено, и это часто связано с общими ритмами и потребностями.

Эта темпоральная культура будет во многом представлена «женским временем», обсуждаемым в восьмой главе. Тем не менее, такая темпоральная культура сама по себе может быть деспотической, и часовое время сохранит свое важное место. В частности,

оно обеспечит защиту против «женского времени», интерпретирующего все времена как реляционные, и предполагающего, что уход никогда не должен быть подотчетен часам, и что опекуны завалены нуждами других людей без каких-либо прав на время для себя самих. Что, следовательно, необходимо, не бездумное восхваление «женского времени», но темпоральная культура, сохраняющая равновесие между заботой о других с чувством собственного «я», и осведомленность о человеческой взаимозависимости с уважением отдельной индивидуальности; мы нуждаемся также в признании, как «естественных» ритмов, возникающих из человеческих отношений и потребность в координации часами общественных и частных обязанностей. Такая культура видит время как коллективный и индивидуальный ресурс; как ресурс его распределение подотчетно принципам справедливости и, соответственно, может регулироваться государством.

Как использование времени будет организовано и вознаграждено

В феминистской ухронии время будет организовано и вознаграждено в соответствии с рядом взаимосвязанных основополагающих принципов, а именно: время, затраченное на заботу о других, представляет собой важный вклад в общество; забота — это нормальная обязанность для всех граждан, такая же, как работа и участие в волонтерских, общественных или политических группах; компетентные взрослые, как правило, несут ответственность за собственную домашнюю работу. Как и в «мысленном эксперименте» Нэнси Фрейзер (см. пятую главу), от всех граждан ожидается умение комбинировать работу и заботу так же, как участие в общественной и политической деятельности. Неоплачиваемая домашняя работа будет равномерно распределяться. Такое общество будет расширять классический социалистический принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям» на сферу неоплачиваемой работы, традиционно исполняемой женщинами, тем самым эффективно покончив с гендерным разделением труда и разрушив связь между заботой и экономической зависимостью как для поставщиков, так и получателей заботы. В ухронии также будет рассматриваться оплачиваемая занятость как второстепенная по отношению к заботе, а не наоборот (Williams, 2005). Хотя некоторое экономическое неравенство может остаться, оно, тем не менее, бу-

дет значительно меньше, чем сегодня в США и Великобритании. «Нормальность» опыта дающих заботу будет также означать, что этот опыт будет распространен среди самих политических лидеров и творящих политику, и его ценность будет формировать политические дебаты.

Эти общие принципы могут быть поддержаны рядом политических альтернатив с участием разнообразных функций государства, рынка, гражданского общества, семьи, индивидов. Однако они будут меняться в зависимости от предшествующей истории общества; ясно, что в феминистской ухронии право граждан на предоставление и получение заботы высокого качества будет слишком дорогим, если оставить его на откуп рынку. Не только опекуны будут экономически хорошо вознаграждаться, но они также будут рассматриваться в качестве ответственных профессионалов, которым можно доверить расходование своего времени в зависимости от потребности их работы; как обсуждалось ранее в этом подразделе, это может включать нематериальные, медленные процессы, которые не поддаются соображениям экономической эффективности и измерению результатов. Исходя из того, что забота рассматривается как коллективная, так и индивидуальная обязанность, — она будет экономически поддерживаться государством независимо от того, является ли это выплатой надлежащей заработной платы для тех, кто обеспечивает заботой семью, позволением взрослым получателям помощи покупать необходимый им уход, непосредственным предоставлением услуг, субсидированием рыночного обеспечения, финансированием волонтерских организаций или какой-либо комбинацией из указанных выше позиций.

Государство будет также регулировать рабочее время, учитывая, что работники — это еще и опекуны, нуждающиеся во времени для заботы о своих родственниках и друзьях или участия в различных общественных организациях и неформальных общественных группах. Хотя некоторые люди могут не иметь наклона или навыков для заботы о других, побуждающие структуры общества будут поощрять их к приобретению таких навыков в меру своих природных задатков. В таком обществе тот, кто тратит 60 часов в неделю на оплачиваемую занятость, будет считаться безответственным гражданином, пренебрегающим своими социальными и гражданскими обязанностями, и кто, скорее всего, «ездит зайцем» на домашней работе других. Аналогичным образом карьеры будут строиться вокруг взаимосвязанных представлений о том, что баланс времени, затраченного каждым индивидом на различные виды работы, досуга и политического взаимодействия, будет меняться в течение жизни, и что они будут на определенном этапе жизни ну-

ждать или желать уменьшить часы своего рабочего времени, взять перерыв в своей оплачиваемой занятости или организовать свою оплачиваемую занятость вокруг темпоральных требований беременности, рождения ребенка, вскармливания или менструации.

Так как деятельность по заботе будет экономически поддерживаемой и широко распространенной, а опекуны не являются отдельной группой и поэтому будут иметь равный доступ к «свободному времени», которое граждане смогут использовать или для своего досуга, или для дополнительных заработков (см. третью главу). Гражданам это также поможет использовать свое время, как они хотят, а центральные и/или местные власти смогут так скоординировать часы работы школ, магазинов, банков и общественных институций, чтобы это было в наиболее удобное время для их сотрудников и общественности. В соответствии с принципом справедливости Роулза, любое неравенство должно быть в пользу наиболее обездоленных — особое внимание будет уделяться потребностям одиноких родителей и тех, кто обеспечивает заботу о взрослых родственниках; они смогут получать коллективную поддержку в том, что рассматривается как коллективная ответственность, и не ожидается, что с этими обязанностями они должны справляться самостоятельно.

Время/на, которое/ые у нас есть

Общество, представленное в предыдущем подразделе, явно несовместимо как с индивидуалистическими, рыночными представлениями, которые доминируют в либеральных социальных режимах, особенно в США, так и с традиционными гендерными обязанностями и правами, которые подпирают социальное обеспечение в большинстве стран континентальной Европы. Хотя социал-демократические страны Скандинавии разделяют многие из этих ценностей, они также содержат противотечения и некоторые политические результаты, имеющие непреднамеренные последствия. Эти вопросы будут исследоваться далее в оставшейся части этой главы.

Темпоральные перспективы

Все капиталистические общества содержат в себе встроенные стремления к изменениям и инновациям, работающим в связи с не-

обходимостью поддержания конкурентоспособности по отношению к соперникам, что ориентирует их на краткосрочные перспективы. В этом контексте экономический рост, бесспорно, является хорошим, всякая мысль о замедлении или его задержке в настоящее время нереальна и стремление к максимизации прибыли требует интенсификации эксплуатации. Так как скорость изменений возрастает, потребление также становится быстротекущим проектом в отрыве от удовлетворения конкретных потребностей, с неугомонным стимулированием потребительского интереса одноразового общества, воплощенным в лозунге одного из британских магазинов: «Вы видите это, вы хотите это, вы покупаете это, вы забыли об этом». Хотя чувство прошлого по-прежнему сильно во многих частях мира и часто используется для разжигания этнических и религиозных конфликтов, это тоже идет вразрез с логикой капитализма, не оставляющей места традициям и уважению к прошлому, как говорил Маркс в «Манифесте коммунистической партии»: «Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окопестеть. Всё словесное и застойное исчезает...» (1967 [1848], p. 125).

Как уже упоминалось в третьей главе, западные страны пережили борьбу с давлениями явной капиталистической логики, которая была модифицирована на протяжении многих лет, частично в ответ на требования профсоюзов. Сегодня страны Скандинавии выделяют их устойчивостью к «гонке на понижение», выбирая взамен этого для поддержания конкурентоспособности инвестиции в высококвалифицированную и образованную рабочую силу. Подобное понимание необходимости строить планы на будущее лежит в основе идей «государства социального инвестирования» (см. третью главу). В более общем плане, поскольку потенциально катастрофические последствия изменения климата становятся все более очевидными и незамедлительными и оказывают неблагоприятное влияние как на богатых, так и бедных, необходимость в принятии определенного контроля над будущим обретает все более широкое признание, даже среди самых консервативных кругов.

Эти конкурирующие экономические темпоральности порождают конкурирующие политические влияния, и политики стараются удерживать баланс своего собственного понимания, что необходимо сделать, чтобы победить на следующих выборах: как соединить интересы мощных экономических групп, вступающих в противоречия с осознанными интересами избирателей? Политические расчеты избирателей также часто связаны с противоречиями долго- и

краткосрочных интересов, к примеру, желание низкого налогообложения и дешевых авиаперелетов наталкивается на стремление к обеспеченной старости и меры по борьбе с глобальным потеплением. В общем, коллективистская идеология, лежащая в основе социал-демократических государств, является более благодатной для идеи о планировании будущего, чем индивидуалистическая, а порой фаталистическая, враждебная к вмешательству государства идеология, определяющая либеральный режим США, рассматривающая рынок как неизбежную силу природы, а не продукт человеческой истории. Хотя очевидно, что это верование имеет не только светские корни, идея, что мы можем и должны строить планы на будущее, идет вразрез с теми религиозными группами, которые считают, что замыслы Бога будут выполнены независимо от деятельности человека или что Судный день близок.

Темпоральная/ые культура/ы

Во многих сферах занятости требования «время-деньги» капиталистической культуры становятся все более строгими, как и стремление к «эффективной экономии», соединенное с бюрократическим контролем качества, оставляют мало послаблений в системе и немного возможностей для работников определить свой собственный темп работы в соответствии с рабочими заданиями или собственными биологическими и социальными потребностями.

Платные услуги по уходу не были застрахованы от этих давлений, еще более осложненных растущим спросом на услуги по уходу, вызванного старением населения, изменением структуры семьи и увеличением занятости женщин. Хотя модели ее предоставления отличаются в зависимости от типа режима, существует также общее движение в сторону американской модели рыночного обеспечения коммерческими организациями, а обеспечение заботы, остающееся в руках общественных институций, подлежит все более строгим финансовым ограничениям и контролю (Knijn, 2000; Glendinning and Kemp, 2006). Это означает, что столкновение темпоральных культур, присущих оплачиваемой деятельности по заботе, все более обостряется с наложением бюрократической рациональности экономии средств на медленные, не всегда осязаемые процессы, включенные в заботу о других. Результат этого — стресс и снижение удовлетворенности своей работой для тех, кто предоставляет такие услуги, и более низкое качество заботы. Продолжающееся увеличение занятости женщин к тому же означает, что

требования часового времени распространяются и на их семьи, а их семейная и личная жизнь должны быть организованы вокруг работы и все большим количеством домашних заданий наполняется любой свободный период времени. Это распространение темпоральной дисциплины капитализма усугубляется нестабильностью рабочих мест, ожиданием от работников все большей продуктивности в сжатые сроки, независимо от их семейных обязанностей, или неудобными часами работы как части их стандартного трудового договора, а не как вышеоплачиваемыми сверхурочными часами (Rubery et al., 1998; Crompton, 2005). В результате усиливается напряженность, переживаемая наиболее остро женщинами, так что современное «женское время» в доме и на работе — это «испытанный индекс противоречий капиталистической современности» (Watts, 1998, p. 14) и женщины сегодня пытаются «соединить в одном лице деятельность, регулируемую разными моделями времени» (Boyd, 2002, p. 469, процитировано за Naavind and Andenaes). Хотя в большинстве западных стран, в отличие от США, сегодня проводится официальная политика в сфере занятости, связанная с гибким графиком работы и декретным отпуском, помогающая соединить семью и оплачиваемую занятость, — это не бросает вызов приоритетности, закрепленной за рабочим временем, и на практике, гибкость рабочего времени отдана на усмотрение работодателя. Кроме того, риторика баланса «работа-жизнь» часто используется для легитимации такой политики, которая сама олицетворяет темпоральную культуру капитализма, предполагающую, что труд — это не часть жизни, а всего лишь средство заработать деньги.

Как использование времени организовано и вознаграждается

Хотя есть четкие и существенные различия между странами и внутри обществ, некий гость с Марса не ошибся бы, думая, что время в современных социальных государствах остается организованным вокруг трех базовых принципов: мужчины и женщины должны специализироваться на разной деятельности, мужское время должно лучше вознаграждаться, а те, кто тратит свое время на заботу о других, должны быть экономически, социально и политически наказаны.

Таким образом, хотя гендерная специализация в современных социальных государствах сегодня, как правило, не включает про-

стую модель мужчина-добытчик/женщина-зависимый опекун, эта модель получила некоторые «вмятины», но не была отменена полностью, поэтому мужчины по-прежнему остаются основными кормильцами семьи, а женщины — полностью или частично материально зависимыми от них домохозяйками. Хотя большинство женщин имеют оплачиваемую занятость, они, как правило, делают все, чтобы подогнать ее к своим семейным обязанностям, а мужчины — наоборот. Это означает, что женщины составляют большую часть временных работников; тут присутствует и высокий уровень профессиональной сегрегации: с женщинами, диспропорционально занятыми в сфере обслуживания, и государственном секторе.

Неоплачиваемый характер большинства женской работы является очевидным источником их экономического неравенства, приводя их к сильной зависимости или от своего мужа, или государственных пособий. В рамках рынка труда профессии, связанные с женщинами, в основном, менее оплачиваемые, чем те, где доминируют мужчины; женщины меньше, чем мужчины, занимают руководящие должности и их неполный рабочий день очень часто связан с низкой почасовой ставкой оплаты труда, плохими условиями труда и отсутствием перспектив карьерного роста. За исключением стран Скандинавии, государственная политика не старается изменить низкой оценки оплачиваемой заботы, как правило, игнорирует важность неоплачиваемой заботы и ожидает, как это существует в США, что матери-одиночки должны выходить на оплачиваемую занятость, даже если их ребенок еще очень маленький. В более общем плане неспособность увидеть, что женские традиционные обязанности никуда не исчезают, если они заняты в сфере оплачиваемой занятости, усиливают давление, как на женщин, так и на их семьи.

Отсутствие финансовых ресурсов, требующихся для участия в политике, обычно наиболее остро стоит для домохозяек, некоторые из них объединяются в сети (часто основанные еще на их старой работе или профсоюзом), облегчающие доступ к тем, кто принимает решения. Многие работающие неполный рабочий день также ощущают на себе эти ограничения, а низкая заработная плата также ограничивает политические возможности для многих женщин, работающих полный рабочий день. Как отмечалось на протяжении всей книги, гендерное разделение времени к тому же создает неравенство в доступном или свободном времени, что оставляет многим женщинам очень мало времени для политической деятельности, а все это вместе с их экономическим неравенством вносит свой вклад в незначительное политическое представительство женщин в большинстве стран мира.

Отсюда — туда

Темпоральные представления, культура и практики, лежащие сегодня в основе западных социальных государств, конституируют различные типы темпоральных режимов, часто диаметрально противоположных, от предусмотренного феминистской ухронией (на одном полюсе), с тем, что существует на данный момент в США (на противоположном). Тем не менее, темпоральные режимы никогда не бывают статичными или едиными, они постоянно развиваются и являются объектом сложных и часто противоречивых сил, предоставляющих возможность для прогрессивных изменений. В подразделе определяются некоторые из этих сил и признаки перемен, прежде чем будут указаны стратегии, которые могли бы опираться на них.

Источники сил и признаки перемен

Часть вызовов, перед которыми сегодня находятся социальные государства, связаны с материальными экономическими условиями, вытекающими из противоречий между продуктивными и (вос)производственными нуждами общества (см. главу седьмую, где обсуждались эти термины). Модели мужчины-кормильца, находящейся в основе социальных государств на протяжении всего 20-го века, удавалось сглаживать эти противоречия за счет женской экономической зависимости и недостаточного использования их навыков. Сегодня женщины являются существенной частью квалифицированной и неквалифицированной оплачиваемой рабочей силы, но общества, по очевидным причинам, не смогут существовать, если большинство их членов не будут иметь детей, без женской традиционной заботы, выполнения домашней и эмоциональной работы. Тем не менее, похоже, что в обществах, где их традиционные роли не поддерживаются доступностью ухода за детьми или гибкой занятостью, образованные молодые женщины все чаще не хотят терять свою экономическую независимость или соединять свою карьеру с семьей, и выбирают бездетность, а те, кто сделал другой выбор, все чаще переживают ужасный стресс.

Социальная и экономическая цена стресса, вызванного работой, снижение численности населения, утраата или недоиспользование квалифицированных работников и все возрастающий «дефицит заботы» означают, что работодатели имеют собственный коллектив-

ный интерес в создании более «дружественных к семье» условий занятости и предоставлении определенных услуг, например, ухода за детьми для своих работников. Хотя некоторые «хорошие» работодатели предоставляют такие условия труда, другие не могут себе позволить таких краткосрочных затрат, и первые, скорее всего, будут повержены менее порядочными или более дальнозоркими конкурентами. Поэтому государственное регулирование условий труда необходимо, чтобы заставить самих работодателей действовать во имя их же долгосрочных интересов. Как писал Маркс, «они жалуются на правительство всякий раз, когда оно ограничивает их свободу, и в то же время требуют, чтобы правительство предотвратило неизбежные результаты этой свободы» (цитируется за Taylor, 2005, p. 65). Это означает, что тенденции западных социальных государств поддерживать работников с обязанностями по уходу, предоставляя или субсидируя услуги по уходу и/или «дружественные к семье» условия занятости, частично обусловлены потребностями экономики, даже если такие меры направлены против работодателей.

В дополнение к напряженности между долго- и краткосрочными продуктивными и (вос)производственными потребностями мир сегодня стоит перед кризисом, так как краткосрочная логика накопления капитала не учитывает долгосрочных экологических последствий неограниченного роста «капитализм против планеты» (Callinicos, 2003, p. 21). Хотя капиталистические предприятия имеют общий интерес в уменьшении экологических загрязнений, они к тому же имеют непосредственный интерес в сокращении собственных расходов.

Поэтому любое значительное сокращение потребует эффективных международных соглашений и регулирующего контроля; как и с условиями занятости, предприниматели, в конечном итоге, выиграют от такого контроля, несмотря даже на то, что многие из них выступают против него как ограничения их экономической свободы.

Более прямое давление за такой контроль исходит от экологических организаций. Некоторые индивиды также пытаются «действовать локально, мыслить глобально», делая шаги для уменьшения их собственного «следа углерода» или избегают стресса, вызванного доминантой «работай и трать» темпоральной культуры, выбирая сознательное «понижение» своего статуса. Хотя это явно не вариант для тех, кто и так живет ниже или около черты бедности и на кого давит высокий уровень потребления, который сложно преодолеть. Мейксинс и Уолли (Meiksins and Whalley, 2002) утверждают, что такие индивиды могут выступать в качестве моделей для подражания и добавлять моральную силу более абстрактным рассуждениям. Их идеи к тому же находят более коллективное выражение

и поддержку. Например, Джульетта Шор (Juliet Schor), упомянутая нами в третьей главе, является одним из основателей Новой американской мечты (New American Dream), — организации, которая «помогает американским потребителям ответственно относиться к защите окружающей среды, повышению качества жизни и содействию социальной справедливости» (www.newdream.org), а международное Медленное движение (Slow Movement) стремится отказаться от быстрого темпа современной жизни и дать людям возможность снова слиться с «миром природы и ритмами вокруг нас» (www.slowmovement.com/). В параллельном движении LETS (местные схемы биржевой торговли — local exchange trading schemes) и банках времени, через которые люди могут обмениваться временем и трудовыми навыками, а не деньгами, становятся новой важной формой организации сотрудничества на государственном и международном уровне (www.letslinkuk.net; www.timebank.org.uk). Эти все события бросают вызов культуре «время это деньги», а более широкое беспокойство общественности по поводу загрязнения окружающей среды и изменения климата предполагает, по крайней мере, частичный переход к более ориентированной на будущее темпоральной перспективе. Политики отвечают на эти запросы, даже в США, и это есть признание того, что большинство индивидов вряд ли отдадут приоритет экологии перед удовлетворением их непосредственных потребностей и благосостоянием, по-сему любое крупномасштабное изменение в поведении требует действий правительства для оказания конкретных стимулов и наказаний (таких, как налоги на топливо и перелет, субсидий на энергоэффективные автомобили или теплоизоляцию домов).

Есть аналогичные признаки того, что происходит сдвиг в общественном мнении в вопросах продвижения трудового законодательства во многих странах, и что политики стараются отвечать на эти, вызывающие беспокойство проблемы. В Британии, например, большинство граждан считает, что лучшая поддержка для работающих опекунов, в особенности отцов, является одним из приоритетов, и такая партийная политика по этому вопросу будет влиять на их голосование (ЕОС, 2006b). Таким образом, эти электоральные соображения могли повлиять на введение лейбористским правительством декретного отпуска по отцовству (сначала неоплачиваемого, а потом оплачиваемого) с 1997 года и помогли Тони Блеру решиться взять две недели декретного отпуска, когда он был премьер-министром; его примеру последовал и канцлер казначейства Гордон Браун. Сегодня даже Консервативная партия, в принципе, поддерживает «дружественные к семье» условия занятости, хотя лидер партии Дэвид Камерон (он также воспользовался правом на

декрет) считает, что это может быть достигнуто через наставления, а не с помощью законодательства.

Неудивительно: так как на женщин наиболее неблагоприятно влияют традиционные условия рабочего времени, именно женщины активно выступают за декретную реформу, предложенную лейбористами. Недавнее увеличение женского политического представительства и занятости на высоких должностях означает, что их взгляды все чаще учитываются при принятии политических решений, став важным источником для продвижения изменений. Многие женщины-политики к тому же поддерживают связь с феминистскими группами, включая такие известные организации, как Общество Фосетт (Fawcett Society) в Британии и Национальная женская организация в США, которые в настоящее время ставят приоритетом вопросы труда и времени. Такие группы все чаще выходят за рамки прежнего сосредоточения на женских потребностях, бросая вызов мужскому использованию времени и общей темпоральной культуре труда.

Хотя мужчины также страдают, если есть «дефицит заботы» в обществе, а некоторые уже давно поддерживают феминистские кампании, но пока только в Скандинавии идея — поведение мужчин нуждается в изменении — получила широкое признание. Тем не менее, некоторые из них независимо организуются в различные группы, такие как Отцовские наставления (Fathers Direct) (www.fathersdirect.com) для реализации своих прав на время для заботы о детях. Мужчины все чаще работают сообща с женщинами в профсоюзах, которые во многих странах считают достижение «баланса работа-жизнь» важным вопросом, имеющим отношение как к мужчинам, так и женщинам. Например, кампания «Это о времени», организованная Конгрессом объединенных профсоюзов (Trades Union Congress) в Британии, «имеет своей целью поставить удлиненное рабочее время и баланс работа/жизнь в верхнюю часть трудовой повестки дня» и преодолевает рамки «дружественных к семье трудовых отношений», указывая на потребность работников еще иметь время для обучения или участия в общественной жизни (www.tuc.org.uk/work_life/).

Взятые вместе, экономические, социальные, поведенческие, политические и законодательные изменения, которые обсуждались в этом подразделе, представляют собой мощный импульс для дальнейшего изменения и дадут нам новую исходную позицию, с которой можно будет бросить вызов как, в целом, доминирующей темпоральной культуре, так, в частности, и мужскому удлиненному рабочему времени. Эти процессы продвинулись дальше в Европе и Великобритании, чем в США. Тем не менее, призыв к изменениям

растет даже в США, многие требуют, чтобы правительство делало больше для поддержки работающих семей и стимулировало отцов играть более активную роль в семейной жизни. Как утверждают Горник и Майерс (2003), такие требования усиливаются европейским законодательством, показывающим, что условия труда, которые кажутся в США утопическими, являются стандартными в другой части мира.

Стратегии для изменений

Любую феминистскую стратегию для оспаривания способов использования, осмысления и вознаграждения времени необходимо начинать с понимания, что здесь не может быть единой стратегии: различные ситуации требуют различных ответов, разные женщины имеют разные потребности — единый подход не может разблокировать сложный комплекс взаимодополняющих идей и практик, которые поддерживают гендерное неравенство. Помимо этого, политические возможности во всех западных обществах остаются ограниченными взаимосвязанными моделями культурной и материальной власти и привилегий, которые систематически дают преимущества мужчинам как группе как в общественной, так и частной жизни и зависят от эксплуатации продуктивного и/или (вос)производственного труда большинства людей. Любые предположения, угрожающие сорвать эти модели, скорее всего, будут встречать сильный отпор. Тем не менее, эти модели и интересы, порождающие их, не являются постоянными и единообразными, но текучими, часто противоречивыми и по существу изменчивыми. Одним из последствий является то, что хотя государства, в целом, служат доминирующим интересам и не являются нейтральными инструментами, которые могут быть с легкостью использованы для достижения феминистских целей, они никогда не бывают статичными и всецело служащими репрессивным интересам класса или патриархального гнета. Нужно понимать, что существующие структуры и институты всегда предоставляют определенные возможности, но и препятствия, поему в оставшейся части подраздела рассматриваются некоторые возможные стратегии: переходя от более общих методов к рассмотрению более конкретных предложений по вопросам политики.

Пока политическое представительство женщин в органах власти остается на низком уровне, его увеличение есть ключевой задачей многих феминистских групп. Однако это не будет самоце-

лю, и независимые феминистские организации продолжают играть ключевую роль «за и против» государства, когда их количество возрастет (см. шестую главу). Феминистские организации не только помогут защититься от потенциальной коррупции и дерадикализирующего влияния власти, но также обеспечат ресурсами и каналом коммуникации женщин-политиков, связывая их с низовыми активистами и «обычными женщинами». Хотя эта книга исходит из того, что многие темпоральные интересы общие для всех женщин, она также признает существующие различия и источники противоречий среди женщин. Так, очевидно, что белые женщины среднего класса, имеющие до сих пор наибольшие политические достижения, имеют незначительное представление об опыте и знаниях менее привилегированных и более маргинализованных групп. Поэтому важно расширить круг женского представительства и поддерживать связь с местными группами не только в целях социальной справедливости, но и для разработки эффективной и работоспособной политики.

Во многих странах профсоюзы будут обязательным местом феминистской активности. Как пишет Нил Лоусон (Neal Lawson), «Мы не должны верить в теорию классово́й борьбы, чтобы признать, что интересы труда и капитала могут и будут вступать в конфликт и что коллективная организация является предпосылкой обеспечения индивидуальных прав трудящихся» (Lawson, 2006, p. 4). Хотя исторически профсоюзы часто отождествлялись с правами «рабочих», с правами мужчин-рабочих, они стали намного более открытыми в последние годы к феминистским требованиям и представляют собой важный форум, на котором мужчины и женщины могут выявить общие интересы и выразить солидарность с теми, кто противостоит другим формам угнетения. Поскольку современный рынок труда стает все более глобальным, защита и разработка надлежащей практики занятости и трудового законодательства логически предполагает работу над расширением интернациональности трудового права «не только во имя солидарности, но и ради осознанного личного интереса» (Lawson, 2006, p. 5), так как плохие условия занятости в одном месте, скорее всего, создадут давление на понижение заработной платы и условий занятости в другом.

Развитие Интернета означает, что не только хорошо обеспеченный ресурсами профсоюз, но и небольшие феминистские группы имеют беспрецедентную возможность для развития международных связей, диалога и стратегий (см. шестую главу). Некоторые из них уже получили поддержку от транснациональных форумов и наднациональных директивных органов вроде Европейского Союза и Организации Объединенных Наций. Некоторые феминистские

проблемы, включая «цепочки заботы», также были артикулированы в рамках глобальных антикапиталистических движений; как уже отмечалось ранее в этой главе, кампании по защите окружающей среды, в которых женщины также участвуют, неизбежно поднимают вопрос о доминирующих временных рамках глобального капитализма.

Хотя глобальные проблемы не могут быть решены отдельными странами в изоляции от международного сообщества, государственные инициативы и политики также имеют свои собственные внутренние импульсы и последствия. Как уже отмечалось в этой книге, «история имеет значение», и политика, успешная в одном обществе, вызовет сопротивление в другом или будет иметь контрпродуктивные последствия. Совершенно очевидно, что тот вид коллективной поддержки работы по уходу, который обеспечивается в странах Скандинавии, зависит от длительной социал-демократической традиции, основанной на идеалах равенства и солидарности, убеждении, что государство может быть использовано для достижения этих целей и приверженности к щедрой и универсальной системе социального обеспечения, финансируемой посредством налогообложения. Эта традиция имеет длительную историю коллективного ухода за детьми и социальной поддержки. В отличие от этого, в США доминирующая идеология выступает против вмешательства государства, делая акцент на индивидуальных усилиях и опоре на собственные силы, а не на коллективную ответственность, а поэтому «предлагает худшие условия по уходу за детьми, чем любая другая индустриализированная страна» (Williams, 2000, p. 49).

Тем не менее, в этой книге утверждается, что институты и идеологии никогда не являются целостными или статическими, так что задача для феминисток состоит в определении критических точек, уязвимостей и возможностей для изменений, ими предоставленных. Выше в этом подразделе мы уже пытались сделать это. Признание того, что «мы начинаем отсюда», также указывает, что феминисткам предпочтительнее сосредоточиться на выявлении общностей и точек соприкосновения, которые могли бы выступить «дискурсивными мостами» (Purkis, 2004) между феминистками и другими группами, чем пытаться победить враждебную политическую идеологию с одного наскока. Например, Горник и Майерс утверждают, что было проведено три «пересекающиеся, но удивительно различные обсуждения о работе и семье в США». Они указывают, что широко распространенное беспокойство по поводу благополучия детей и проблем, с которыми сталкиваются работающие женщины, могут вступить в резонанс с феминистскими ут-

верждениями о гендерном неравенстве в доме, так что различные избиратели могут сойтись на «общем представлении, что как занятость, так и забота ведут к благосостоянию ребенка и гендерному равенству», и смогут договориться, чтобы установить такие принципы, которые смогут в итоге сделать возможным общество, где в семьях одновременно будет два кормильца и два опекуна. В частности, они утверждают, что «усиление роли американского правительства может найти свое оправдание через инвестиции в здоровое развитие детей и как средство для более справедливого распределения расходов на обеспечение заботы» (Gornick and Meyers, 2003, pp. 2, 17). Аналогично, Вайт (White, 2003) утверждает, что существующие убеждения о свободе и самоусовершенствовании могут быть использованы в качестве точки соприкосновения для разработки его собственной идеи о «взаимности» («reciprocity») и связанных убеждений, что воспитание должно быть поддержано как одна из форм гражданского труда (к этому мнению он приходит самостоятельно, независимо от любых влияний феминистской мысли). Схожую тактику предложила и Джоан Уильямс (Joan Williams, 2000). Используя широко уважаемый язык равных прав и возможностей, она утверждает, что маргинализация матерей на рынке занятости, требующего длительной сверхурочной работы, — это формы незаконной дискриминации по признаку пола, и то, «что нам нужно, не временное освобождение от занятости для ухода за детьми, но реструктуризация рынка труда, с учетом законных нужд семейной жизни... и новая теория права, определяющая современные структуры рынка труда как дискриминацию в отношении женщин» (Williams, 2000, p. 3).

Хотя их политика меняется, очевидно, что страны Скандинавии в целом гораздо ближе к феминистской ухронии, предложенной в этой главе, чем любые другие страны в мире, и может даже показаться, что феминистки здесь находятся в привилегированной позиции чутко настроенной поддержки заботы и эгалитарного общества, о чем другие могут только мечтать. Тем не менее, ряд значительных проблем остается и здесь, как уже обсуждалось в шестой и девятой главах, некоторые, несомненно, прогрессивные политические шаги имеют ряд непреднамеренных результатов. С увеличением эмиграции усложняется поддержка универсалистской политики, обеспечивающей высокий уровень социальных льгот для всех граждан.

Разрабатывая конкретные политические предложения или даже более отдаленные «списки пожеланий», феминистки во всех обществах должны решить проблему, как удовлетворить насущные потребности женщин, не рассматривая их как «особый слу-

чай», и как поддержать и вознаградить работу, традиционно ими выполняемую, без предположения или подтверждения их единоличной ответственности за нее. К примеру, многие женщины воспользовались выгодами от политики, разрешающей им уходить в декретный отпуск без потери своего места работы, но обнаружили, что перспективы их карьерного роста от этого пострадали, а работодатели вообще могут отказываться брать на работу тех, кто может взять такой тайм аут. Важно также понимать, что политика работает на нескольких уровнях и что она может иметь как краткосрочные, так и долгосрочные последствия в изменении привычек, законов или поведенческих взаимодействий. Например, резервирование периода оплачиваемого декретного отпуска за мужчинами не только обеспечивает практическую поддержку для семей, но также переопределяет традиционное понимание отцовства и мужественности, помогая обеспечить, чтобы время ухода, ценности и представления, ассоциированные с ним, не являлись исключительно «женским временем». Так как «создание гендера» отцов будет происходить в нетрадиционный способ, это может поощрять более эгалитарные позиции среди опекаемых ими детей, порождая комплексный сдвиг в гендерных ролях, идентичностях и темпоральных нормах.

Исходя из этих соображений, большинство феминисток найдут следующие предложения, в принципе, относительно беспроблемными, хотя некоторые из них гораздо более достижимы в одних обществах, нежели в других.

- Условия занятости неполный рабочий день должны быть хорошими, и такая занятость должна быть нормальной как для мужчин, так и для женщин.

- Все работники должны иметь право на оплачиваемый ежегодный отпуск хотя бы четыре недели, и продолжительность рабочего времени должна быть ограничена максимумом 48 часов в неделю, с прицелом на его дальнейшее сокращение. Современные нормы Европейского Союза по этому вопросу должны быть расширены и усилены. Работающие не обязаны считать правилом работать больше этого, без специального на то уведомления.

- Программы отпуска по беременности и родам должны следовать исландской модели, в которой три месяца из девятимесячного отпуска зарезервированы за мужчинами, а три — за женщинами, а оставшаяся треть доступна для любого из родителей.

- Политика в области занятости и пенсионных пособий должна быть основана на предположении, что работники, как правило, желают работать сокращенный рабочий день или взять отпуск в любое удобное для них время. Например, отпуск для учебы и время

для гражданской и волонтерской деятельности, так же как и по семейным обязанностям.

- Те, кто предоставляет платные услуги по уходу, будут рассматриваться в качестве специалистов с нагрузкой, исходящей из того, что качественный уход не может быть предоставлен быстро, но включает в себя отнимающий много времени процесс налаживания человеческих отношений. Это означает, что обеспечение заботы не будет коммерчески успешным, поэтому должно быть предоставлено или субсидировано как общественные услуги.

- Качественные, доступные услуги по уходу за детьми должны быть обеспечены тем, кто в них нуждается. Хотя они будут гибкими, но они не должны способствовать удлинению рабочему дню родителей.

- Государство будет поддерживать право на получение и предоставление качественной помощи, так что ни ее получатели, ни ее представители не будут находиться в нищете и/или персональной зависимости. В рамках этого, будет признано, что некоторые опекуны могут оказывать помощь в специально для этого отведенных местах, но это также будет не всегда уместно.

- Высокий уровень минимальной заработной платы будет эффективным средством для уменьшения гендерного разрыва. В частности, те, кто предоставляет платные услуги по уходу, сразу же выиграют от этого.

- Центральные и местные органы власти нуждаются в чем-то похожем на «мышление по цепочке» («joined-up thinking») вокруг школьных занятий, графиков работы, часов работы правительственных организаций, магазинов, банков, возможностей досуга и времени общественных мероприятий.

- Исследования использования времени должны по-прежнему проводиться на регулярной основе, так как это способ привлечения внимания к ценности неоплачиваемой работы и мониторинг изменений в ее распределении. Однако их ограничения должны быть полностью осознаны (см. девятую главу).

Эти политические предложения не являются оригинальными; они только очерчены по краю проблем, определенных в этой книге, и они явно оставляют много нерешенных противоречий. Тем не менее, они представляют собой попытку связывать стратегические и практические интересы, бросающие вызов нормальности мужским жизненным моделям, ценностям, связанным с их деятельностью, и способам разделения времени между оплачиваемой работой, неоплачиваемой, гражданской активностью, досугом и потреблением.

Заключительные замечания

Эта книга была подкреплена двумя связанными аргументами: (1) способы использования, оценки и понимания времени в современных капиталистических обществах играют центральную роль в поддержании гендерного неравенства в общественной и частной жизни и (2) мужчины, как и женщины, терпят ущерб из-за этого процесса. Продуктивные и (вос)производственные потребности общества все в большей мере вступают в противоречие, и темпоральная культура последних более чем когда-либо начинает определяться первыми, разрушительный эффект таких современных практик становится все более очевидным.

Стресс и ощущение «временного голода» — постоянный спутник затравленной и «спешашей» культуры удлинённого рабочего дня/высоких скоростей, однако не неизбежный признак общества, но такой, который поддается оспариванию и изменению. Для этого нам необходимо восстановить значение времени, неизмеримого часами; неизбежность естественных физических ритмов и ценность человеческих отношений. Интегральная природа противоречий и напряжений, стоящих перед нами, означает, что мы, на самом деле, можем приближаться к некоей критической точке. Если это так, то сейчас, может быть, время для изменения самого времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Abbott, A.* (2001) *Time Matters*, Chicago, IL and London: University of Chicago Press.
- Ackelsberg, M. and Shanley, M.* (1996) 'Privacy, publicity and power: a feminist rethinking of the public-private distinction', in N. Hirschmann and C. Di Stefano (eds) *Revisioning the Political: Feminist Reconstructions of Traditional Concepts in Western Political Theory*, Boulder, CO and Oxford: Westview Press, pp. 213—33.
- Ackerly, B. and Okin, S.* (1999) 'Feminist social criticism and the international movement for women's rights as human rights', in A. Shapiro and C. Hacker-Cordon (eds) *Democracy's Edges*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 134—62.
- Adam, B.* (1988) 'Social versus natural time, a traditional distinction re-examined', in M. Young and T. Schuller (eds) *The Rhythm of Society*, London and New York, NY: Routledge, pp. 198—226.
- Adam, B.* (1989) 'Feminist social theory needs time', *The Sociological Review*, vol 37, pp. 458—73.
- Adam, B.* (1990) *Time and Social Theory*, Cambridge: Polity.
- Adam, B.* (1995) *Timewatch. The Social Analysis of Time*, Cambridge: Polity.
- Adam, B.* (2004) *Time*, Cambridge: Polity.
- Age Concern* (2006) *Hungry to be Heard: The Scandal of Malnourished Older People in Hospital*, London: Age Concern.
- Alfredsson, K.* (2006) *Children Playing ... Mothers Working* (www.sweden.se, 18/01/07).
- Ali, S., Coate, K. and Goro, W.* (eds) (2000) *Global Feminist Politics. Identities in a Changing World*, London and New York, NY: Routledge.
- Aliaga, C.* (2006) *How is the Time of Women and Men Distributed in Europe?*, Luxembourg: Eurostat.
- Andersen, J., Guillemard, A., Jensen, P.H. and Pfau-Effinger, B.* (eds) (2005) *The Changing Face of Welfare: Consequences and Outcomes From a Citizenship Perspective*, Bristol: The Policy Press.
- Andersen, M.* (2005) 'Thinking about women: a quarter century's view', *Gender and Society*, vol 19, no 4, pp. 437—55.
- Andersen, R., Curtis, J. and Grabb, E.* (2006) 'Trends in civic association activity in four democracies: the special case of women in the United States', *American Sociological Review*, vol 71, no 3, pp. 376—400.
- Anderson, B.* (2001) 'Just another job? Paying for domestic work', in

- C. Sweetman (ed) *Gender, Development and Money*, Oxford: Oxfam.
- Antrobus, P.* (2004) *The Global Women's Movement. Origins, Issues and Strategies*, London: Zed Books Ltd.
- Arneil, B.* (1999) *Politics and Feminism*, Oxford: Blackwell.
- Aziz, R.* (1997) 'Feminism and the challenge of racism: Deviance or difference?', in H. Mirza (ed) *Black British Feminism: A Reader*, London and New York, NY: Routledge, pp. 70—7.
- Babb, P.* (2005) *Measurement of Social Capital in the UK*, London: Office for National Statistics.
- Baden, S. and Goetz, A.* (1997) 'Who needs [sex] when you can have [gender]? Conflicting discourses on gender at Beijing', *Feminist Review*, no 56, pp. 3—25.
- Balakrishnan, A.* (2006) 'Workers abroad send poor families more money than world aid donors', *The Guardian*, 27 July.
- Balbo, L.* (1987) 'Crazy quilts: rethinking the welfare state debate from a woman's point of view', in A. Sassoon (ed) *Women and the State: The Shifting Boundaries between Public and Private*, London: Hutchinson, pp. 45—71.
- Barrett, M. and Phillips, A.* (eds) (1992) *Destabilizing Theory. Contemporary Feminist Debates*, Cambridge: Polity.
- Bartowski, F.* (1989) *Feminist Utopias*, Lincoln, NE and London: University of Nebraska Press.
- Basso, P.* (1998) *Modern Times, Ancient Hours: Working Lives in the Twentyfirst Century*, London and New York, NY: Verso.
- Baxter, J.* (2000) 'The joys and justice of housework', *Sociology*, vol 34, no 4, pp. 609—31.
- Baxter, J. and Western, M.* (1998) 'Satisfaction with housework: examining the paradox', *Sociology*, vol 32, no 1, pp. 101—20.
- Beneria, L.* (2001) 'The enduring debate over unpaid labour', in L. Beneria with S. Bisnath (eds) *Gender and Development: Theoretical, Empirical and Practical Approaches*, vol 1, pp. 249—71.
- Benn, M.* (1998) *Madonna and Child: Towards a New Politics of Motherhood*, London: Jonathan Cape.
- Bergman, H. and Hobson, B.* (2002) 'Compulsory fatherhood: the coding of fatherhood in the Swedish welfare state', in B. Hobson (ed) *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 92—124.
- Bergman, S.* (ed) (1991) *Women's Studies and Research on Women in the Nordic Countries*, Turku, Finland: Painotalo Gillot Og.
- Bianchi, S., Robinson, J. and Milkie, S.* (2006) *Changing Rhythms of American Family Life*, New York, NY: Russell Sage.
- Bianchi, S., Milkie, M., Sayer, L. and Robinson, J.* (2000) 'Is anyone doing the housework? Trends in the gender division of household labour', *Social Forces*, vol 79, no 1, pp. 191—228.
- Bittman, M.* (2004) 'Parenting and employment: what time-use surveys show', in N. Folbre and M. Bittman (eds) *Family Time: The Social Organization of Childcare*,

- London and New York, NY: Routledge, pp. 152—70.
- Bittman, M. and Wajcman, J.* (2000) 'The rush hour: the character of leisure time and gender equity', *Social Forces*, vol 79, no 1, pp. 165—89.
- Bittman, M., Brown, J. and Craig, L.* (2005) 'Part-time work and time for care: the consequences of four policy designs', Paper presented at the 27th IATUR (International Association for Time Use Research) Conference, 2—4 November, Halifax, Canada.
- Blakeley, G.* (2002) 'Social capital', in G. Blakeley and V. Bryson (eds) *Contemporary Political Concepts: A Critical Introduction*, London: Pluto Press, pp. 198—214.
- Blakeley, G.* (2004) *Building Local Democracy in Barcelona*, Lampeter: Edwin Mellen Press.
- Blakeley, G. and Bryson, V.* (eds) (2002) *Contemporary Political Concepts: A Critical Introduction*, London: Pluto Press.
- Blakeley, G. and Bryson, V.* (eds) (2005) *Marx and Other Four-letter Words*, London: Pluto Press.
- Blakeley, G. and Bryson, V.* (eds) (2007) *The Impact of Feminism on Political Concepts and Debates*, Manchester: Manchester University Press.
- Bluedorn, A.* (2002) *The Human Organization of Time: Temporal Realities and Experience*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Blumberg, R.* (1991) *Gender, Family and Economy: The Triple Overlap*, London: Sage Publications.
- Bochel, C. and Briggs, J.* (2000) 'Do women make a difference?', *Politics*, vol 20, no 2, pp. 63—8.
- Bonney, N.* (2005) 'Overworked Britons? Part-time work and work-life balance', *Work, Employment and Society*, vol 19, no 2, pp. 391—401.
- Borchorst, A.* (2006) 'The public-private split rearticulated: abolishment of the Danish daddy leave', in A. Ellingsaeter and A. Leira (eds) *Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in Welfare States*, Bristol: The Policy Press, pp. 101—20.
- Boseley, S.* (2006) 'Minister admits malnutrition risk', *The Guardian*, 30 August.
- Bourdieu, P.* (1990 [1963]) 'Time perspectives of the Kabyle', in J. Hassard (ed) *The Sociology of Time*, New York, NY: St Martin's Press, pp. 219—37.
- Boyd, E.* (2002) '«Being there.» Mothers who stay at home, gender and time', *Women's Studies International Forum*, vol 25, no 4, pp. 463—70.
- Brenner, J.* (2000) *Women and the Politics of Class*, New York, NY: Monthly Review Press.
- Brenner, J. and Laslett, B.* (1991) 'Gender, social reproduction and women's self-organization: considering the US welfare state', *Gender and Society*, vol 5, no 3, pp. 311—33.
- Brindle, D.* (2007) 'Families told elderly care crisis is looming', *The Guardian*, 10 January.
- Brines, J.* (1994) 'Economic dependency, gender, and the division of labor at home', *American Journal of Sociology*, vol 100, no 3, pp. 652—88.

- Brown, W.* (2003) 'Gender in counterpoint', *Feminist Theory*, vol 4, no 3, pp. 365—8.
- Bruegel, I.* (2005) 'Social capital and feminist critique', in J. Franklin (ed) *Women and Social Capital*, London: South Bank University.
- Bruning, G. and Plantenga, J.* (1999) 'Parental leave and equal opportunities: experiences in eight European countries', *Journal of European Social Policy*, vol 9, no 3, pp. 195—209.
- Bryson, V.* (1999a) 'Patriarchy: a concept too useful to lose', *Contemporary Politics*, vol 5, no 3, pp. 311—24.
- Bryson, V.* (1999b) *Feminist Theory, Issues of Theory and Political Practice*, Basingstoke: Macmillan.
- Bryson, V.* (2003) *Feminist Political Theory: An Introduction* (2nd edn), Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Bryson, V.* (2004) 'Marxism and feminism: can the «unhappy marriage» be saved?', *Journal of Political Ideologies*, vol 9, no 1, pp. 13—30.
- Bubeck, D.* (1995) *Care, Gender and Justice*, Oxford: Clarendon Press.
- Budig, M. and Folbre, N.* (2004) 'Activity, proximity or responsibility? Measuring parental childcare time', in N. Folbre and M. Bittman (eds) *Family Time: The Social Organization of Childcare*, London and New York, NY: Routledge, pp. 51—68.
- Bunting, M.* (2004) *Willing Slaves: How the Overwork Culture is Ruling our Lives*, London: HarperCollins.
- Bury, J.* (1960) *The Idea of Progress: An Inquiry into its Growth and Origin*, New York, NY: Dover Publications Inc.
- Butler, J.* (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*, London: Routledge.
- Buxton, J.* (1998) *Ending the Mother War: Starting the Workplace Revolution*, London and Basingstoke: Macmillan.
- Byrne, D.* (2003) 'The new politics of the welfare state', *Work, Employment and Society*, vol 17, no 1, pp. 197—205.
- Callinicos, A.* (2003) *An Anti-Capitalist Manifesto*, Cambridge: Polity.
- Campillo, F.* (2003) 'Unpaid household labour: a conceptual approach', in M. Guierrez (ed) *Macro-Economics: Making Gender Matter*, London: Zed Books, pp. 106—21.
- Carrusco, C. and Mayordomo, M.* (2005) 'Beyond employment: working time, living time', *Time and Society*, vol 14, no 2/3, pp. 231—59.
- Casey, B.* (2004) 'Eldercare — what we know and what we don't know', Paper prepared for the IATUR (International Association for Time Use Research) conference, 27—29 October, Rome.
- CAWP* (Centre for American Women and Politics) (2006) www.cawp.rutgers.edu/, 10/01/07.
- Charles, N.* (2000) *Feminism, the State and Social Policy*, Basingstoke: Macmillan.
- Childs, S.* (2004) *New Labour's Women MPs*, London: Routledge.
- Childs, S.* (2006) 'The complicated relationship between sex, gender and the substantive representation of women', *European Journal of*

- Women's Studies, vol 13, pp. 2—21.
- Childs, S.* (2007) 'Representation', in G. Blakeley and V. Bryson (eds) *The Impact of Feminism on Political Concepts and Debates*, Manchester: Manchester University Press, pp. 73—91.
- Chow, E.* (2003) 'Gender matters: studying globalization and social change in the 21st century', *International Sociology*, vol 18, no 3, pp 443—60.
- Claros, A. and Zahidi, S.* (2005) *Women's Empowerment: Measuring the Global Gender Gap*, Geneva: World Economic Forum.
- Cockburn, C. and Hunter, L.* (1999) 'Transversal politics and translating practices', *Soundings*, issue 12, pp. 88—93.
- Cohn, N.* (1957) *The Pursuit of the Millennium*, London: Secker and Warburg.
- Cohn, N.* (1962) 'Medieval millenarianism', in S. Thrupp. (ed) *Millennial Dreams in Action*, The Hague: Mouton and Co, pp. 40—3.
- Collins, P.* (1990) *Black Feminist Thought*, London, Sydney and Wellington: Unwin Hyman.
- Collinson, D. and Collinson, M.* (2004) 'The power of time: leadership, management, and gender', in C. Epstein and A. Kalleberg (eds) *Fighting for Time: Shifting Boundaries of Work and Social Life*, New York, NY: Russell Sage Foundation, pp. 219—6.
- Connell, R.* (1995) 'The state, gender and sexual politics: theory and appraisal', in H. Radtke and H. Stam (eds) *Power/Gender: Social Relations in Theory and Practice*, London: Sage Publications, pp. 136—73.
- Coole, D.* (1993) *Women in Political Theory*, London: Harvester Wheatsheaf.
- Coole, D.* (2000) 'Threads and plaits or an unfinished project? Feminism(s) through the twentieth century', *Journal of Political Ideologies*, vol 5, no 1, pp. 35—54.
- Coote, A., Harman, H. and Hewitt, P.* (1990) *The Family Way: A New Approach to Policy-Making*, London: Institute for Public Policy Research.
- Coser, L. and Coser, R.* (1990 [1963]) 'Time perspective and social structure', in J. Hassard (ed) *The Sociology of Time*, New York, NY: St Martin's Press, pp. 191—202.
- Cousins, C. and Tang, N.* (2004) 'Working time and work and family conflict in the Netherlands, Sweden and the UK', *Work, Employment and Society*, vol 18, no 3, pp. 531—49.
- Cowman, K. and Jackson, L.* (2003) 'Time', in M. Eagleton (ed) *A Concise Companion to Feminist Theory*, Oxford: Blackwell Publishing, pp. 32—52.
- Cox, R.* (2004) 'The path-dependency of an idea: why Scandinavian welfare states remain distinct', *Social Policy and Administration*, vol 38, no 2, pp. 201—19.
- Craig, L.* (2002) *The Time Cost of Parenthood: An Analysis of Daily Workload*, Sydney: Social Policy Research Centre, University of New South Wales.

- Craig, L.* (2005) 'The money or the care: a comparison of couple and sole parent households' time allocation to work and children', *Australian Journal of Social Policy*, vol 40, no 4, pp. 521—40.
- Craig, L.* (2006a) 'Parental education, time in paid work and time with children: an Australian time-diary analysis', *The British Journal of Sociology*, vol 57, issue 4, pp. 553—75.
- Craig, L.* (2006b) 'Does father care mean fathers share? A comparison of how mothers and fathers in intact families spend time with children', *Gender and Society*, vol 20, no 2, pp. 259—81.
- Craig, L.* (2006c) 'Children and the revolution: a time-diary analysis of the impact of motherhood on daily workload', *The Journal of Sociology*, vol 42, no 2, pp. 125—43.
- Craig, L.* (2007a) *Contemporary Motherhood: The Impact of Children on Adult Time*, Aldershot: Ashgate Publishing.
- Craig, L.* (2007b) 'Is there really a «second shift», and if so, who does it? A time-diary investigation', *Feminist Review*, no 86, pp. 149—70. 193
- Crenshaw, K.* (1998) 'Demarginalizing the intersection of race and sex: a black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory, and antiracist politics', in A. Phillips (ed) *Feminism and Politics*, Oxford: Oxford University Press, pp. 314—33.
- Crompton, R.* (2005) *Employment and the Family. The Reconfiguration of Work and Family Life in Contemporary Societies*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Crompton, R. and Lyonette, C.* (2005) 'The new gender essentialism — domestic and family «choices» and their relation to attitudes', *British Journal of Sociology*, vol 56, no 4, pp. 601—20.
- Crompton, R., Brockmann, M. and Lyonette, C.* (2005) 'Attitudes, women's employment and the domestic division of labour: a crossnational analysis in two waves', *Work, Employment and Society*, vol 19, no 2, pp. 213—33.
- Croucher, S.* (2004) *Globalization and Belonging: The Politics of Identity in a Changing World*, London: Rowman and Littlefield Publishers.
- Crow, G. and Heath, S.* (eds) (2002) *Social Conceptions of Time: Structure and Process in Work and Everyday Life*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Dalla Costa, G.* (1995) 'Development and economic crisis: women's labour and social politics in Venezuela in the context of international indebtedness', in M. Dalla Costa and G. Dalla Costa (eds) *Paying the Price: Women and the Politics of International Economic Strategy*, London and New Jersey: Zed Books, pp. 91—120.
- Daly, M. and Rake, K.* (2003) *Gender and the Welfare State*, Cambridge: Polity.
- Davies, K.* (1989) *Women and Time: Weaving the Strands of Everyday Life*, Lund, Sweden: University of Lund.
- Davies, K.* (1994) 'The tensions between process time and clock time in care-work', *Time and Society*, vol 3, no 3, pp. 277—303.

- Davis, M.* (2005) 'Oppression', in G. Blakeley and V. Bryson (eds) *Marx and Other Four-letter Words*, London: Pluto Press, pp. 111—26.
- de Beauvoir, S.* (1972 [1949]) *The Second Sex*, Harmondsworth: Penguin.
- Dermott, E.* (2006) 'What's parenthood got to do with it?: men's hours of paid work', *The British Journal of Sociology*, vol 57, issue 4, pp. 619—34.
- Dex, S.* (2003) *Families and Work in the Twenty First Century*, York: Joseph Rowntree Foundation.
- Dex, S. and Ward, K.* (2007) *Parental care and employment in early childhood*, EOC Working Paper Series, No 57, London: Institute of Education, University of London.
- Dietz, M.* (1985) 'Citizenship with a feminist face: the problem with maternal thinking', *Political Theory*, vol 13, pp. 19—37.
- Dobson, A.* (2003) *Citizenship and the Environment*, Oxford: Oxford University Press.
- Dominelli, L.* (2006) *Women and Community Action*, Bristol: The Policy Press.
- Duffy, M.* (2005) 'Reproducing labor inequalities: challenges for feminists conceptualizing care at the intersections of gender, race, and class', *Gender and Society*, vol 19, no 1, pp. 66—82.
- Durkheim, E.* (1971 [1912]) *The Elementary Forms of Religious Life*, London: SCN Press.
- Dylan, B.* (2004) *Chronicles Vol 1*, New York, NY: Simon & Schuster.
- Edwards, R.* (2004) 'Present and absent in troubling ways: families and social capital debates', *The Sociological Review*, vol 52, no 1, pp. 1—21.
- Ehrenreich, B. and Hochschild, A.* (2003a) 'Introduction', in B. Ehrenreich and A. Hochschild (eds) *Global Woman: Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy*, London: Granta Books, pp. 1—13.
- Ehrenreich, B. and Hochschild, A.* (eds) (2003b) *Global Woman: Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy*, London: Granta Books.
- Einhorn, B.* (1996) 'Gender and citizenship in East Central Europe after the end of state socialist politics for women's emancipation', in B. Einhorn, M. Kaldor and Z. Kavan (eds) *Citizenship and Democratic Control in Contemporary Europe*, Cheltenham and Vermont, VT: Edward Elgar, pp. 69—86.
- Eisenstein, Z.* (1984) *Feminism and Sexual Equality*, New York, NY: Monthly Review Press.
- Ellingsaeter, A. and Leira, A.* (eds) (2006) *Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in Welfare States*, Bristol: The Policy Press.
- Elshtain, J.* (1981) *Public Man, Private Woman*, Oxford: Martin Robertson.
- EOC (Equal Opportunities Commission) (2006a) *Twenty-first Century Dad*, Manchester: EOC.
- EOC (2006b) *Sex Equality and the Modern Family: The New Political Battleground*, Manchester: EOC.

EOC (2007) *Working Outside the Box: Changing Work to Meet the Future*, Manchester: EOC.

Epstein, C. (2004) 'Border crossings: the constraints of time norms in transgressions of gender and professional roles', in C. Epstein and A. Kalleberg (eds) *Fighting for Time: Shifting Boundaries of Work and Social Life*, New York, NY: Russell Sage Foundation, pp. 317—40.

Epstein, C. and Kalleberg, A. (2004a) 'Time and work: changes and challenges', in C. Epstein and A. Kalleberg (eds) *Fighting for Time: Shifting Boundaries of Work and Social Life*, New York, NY: Russell Sage Foundation, pp. 1—21.

Epstein, C. and Kalleberg, A. (eds) (2004b) *Fighting for Time: Shifting Boundaries of Work and Social Life*, New York, NY: Russell Sage Foundation.

Ermarth, E. (1989) 'The solitude of women and social time', in F.J. Forman with C. Sowton (eds) *Taking Our Time: Feminist Perspectives on Temporality*, Oxford, NY: Pergamon Press, pp. 37—46.

Esping-Andersen, G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*, Cambridge: Polity Press.

Esping-Andersen, G. (2002a) 'Towards the good society, once again?', in G. Esping-Andersen with D. Gallie et al (eds) *Why We Need a New Welfare State*, Oxford: Oxford University Press, pp. 1—25.

Esping-Andersen, G. (2002b) 'A new gender contract', in G. Esping-Andersen with D. Gallie et al (eds) *Why We Need a New Welfare State*, Oxford: Oxford University Press, pp. 68—95.

Esping-Andersen, G. with Gallie, D., Hemerijck and Myles, J. (eds) (2002) *Why We Need a New Welfare State*, Oxford: Oxford University Press.

Evans-Pritchard, E. (1940) *The Nuer*, Oxford: Clarendon Press.

Everingham, C. (2002) 'Engendering time: gender equity and discourses of workplace flexibility', *Time and Society*, vol 11, no 2/3, pp. 335—51.

Evertsson, M. and Nermo, M. (2004) 'Dependence within families and the division of labor: comparing Sweden and the United States', *Journal of Marriage and Family*, vol 66, no 3, pp. 1272—86.

Fenwig, R. and Tausig, M. (2004) 'The health and family-social consequences of shift work and schedule control: 1977 and 1997', in C. Epstein and A. Kalleberg (eds) *Fighting for Time: Shifting Boundaries of Work and Social Life*, New York, NY: Russell Sage Foundation, pp. 77—110.

Finch, N. (2006a) 'Family change', in J. Bradshaw and A. Hatland (eds) *Social Policy, Employment and Family Change in Comparative Perspective*, Cheltenham: Edward Elgar, pp. 13—35.

Finch, N. (2006b) 'Childcare and parental leave', in J. Bradshaw and A. Hatland (eds) *Social Policy, Employment and Family Change in Comparative Perspective*, Cheltenham: Edward Elgar, pp. 119—42.

Finch, N. (2006c) 'Gender equity and time use: how do mothers and fathers spend their time?', in J. Bradshaw and A. Hatland (eds) *Social Policy, Employment and Family Change in Comparative*

- Perspective, Cheltenham: Edward Elgar, pp. 255—81.
- Fitzpatrick, T.* (2004) 'Social policy and time', *Time and Society*, vol 13, no 2/3, pp. 197—219.
- Floro, M.* (1995) 'Economic restructuring, gender and the allocation of time', *World Development*, vol 23, no 1, pp. 1913—95.
- Floro, M. and Miles, M.* (2003) 'Time use, work and overlapping activities: the evidence from Australia', *Cambridge Journal of Economics*, vol 27, no 6, pp. 881—904.
- Folbre, N.* (2006) 'Measuring care: gender, empowerment and the care economy', *Journal of Human Development*, vol 7, no 2, pp. 183—99.
- Folbre, N. and Bittman, M.* (eds) (2004) *Family Time: The Social Organization of Childcare*, London and New York, NY: Routledge.
- Folbre, N., Yoon, J., Finnoff, K. and Fuligni, A.* (2005) 'By what measure? Family time devoted to children in the United States', *Demography*, vol 42, no 2, pp. 373—90.
- Foley, M.* (1994) 'Progress', in M. Foley (ed) *Ideas That Shape Politics*, Manchester: Manchester University Press, pp. 208—24.
- Forman, F.J.* (1989) 'Feminizing time: an introduction', in F.J. Forman with C. Sowton (eds) *Taking Our Time: Feminist Perspectives on Temporality*, Oxford, NY: Pergamon Press, pp. 1—9.
- Forman, F.J. with Sowton, C.* (eds) (1989) *Taking Our Time: Feminist Perspectives on Temporality*, Oxford, NY: Pergamon Press.
- Forrsen, K. and Ritakillio, V.* (2006) 'First births: a comparative study of the patterns of transition to parenthood in Europe', in J. Bradshaw and A. Hatland (eds) *Social Policy, Employment and Family Change in Comparative Perspective*, Cheltenham: Edward Elgar, pp. 161—77.
- Foster, R. and Kreitzman, L.* (2004) *Rhythms of Life: The Biological Clocks that Control the Daily Lives of Every Living Thing*, London: Profile Books.
- Fox, M.* (1989) 'Unreliable allies: subjective and objective time in childbirth', in F.J. Forman with C. Sowton (eds) *Taking Our Time: Feminist Perspectives on Temporality*, Oxford, NY: Pergamon Press, pp. 123—34.
- Frankenberg, R.* (1988) '«Your time or mine?» an anthropological view of the tragic temporal contradictions of biomedical practice', in M. Young and T. Schuller (eds) *The Rhythm of Society*, London and New York, NY: Routledge, pp. 118—53.
- Franks, S.* (1999) *Having None of It: Women, Men and the Future of Work*, London: Granta Books.
- Fraser, N.* (2000) 'After the family wage: a postindustrial thought experiment', in B. Hobson (ed) *Gender and Citizenship in Transition*, Basingstoke: Macmillan, pp. 1—32.
- Fraser, N.* (2007) 'Mapping the feminist imagination: from redistribution to recognition to representation', in J. Browne (ed) *The Future of Gender*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 17—34.
- Future Foundation* (2006) *The Changing Face of Parenting: Professional Parenting, Information and Healthcare*, London: an Experian company.

- Gatens, M.* (1991) *Feminism and Philosophy*, Cambridge: Polity.
- Gell, A.* (1992) *The Anthropology of Time*, Oxford: Berg Publishers Ltd.
- Gell, A.* (2000) 'Time and social anthropology', in P. Baert (ed) *Time in Contemporary Intellectual Thought*, Amsterdam: Elsevier, pp. 251—68.
- Gerancher, K.* (2001) 'The economic value of housework: new survey to track women-dominated labor' (www.partnershipway.org/html/subpages/articles/valueofhousework.htm, 29/05/06).
- Gershuny, J.* (2000) *Changing Times: Work and Leisure in Postindustrial Society*, Oxford: Oxford University Press.
- Gershuny, J.* (2002) 'Service regimes and the political economy of time', in G. Crow and S. Heath (eds) *Social Conceptions of Time: Structure and Process in Work and Everyday Life*, Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 24—37.
- Gershuny, J.* (2005) *Busyness as the Badge of Honour for the New Superordinate Working Class*, Working Papers of the Institute for Social and Economic Research, Paper 2005—9, Colchester: University of Essex.
- Gershuny, J. and Sullivan, O.* (2003) 'Time use, gender, and public policy regimes', *Social Politics*, vol 10, no 2, pp. 205—28.
- Gerson, K.* (2002) 'Moral dilemmas, moral strategies, and the transformation of gender: lessons from two generations of work and family change', *Gender and Society*, vol 16, no 1, pp. 8—28.
- Giddens, A.* (1992) *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*, Cambridge: Polity Press.
- Giddens, A.* (1995) *A Contemporary Critique of Historical Materialism* (2nd edn), Basingstoke: Macmillan Press Ltd.
- Gilbreth, F. and Carey, E.* (1948) *Cheaper by the Dozen*, New York, NY: Thomas Y. Crowell Company.
- Gilligan, C.* (1982) *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*, Cambridge, MA and London: Harvard University Press.
- Gilman, C.P.* (1979 [1915]) *Herland*, New York, NY: Pantheon Books.
- Glendinning, C. and Kemp, P.* (eds) (2006) *Cash and Care: Policy Challenges in the Welfare State*, Bristol: The Policy Press.
- Glucksmann, M.* (1998) '«What a difference a day makes»: a theoretical and historical exploration of temporality and gender', *Sociology*, vol 32, no 2, pp. 239—58.
- Goodin, R., Parpo, A. and Kangas, O.* (2004) 'The temporal welfare state: the case of Finland', *Journal of Social Policy*, vol 33, no 4, pp. 531—52.
- Gordon, L.* (ed) (1990) *Women, the State, and Welfare*, Madison, WI: Wisconsin University Press.
- Gornick, J. and Meyers, M.* (2003) *Families that Work: Policies for Reconciling Parenthood and Employment*, New York, NY: Russell Sage Foundation.
- Gottner-Abendroth, H.* (1989) 'Urania — time and space of the stars: the matriarchal cosmos through the lens of modern physics', in F.J. Forman with C. Sowton (eds) *Taking Our Time: Feminist Perspectives*

- on Temporality, Oxford, NY: Pergamon Press, pp. 108—22.
- Goudsblom, J.* (2001) 'The worm and the clock: on the genesis of a global time regime', in W. Schendel and H. Nordholt (eds) *Time Matters: Global and Local Time in Asian Societies*, Amsterdam: VU University Press, pp. 19—36.
- Grant, J.* (1993) *Fundamental Feminism: Contesting the Core Concepts of Feminism*, New York, NY and London: Routledge.
- Gray, A.* (2003) *Towards a Conceptual Framework for Studying Time and Social Capital*, London: South Bank University.
- Greener, I.* (2005) 'The potential of path dependence in political studies', *Politics*, vol 25, no 1, pp. 66—72.
- Greenhouse, S.* (1996) *A Moment's Time: Time Politics Across Cultures*, Ithaca, NY and London: Cornell University Press.
- Griffiths, J.* (1999) *Pip Pip: A Sideways Look at Time*, London: Flamingo.
- Grosz, E.* (1999) 'Becoming ... an introduction', in E. Grosz (ed) *Becomings: Explorations in Time, Memories and Futures*, Ithaca, NY and London: Cornell University Press.
- Grosz, E.* (2005) *Time Travels: Feminism, Nature, Power*, Durham, NC and London: Duke University Press.
- Gupta, N., Smith, N. and Verner, M.* (2006) *Child Care and Parental Leave in the Nordic Countries: A Model to Aspire to?*, Discussion Paper no 2014, Bonn: IZA.
- Haavind, H. and Magnusson, E.* (2005) 'The Nordic countries — welfare paradises for women and children?', *Feminism and Psychology*, vol 15, no 2, pp. 227—35.
- Haavio-Mannila, E., Dahlerup, D., Eduards, M., Gudmansdottir, E., Halsaa, B., Hernes, H., Hanninen-Salmelin, E., Sigmundsdottir, B., Sinkkonen, S. and Skard, T.* (1985) *Unfinished Democracy: Women in Nordic Politics*, Oxford: Pergamon Press.
- Hageman, K.* (2006) 'Between ideology and economy: the «time politics» of child care and public education in the two Germanys', *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*, vol 13, no 2, pp. 217—60.
- Hakim, C.* (2000) *Work-Lifestyle Choices in the 21st Century: Preference Theory*, Oxford: Oxford University Press.
- Hakim, C.* (2007) 'The politics of female diversity in the 21st century', in J. Browne (ed) *The Future of Gender*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 191—227.
- Hall, E.* (1989) *The Dance of Life: The Other Dimensions of Time*, New York, NY: Anchor Books.
- Harding, S.* (1986) *The Science Question in Feminism*, Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Harding, S.* (ed) (2004) *The Feminist Standpoint Theory Reader*, New York, NY and London: Routledge.
- Harman, H.* (1993) *The Century Gap*, London: Vermilion.
- Harrison, G.* (2002) 'Globalisation', in G. Blakeley and V. Bryson (eds)

Contemporary Political Concepts: A Critical Introduction, London: Pluto Press, pp. 14—34.

Harstock (1985) *Money, Sex and Power: Towards a Feminist Historical Materialism*, Boston, MA: Northeastern University Press.

Harvey, A. (1999) 'Guidelines for time use data collection and analysis', in W. Pentland, A. Harvey, M. Lawton, and N. McColl (eds) *Time Use Research in the Social Sciences*, New York, NY: Kluwer Academic/ Plenum Publishers, pp. 19—45.

Harvey, A. and Pentland, W. (1999) 'Time use research', in W. Pentland, A. Harvey, M. Lawton and N. McColl (eds) *Time Use Research in the Social Sciences*, New York, NY: Kluwer Academic/Plenum Publishers, pp. 3—17.

Harvey, D. (1989) *The Condition of Postmodernity*, Oxford: Blackwell.

Hassard, J. (ed) (1990) *The Sociology of Time*, New York, NY: St Martin's Press.

Hay, C. (2002) *Political Analysis: A Critical Introduction*, Basingstoke: Palgrave.

Hays, S. (1998) *The Cultural Contradictions of Motherhood*, New Haven, CT: Yale University Press.

Health and Safety Executive (2006) 'Absence costs UK economy £12 billion every year', Press release, Caerphilly: Health and Safety Executive.

Heintz, J. (2006) *Globalization, Economic Policy and Employment: Poverty and Gender Implications*, Geneva: International Labor Office.

Held, V. (1994) 'Feminism and moral theory', in J. White (ed) *Contemporary Moral Problems*, Minneapolis/St Paul: West Publishing Company, pp. 69—82.

Herd, P. and Meyer, M. (2002) 'Care work: invisible civic engagement', *Gender and Society*, vol 16, no 5, pp. 665—8.

Hernes, H. (1987) 'Chronopolitics: a time to live and a time to work', in H. Hernes, *Welfare State and Woman Power*, Oslo: Norwegian University Press, pp. 101—18.

Hewitt, P. (1993) *About Time: The Revolution in Work and Family Life*, London: Rivers Oram Press.

Himmelweit, S. (1999) 'Accounting for caring', *Radical Statistics*, no 70 (www.radstats.org.uk/no070/article1.htm).

Hird, M. (2000) 'Intersexuality, transsexualism and the «sex»/»gender» binary', *Feminist Theory*, vol 1, no 3, pp. 347—64.

Hislop, J. and Arber, S. (2003) 'Sleepers awake! The gendered nature of sleep disruption among mid-life women', *Sociology*, vol 37, no 4, pp. 695—711.

Hobson, B. (2000a) 'Economic citizenship: reflections through the European Union policy mirror', in B. Hobson (ed) *Gender and Citizenship in Transition*, Basingstoke: Macmillan, pp. 84—117.

Hobson, B. (ed) (2000b) *Gender and Citizenship in Transition*, Basingstoke: Macmillan Press.

Hobson, B. (ed) (2002) *Making Men into Fathers:*

- Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hobson, B. and Takahashi, M.* (1997) 'The parent-worker model: lone mothers in Sweden', in J. Lewis (ed) *Lone Mothers in European Welfare Regimes*, London: Jessica Kingsley Publishers, pp. 121—39.
- Hochschild, A.* (1989) *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home*, New York, NY: Viking.
- Hochschild, A.* (1997) *The Time Bind: When Work Becomes Home and Home Becomes Work*, New York, NY: Metropolitan Books.
- Hochschild, A.* (2003) *The Commercialization of Intimate Life: Notes from Home and Work*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Holloway, S. and Tamplin, S.* (2001) *Valuing Informal Childcare in the UK*, London: Household Satellite Account Branch, Office for National Statistics.
- Holloway, S., Short, S. and Tamplin, S.* (2002) *Household Satellite Account (Experimental) Methodology*, London: Office for National Statistics.
- Holmes, M.* (2002) 'Politicizing time: temporal issues for second-wave feminists', in G. Crow and S. Heath (eds) *Social Conceptions of Time: Structure and Process in Work and Everyday Life*, Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 38—52.
- Holter, H.* (ed) (1984) *Patriarchy in a Welfare Society*, Oslo: Universitetsforlaget.
- Hook, J.* (2006) 'Care in context: men's unpaid work in 20 countries, 1965—2003', *American Sociological Review*, vol 71, pp. 639—60.
- Hooks, B.* (1984) *Feminist Theory: From Margin to Center*, Boston, MA: South End Press.
- Hughes, C.* (2002) *Key Concepts in Feminist Theory and Research*, London: Sage Publications.
- Ironmonger, D.* (2004) 'Bringing up Bobby and Betty: the inputs and outputs of childcare time', in N. Folbre and M. Bittman (eds) *Family Time: The Social Organization of Childcare*, London and New York, NY: Routledge, pp. 93—109.
- Jackson, S.* (2001) 'Why a materialist feminism is (still) possible — and necessary', *Women's Studies International Forum*, vol 24, no 3, pp. 283—93.
- Jacobs, J. and Gerson, K.* (2004) *The Time Divide: Work, Family and Gender Inequality*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Jamieson, L.* (1999) 'Intimacy transformed? A critical look at the «pure relationship»', *Sociology*, vol 3, no 3, pp. 477—94.
- Jensen, P. and Pfau-Effinger, B.* (2005) '«Active citizenship»: the new face of welfare', in J. Andersen et al (eds) *The Changing Face of Welfare: Consequences and Outcomes from a Citizenship Perspective*, Bristol: The Policy Press, pp. 1—14.
- Johada, M.* (1988) 'Time: a social psychological perspective', in M. Young and T. Schuller (eds) *The Rhythm of Society*, London and New York, NY: Routledge, pp. 154—72.

- Jones, K. and Jonasdottir, A.* (eds) (1988) *The Political Interests of Gender*, London: Sage Publications.
- Joyce, M. and Stuart, K.* (1999) 'What can we learn from time-use data?', *Monthly Labor Review*, vol 122, no 8, pp. 2—7.
- Kahn, R.* (1989) 'Women and time in childbirth and during lactation', in F.J. Forman with C. Sowton (eds) *Taking Our Time: Feminist Perspectives on Temporality*, Oxford, NY: Pergamon Press, pp. 20—36.
- Kamenka, W.* (1966) 'The concept of political revolution', in C. Friedrich (ed) *Revolution*, New York, NY: Atherton Press, pp. 122—38.
- Kantola, J.* (2004) 'Doing feminist discourse analysis: domestic violence in the women-friendly welfare state of Finland', *European Political Science*, vol 3, no 2 (www.essex.ac.uk/ECpR/publications/eps/onlineissues/spring2004/index.htm, 20/01/07).
- Kantola, J.* (2006) *Feminists Theorize the State*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Karvonen, L. and Selle, P.* (eds) (1995) *Women in Nordic Politics: Closing the Gap*, Aldershot: Dartmouth Publishing Company Ltd.
- Katz, C. and Monk, J.* (eds) (1993) *Full Circles: Geographies of Women over the Life Course*, London and New York, NY: Routledge.
- Kelly, R.* (2000) *Plugging the Parenting Gap — The Case for Paid Parental Leave*, London: Fabian Society.
- Kenny, M.* (2006) 'Gender, institutions and power: a critical review', Paper presented at the PSA Women and Politics Conference, 11 February, Edinburgh.
- Kershaw, P.* (2005) *Carefair: Rethinking the Responsibilities and Rights of Citizenship*, Vancouver: UBC Press.
- King, D.* (1988) 'Multiple jeopardy, multiple consciousness: the context of a black feminist ideology', *Signs*, vol 14, pp. 44—72.
- Knijn, T.* (2000) 'The rationalized marginalization of care: time is money, isn't it?', in B. Hobson (ed) *Gender and Citizenship in Transition*, Basingstoke: Macmillan, pp. 201—19.
- Knijn, T. and van Wel, F.* (2001) 'Does it work? Employment policies for lone parents in the Netherlands', in J. Millar and K. Rowlingson (eds) *Lone Parents, Employment and Social Policy*, Bristol: The Policy Press, pp. 107—27.
- Kristeva, J.* (1986 [1979]) 'Women's time' in T. Moi (ed) *The Kristeva Reader*, Oxford: Blackwell, pp. 188—213.
- Lader, D., Short, S. and Gershuny, J.* (2006) *The Time Use Survey, 2005: How We Spend Our Time*, London: Office for National Statistics.
- Lammi-Taskula, L.* (2006) 'Nordic men on parental leave: can the welfare state change gender relations?', in A. Ellingsaeter and A. Leira (eds) *Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in Welfare States*, Bristol: The Policy Press, pp. 79—100.
- Land, H.* (2006) 'Securing the dignity and quality of life of older citizens', in C. Glendingning and P. Kemp (eds) *Cash and Care. Policy Challenges in the Welfare State*, Bristol: The Policy Press, pp. 249—63.
- Landes, J.* (ed) (1998) *Feminism, the Public and the Private*, Oxford and

- New York, NY: Oxford University Press.
- Lane, M.* (2000) 'Political theory and time', in P. Baert (ed) *Time in Contemporary Intellectual Thought*, Amsterdam: Elsevier, pp. 233—50.
- Laurance, J.* (2006) 'Babies born by caesarean are three times more likely to die in first month', *The Independent*, 6 September.
- Lavalette, M. and Kennedy, J.* (1996) *Solidarity on the Waterfront. The Liverpool Lock Out of 1995/96*, Birkenhead: Liver Press.
- Lawson, N.* (2006) 'Foreword', in K. Curran, *Organising to Win: A Programme for Trade Union Renewal*, London: Compass, pp. 4—5.
- Layte, R.* (1999) *Divided Time: Gender, Paid Employment and Domestic Labour*, Aldershot: Ashgate.
- Leccardi, C.* (1996) 'Rethinking social time: feminist perspectives', *Time and Society*, vol 5, no 3, pp. 169—86.
- Leccardi, C. and Rampazi, M.* (1993) 'Past and future in young women's experience of time', *Time and Society*, vol 2, no 3, pp. 353—79.
- Leira, A.* (1989) *Models of Motherhood: Welfare State Policies and Everyday Practices: The Scandinavian Experience*, Oslo: Institute for Social Research.
- Leira, A.* (2006) 'Parenthood and policy reform in Scandinavia, 1970s-2000s', in A. Ellingsaeter and A. Leira (eds) *Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in Welfare States*, Bristol: The Policy Press, pp. 27—52.
- Leisering, L. and Leibfried, S.* (1999) *Time and Poverty in Western Welfare States: United Germany in Perspective*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Lerner, G.* (1993) *The Creation of Feminist Consciousness: From the Middle Ages to Eighteen-seventy*, Oxford: Oxford University Press.
- Levitas, R.* (1990) *The Concept of Utopia*, Hemel Hempstead: Phillip Lane.
- Levitas, R.* (2001) 'Against work', *Critical Social Policy*, vol 21, no 4, pp. 449—65.
- Lewis, J.* (2001) 'The decline of the male breadwinner model: implications for work and care', *Social Politics*, vol 8, no 2, pp. 152—69.
- Lewis, J.* (2006) 'Care and gender: have the arguments for recognising care work now been won?', in C. Glendinning and P. Kemp (eds) *Cash and Care. Policy Challenges in the Welfare State*, Bristol: The Policy Press, pp. 11—20.
- Lieu, T.* (1994) 'Teaching the differences among women from a historical perspective: rethinking race and gender as social categories', in V. Ruiz and E. Dubois (eds) *Unequal Sisters: A Multi-Cultural Reader in US Women's History*, London and New York, NY: Routledge, pp. 571—83.
- Lister, R.* (1990) 'Women, economic dependency and citizenship', *Journal of Social Policy*, vol 19, no 4, pp. 445—67.
- Lister, R.* (2003) *Citizenship: Feminist Perspectives*, Basingstoke: Macmillan.

- Lister, R.* (2004) 'Towards a social investment state', in J. Lewis and R. Surrender (eds) *Towards a Third Way?*, Oxford: Oxford University Press, pp. 157—82.
- Lister, R.* (2006) 'Gender, citizenship and social justice in the Nordic welfare states: a view from the outside', Paper presented at the Nordic Council of Ministers Conference on the Programme on Welfare Research, 11 March, Oslo.
- Lister, R.* (2007) 'Citizenship', in G. Blakeley and V. Bryson (eds) *The Impact of Feminism on Political Concepts and Debates*, Manchester: Manchester University Press, pp. 79—95.
- Litt, J. and Zimmerman, M.* (2003) 'Global perspectives on gender and carework: an introduction', *Gender and Society*, vol 17, no 2, pp 156—65.
- Lorber, J.* (2000) 'Using gender to undo gender: a feminist degendering movement', *Feminist Theory*, vol 1, no 1, pp. 79—95.
- Lovenduski, J. and Norris, P.* (2003) 'Westminster women: the politics of presence', *Political Studies*, vol 55, no 1, pp. 84—102.
- Lowndes, V.* (2000) 'Women and social capital: a comment on Hall's «Social capital in Britain»', *British Journal of Political Science*, vol 30, no 3, pp. 533—7.
- Lowndes, V.* (2004) 'Getting on or getting by? Women, social capital and political participation', *The British Journal of Politics and International Relations*, vol 6, no 1, pp. 45—64.
- Mackay, F.* (2001) *Love and Politics: Women Politicians and the Ethics of Care*, London and New York, NY: Continuum.
- Macnaughten, P. and Urry, J.* (1998) *Contested Natures*, London: Sage Publications.
- McCrate, E.* (2005) 'Flexible hours, workplace authority and compensating wage differentials in the US', *Feminist Economics*, vol 11, no 1, pp. 11—39.
- McKie, L., Gregory, S. and Bowlby, S.* (2002) 'Shadow times: the temporal and spatial frameworks and experiences of caring and working', *Sociology*, vol 36, no 4, pp. 897—924.
- McLaughlin, J.* (2003) *Feminist Social and Political Theory: Contemporary Debates and Dialogues*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Malinowski, B.* (1990 [1926—27]) 'Time-reckoning in the Trobriands', in J. Hassard (ed) *The Sociology of Time*, New York, NY: St Martin's Press, pp. 203—18.
- Mansbridge, J.* (1999) 'Everyday talk in the deliberative system', in S. Macedo (ed) *Deliberative Politics: Essays on Democracy and Disagreement*, Oxford: Oxford University Press, pp. 211—39.
- Marshall, T.H.* (1983 [1949]) 'Citizenship and social class', in D. Held (ed) *States and Societies*, Oxford: Martin Robertson and Company Ltd, pp. 248—60.
- Martin, E.* (1992) *The Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction*, Boston, MA: Beacon Press.
- Marx, K.* (1946 [1867]) *Capital*, vol 1, London: George Allen and

- Unwin Ltd.
- Marx, K.* (1963 [1844]) 'Economic and philosophical manuscripts', in T.B. Bottomore, Karl Marx: Early Writings, London: C.A. Watts and Co Ltd, pp. 61—219.
- Marx, K.* (1967 [1848]) Manifesto of the Communist Party, London: George Allen and Unwin Ltd.
- Marx, K.* (1968 [1851—52]) 'The eighteenth brumaire of Louis Bonaparte', in K. Marx and F. Engels, Selected Works, London: Lawrence and Wishart, pp. 97—180.
- Marx, K.* (1968 [1875]) 'Critique of the Gotha Programme', in K. Marx and F. Engels, Selected Works, London: Lawrence and Wishart, pp. 319—35.
- Marx, K.* (1971 [1867]) Capital, vol 2, Moscow: Progress Publishers.
- Marx, K.* (1971 [1957—58]) Grundrisse (edited by D. McLellan), St Albans: Paladin.
- Massey, D.* (1999) 'Space for co-existence?', Soundings, issue 12, pp. 7—11.
- Mattingly, M. and Bianchi, S.* (2003) 'Gender differences in the quantity and quality of free time: the US experience', Social Forces, vol 81, no 3, pp. 999—1030.
- Mazur, A.* (2004) 'Feminist comparative policy: leading European political science into the future', European Political Science, vol 3, no 2 (www.essex.ac.uk/ECpR/publications/eps/onlineissues/spring2004/index.htm, 20/01/07).
- Meehan, E. and Sevenhuisen, S.* (eds) (1991) Equality Principles and Politics, London: Sage Publications.
- Meiksins, P. and Whalley, P.* (2002) Putting Work in Its Place: A Quiet Revolution, Ithaca, NY and London: Cornell University Press.
- Michelson, W.* (2005) Time Use: Expanding Explanation in the Social Sciences, Boulder, CO and London: Paradigm Publishers.
- Mies, M.* (1998) Capitalism and Accumulation on a World Scale: Women in the International Division of Labour, London and New York, NY: Zed Books.
- Millar, J. and Rowlingson, K.* (eds) (2001) Lone Parents, Employment and Social Policy, Bristol: The Policy Press.
- Mink, G.* (1998) Welfare's End, Ithaca, NY and London: Cornell University Press.
- Mistra, J. and Akins, F.* (1998) 'The welfare state and women: structure, agency, and diversity', Social Politics, vol 5, no 3, pp. 259—85.
- Mitchell, H.* (1977) The Hard Way Up, London: Virago.
- Moen, P. and Roehling, P.* (2005) The Career Mystique: Cracks in the American Dream, Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, Inc.
- Molyneux, M.* (1985) 'Mobilization without emancipation? Women's interests, the state and revolution in Nicaragua', Feminist Studies, vol 11, part 2, pp. 227—54.
- Morgan, R.* (ed) (1970) Sisterhood is Powerful: An Anthology of Writings from the Women's Liberation Movement, New York, NY: Vintage.

- Mottier, V.* (2004) 'Feminist political theory', *European Political Science*, vol 3, no 2 (www.essex.ac.uk/ECpR/publications/eps/onlineissues/spring2004/index.htm, 20/01/07).
- Natalier, K.* (2004) 'Avoiding the housework: domestic labour and gender in group living contexts', *Electronic Journal of Sociology* (www.sociology.org/content/2004/tier1/natalier.html).
- Nelson, B.* (1990) 'The origins of the two-channel welfare state: workmen's compensation and mothers' aid', in L. Gordon (ed) *Women, the State and Welfare*, Madison, WI: Wisconsin University Press, pp. 123—51.
- North, D.* (1994) 'Economic performance through time', *American Economic Review*, vol 84, pp. 359—68.
- Nowotny, H.* (1994) *Time: The Modern and Postmodern Experience*, Cambridge: Polity.
- Nussbaum, M.* (2002) 'The future of feminist liberalism', in E. Kittay and E. Feder (eds) *Feminist Perspectives on Dependency*, Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, Inc., pp. 186—214.
- Nyland, C.* (1990) 'Capitalism and the history of work-time thought', in J. Hassard (ed) *The Sociology of Time*, New York, NY: St Martin's Press, pp. 130—51.
- O'Brien, M.* (1981) *The Politics of Reproduction*, Boston, MA: Routledge and Kegan Paul.
- O'Brien, M.* (1989a) *Reproducing the World: Essays in Feminist Theory*, Boulder, CO: Westview Press.
- O'Brien, M.* (1989b) 'Periods', in F.J. Forman with C. Sowton (eds) *Taking Our Time: Feminist Perspectives on Temporality*, Oxford, NY: Pergamon Press, pp. 11—18.
- O'Brien, M.* (2005) 'Working-class internationalism', in G. Blakeley and V. Bryson (eds) *Marx and Other Four-letter Words*, London: Pluto Press, pp. 160—75.
- Odih, P.* (1999) 'Gendered time in the age of deconstruction', *Time and Society*, vol 8, no 1, pp. 9—38.
- Okin, S.* (1980) *Women in Western Political Thought*, London: Virago.
- Okin, S.* (1990) *Justice, Gender and the Family*, New York, NY: Basic Books.
- Olssen, E.* (1968) 'Marx and the Resurrection', *Journal of the History of Ideas*, vol 29, no 1, pp. 131—40.
- ONS (Office for National Statistics) (2001) *Social Capital. A Review of the Literature*, London: ONS.
- Orloff, A. and Monson, R.* (2002) 'Citizens, workers or fathers? Men in the history of US social policy', in B. Hobson (ed) *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 61—91.
- Pascall, G.* (1986) *Social Policy: A Feminist Analysis*, London and New York, NY: Routledge.
- Pascall, G. and Lewis, J.* (2004) 'Emerging gender regimes and policies for gender equality in a wider Europe', *Journal of Social Policy*, vol 33,

- no 3, pp. 373—94.
- Pateman, C.* (1987) 'Feminist critiques of the public/private dichotomy', in A. Phillips (ed) *Feminism and Equality*, Oxford: Basil Blackwell, pp. 103—36.
- Pearson, A.* (2002) *I Don't Know How She Does It*, London: Quality Paperbacks Direct.
- Pentland, W., Harvey, A., Lawton, M. and McColl, N.* (eds) (1999) *Time Use Research in the Social Sciences*, New York, NY: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
- Perez-Molina, I.* (1998) 'Women change time. «The law of times» in Italy and its repercussions in Barcelona', *Feminista! The Journal of Feminist Construction*, vol 2, no 1 (www.feminista.com).
- Perry, R.* (1986) *The Celebrated Mary Astell*, Chicago, IL and London: University of Chicago Press.
- Phillips, A.* (1991) *Engendering Democracy*, Cambridge: Polity.
- Phillips, A.* (1993) *Democracy and Difference*, Cambridge: Polity.
- Phillips, A.* (1995) *The Politics of Presence*, Oxford: Clarendon Press.
- Piercy, M.* (1976) *Woman on the Edge of Time*, New York, NY: Fawcett Crest Books.
- Pierson, P.* (2001a) 'Coping with permanent austerity: welfare state restructuring in affluent democracies', in P. Pierson (ed) *The New Politics of the Welfare State*, Oxford: Oxford University Press, pp. 410—56.
- Pierson, P.* (ed) (2001b) *The New Politics of the Welfare State*, Oxford: Oxford University Press.
- Pierson, P.* (2004) *Politics in Time: History, Institutions and Social Analysis*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pilcher, J.* (2000) 'Domestic divisions of labour in the twentieth century: «change slow a-coming»', *Work, Employment and Society*, vol 14, no 4, pp. 771—80.
- PIU* (Performance and Innovation Unit) (2002) *Social Capital: A Discussion Paper*, London: PIU.
- Piven, F.* (1990) 'Ideology and the state: women, power, and the welfare state', in L. Gordon (ed) *Women, the State and Welfare*, Madison, WI: Wisconsin University Press, pp. 250—64.
- Pocock, J.* (1973) *Politics, Language and Time: Essays on Political Thought and History*, London: Methuen and Co Ltd.
- Popper, K.* (1957) *The Poverty of Historicism*, London: Routledge and Kegan Paul.
- Pratt, G. and Hanson, S.* (1993) 'Women and work across the life course: moving beyond essentialism', in C. Katz and J. Monk (eds) *Full Circles: Geographies of Women over the Life Course*, London and New York, NY: Routledge, pp. 27—54.
- Presser, H.* (2004) 'Employment in a 24/7 economy: challenges for the family', in C. Epstein and A. Kalleberg (eds) *Fighting for Time: Shifting Boundaries of Work and Social Life*, New York, NY: Russell Sage Foundation, pp. 46—76.

- Pringle, R. and Watson, S.* (1992) '«Women's interests» and the poststructuralist state', in M. Barrett and A. Phillips (eds) *Destabilizing Theory: Contemporary B. Feminist Debates*, Cambridge: Polity, pp. 53—73.
- Prokhovnik, R.* (1998) 'Public and private citizenship: from gender invisibility to feminist inclusiveness', *Feminist Review*, no 60, pp. 84—104.
- Prokhovnik, R.* (2002) *Rational Woman: A Feminist Critique of Dichotomy* (2nd edn), Manchester and New York, NY: Manchester University Press.
- Purkis, J.* (2004) 'Consuming heresy: theoretical and practical problems of challenging consumerism in contemporary protest cultures', in J. Carter and D. Morland (eds) *Anti-Capitalist Britain*, Cheltenham: New Clarion Press, pp. 127—47.
- Putman, R.* (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Putman, R.* (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, New York, NY: Simon & Schuster.
- Pyle, J. and Ward, K.* (2003) 'Recasting our understanding of gender and work during global restructuring', *International Sociology*, vol 18, no 3, pp. 461—89.
- Rai, S.* (2003a) 'Institutional mechanisms for the advancement of women: mainstreaming gender, democratizing the state?', in S. Rai (ed) *Mainstreaming Gender, Democratizing the State? Institutional Mechanisms for the Advancement of Women*, Manchester and New York, NY: Manchester University Press, pp. 15—39.
- Rai, S.* (ed) (2003b) *Mainstreaming Gender, Democratizing the State? Institutional Mechanisms for the Advancement of Women*, Manchester and New York, NY: Manchester University Press.
- Randall, V.* (2000) *The Politics of Child Daycare in Britain*, Oxford: Oxford University Press.
- Rawls, J.* (1971) *A Theory of Justice*, Oxford: Clarendon Press.
- Rawls, J.* (2001) *Justice as Fairness*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Rebick, J.* (2000) *Imagine Democracy*, Toronto: Stoddart Publishing Company.
- Revill, J.* (2005) 'Paperwork mountain keeps nurses from care', *Observer*, 27 November.
- Rice, J., Goodin, R. and Parpo, A.* (2006) 'The temporal welfare state: a crossnational comparison', *Journal of Public Policy*, vol 26, part 3, pp. 195—228.
- Richards, J.R.* (1982) *The Sceptical Feminist*, Harmondsworth: Penguin.
- Riley, D.* (1988) *Am I That Name? Feminism and the Category of 'Women' in History*, Basingstoke: Macmillan.
- Roberts, K.* (2002) 'Are long or unsocial hours bad for leisure?', in G. Crow and S. Heath (eds) *Social Conceptions of Time: Structure and Process in Work and Everyday Life*, Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 165—78.

- Robinson, J.* (1999) 'The time-diary method', in W. Pentland, A. Harvey, M. Lawton, and N. McColl (eds) *Time Use Research in the Social Sciences*, New York, NY: Kluwer Academic/Plenum Publishers, pp. 47—89.
- Ronsen, M. and Skrede, K.* (2006) 'Nordic fertility patterns: compatible with gender equality?', in A. Ellingsaeter and A. Leira (eds) *Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in Welfare States*, Bristol: The Policy Press, pp. 53—76.
- Rossi, A.* (ed) (1973) *The Feminist Papers from Adams to de Beauvoir*, New York, NY and London: Columbia University Press.
- Roth, J.* (1963) *Timetables: Structuring the Passage of Time in Hospital Treatment and Other Careers*, Indianapolis, IN: The Bobbs-Merrill Company, Inc.
- Roy, D.* (1990) 'Time and job satisfaction', in J. Hassard (ed) *The Sociology of Time*, New York, NY: St Martin's Press, pp. 155—67.
- Rubery, J., Smith, M. and Fagan, C.* (1998) 'National working-time regimes and equal opportunities', *Feminist Economics*, vol 4, no 1, pp. 71—101.
- Ruddick, S.* (1990) *Maternal Thinking: Towards a Politics of Peace*, London: Women's Press.
- Ruston, D.* (2003) *Volunteers, Helpers and Socialisers: Social Capital and Time Use*, London: Office for National Statistics.
- Ruuskanen, O.* (2006) 'Work-life balance in a European context: what does harmonised time use date tell us?', *Gender Equality in Pensions and Time Use*, Draft background document, Informal Council Meeting of Employment, Social and Health Ministers, Helsinki, 6—8 July, pp. 31—51.
- Sainsbury, D.* (ed) (1994) *Gendering Welfare States*, London: Sage Publications.
- Sainsbury, D.* (ed) (1999) *Gender and Welfare State Regimes*, Oxford: Oxford University Press.
- Salmi, M.* (2006) 'Parental choice and the passion for equality in Finland', in A. Ellingsaeter and A. Leira (eds) *Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in Welfare States*, Bristol: The Policy Press, pp. 145—68.
- Sargent, L.* (ed) (1986) *The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: The Debate on Class and Patriarchy*, London: Pluto Press.
- Sassoon, A.* (ed) (1987) *Women and the State: The Shifting Boundaries between Public and Private*, London: Hutchinson.
- Sayer, L.* (2005) 'Gender, time and inequality: trends in women's and men's paid work, unpaid work and free time', *Social Forces*, vol 84, no 1, pp. 285—303.
- Schendel, W.* (2001) 'Modern Times in Bangladesh', in W. Schendel and H. Nordholt (eds) *Time Matters: Global and Local Time in Asian Societies*, Amsterdam: VU University Press, pp. 37—55.
- Schendel, W. and Nordholt, H.* (eds) (2001) *Time Matters: Global and Local Time in Asian Societies*, Amsterdam: VU University Press.
- Schor, J.* (1991) *The Overworked American: The Unexpected Decline of*

- Leisure, New York, NY: Basic Books.
- Schor, J.* (1999) *The Overspent American: Why We Want What We Don't Need*, New York, NY: HarperPerennial.
- Segal, L.* (1987) *Is the Future Female? Troubled Thoughts on Contemporary Feminism*, London: Virago.
- Segal, L.* (1999) *Why Feminism?*, Cambridge: Polity.
- Selmi, M. and Cahn, N.* (2006) 'Women in the workplace: which women, which agenda?', *Duke Journal of Gender, Law and Policy*, vol 13, no 7, pp. 7—30.
- Short, S.* (2000) *Time Use Data in the Household Satellite Account*, London: Economic Assessment and Strategy Division, Office for National Statistics.
- Short, S.* (2006) *Review of the UK 2000 Time Use Survey*, London: Office for National Statistics.
- Shuttle, P. and Redgrove, P.* (2005 [1978]) *The Wise Wound: Myths, Realities and Meanings of Menstruation*, London: Marion Boyars Publishers.
- Siim, B.* (2005) 'Gender equality, citizenship and welfare state restructuring', in J. Andersen et al (eds) *The Changing Face of Welfare: Consequences and Outcomes from a Citizenship Perspective*, Bristol: The Policy Press, pp. 169—87.
- Silva, E.* (2002) 'Routine matters: narratives of everyday life in families', in G. Crow and S. Heath (eds) *Social Conceptions of Time: Structure and Process in Work and Everyday Life*, Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 179—94.
- Sirianni, C. and Negrey, C.* (2000) 'Working time as gendered time', *Feminist Economics*, vol 6, no 1, pp. 59—76.
- Skevik, A.* (2006a) 'Lone motherhood in the Nordic countries: sole providers in dual-breadwinner regimes', in A. Ellingsaeter and A. Leira (eds) *Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in Welfare States*, Bristol: The Policy Press, pp. 241—65.
- Skevik, A.* (2006b) 'Working their way out of poverty? Lone mothers in policies and labour markets', in J. Bradshaw and A. Hatland (eds) *Social Policy, Employment and Family Change in Comparative Perspective*, Cheltenham: Edward Elgar, pp. 221—36.
- Sloan, S.* (2005) 'Laying the basis for change. Socialist revolution and women's liberation', *Socialism and Liberation* (<http://socialismandliberation.org/mag>).
- Smeaton, D.* (2006) *Dads and Their Babies: A Household Analysis*, Working Paper Series no 44, Manchester: Equal Opportunities Commission.
- Sorokin, P. and Merton, R.* (1990 [1937]) 'Social-time: a methodological and functional analysis', in J. Hassard (ed) *The Sociology of Time*, New York, NY: St Martin's Press, pp. 56—66.
- Southerton, D.* (2003) '«Squeezing time»: allocating practices, coordinating networks and scheduling society', *Time and Society*, vol 12, no 1, pp. 5—26.
- Spender, D.* (1985) *For the Record: The Making and Meaning of Feminist*

- Knowledge, London: Women's Press.
- Spillman, B. and Pezzin, L.* (2000) 'Potential and active family caregivers: changing networks and the «sandwich generation»', *The Millbank Quarterly*, vol 78, no 3, pp. 347—74.
- Squires, J.* (1999) *Gender in Political Theory*, Cambridge: Polity Press.
- Starkey, K.* (1988) 'Time and work organisation: a theoretical and empirical analysis', in M. Young and T. Schuller (eds) *The Rhythm of Society*, London and New York, NY: Routledge, pp. 95—117.
- Steinem, G.* (1984) *Outrageous Acts and Everyday Rebellions*, London: Fontana.
- Stokes, W.* (2005) *Women in Contemporary Politics*, Cambridge: Polity.
- Strandh, M. and Nordenmark, M.* (2006) 'The interference of paid work with household demands in different social policy contexts: perceived work-household conflict in Sweden, the UK, the Netherlands, Hungary, and the Czech Republic', *The British Journal of Sociology*, vol 57, no 4, pp. 597—617.
- Sullivan, O.* (2004) 'Changing gender practices within the household: a theoretical perspective', *Gender and Society*, vol 18, no 3, pp. 207—22.
- Sullivan, O. and Gershuny, J.* (2001) 'Cross-national changes in time-use: some sociological (hi)stories re-examined', *British Journal of Sociology*, vol 52, no 2, pp. 331—47.
- Talmon, Y.* (1962) 'The pursuit of the millennium: the relation between religious and social change', *European Journal of Sociology (Archives Européennes de Sociologie)*, vol 3, no 1, pp. 125—48.
- Taylor, A.* (2005) 'The state', in G. Blakeley and V. Bryson (eds) *Marx and Other Four-letter Words*, London: Pluto Press, pp. 61—80.
- Taylor, Q.* (2004) 'An original omission? Property in Rawl's political thought', *The Independent Review*, vol VIII, no 3, pp. 387—400.
- Thelan, K.* (1999) 'Historical institutionalism in comparative politics', *Annual Review of Political Science*, vol 2, pp. 369—404.
- Thompson, D.* (2001) *Radical Feminism Today*, London: Sage Publications.
- Thompson, E.P.* (1999 [1967]) 'Time, work-discipline and industrial capital', in E.P. Thompson (ed) *Customs in Common*, London: Penguin Books, pp. 352—403.
- Thrift, N.* (1988) 'Vivos voco: ringing the changes in the historical geography of time consciousness', in M. Young and T. Schuller (eds) *The Rhythm of Society*, London and New York, NY: Routledge, pp. 37—52.
- Thrift, N.* (1990) 'The making of a capitalist time consciousness', in J. Hassard (ed) *The Sociology of Time*, New York, NY: St Martin's Press, pp. 105—29.
- Tong, R.* (1989) *Feminist Thought: A Comprehensive Introduction*, London: Unwin Hyman.
- Toynbee, P.* (2006) 'Labour's best achievement hangs in the balance', *The Guardian*, 30 June.
- Tremlett, G.* (2005) 'Blow to machismo as Spain forces men to do housework', *The Guardian*, 8 April.

- Tronto, J.* (2003) 'Time's place', *Feminist Theory*, vol 4, no 2, pp. 119—38.
- UN (United Nations)* (2005) *Guide to Providing Statistics on Time Use and Measuring Paid and Unpaid Work*, New York, NY: UN Department of Economic and Social Affairs, Statistics Division.
- UNDP (United Nations Development Programme)* (2006) *Human Development Report* (<http://hdr.undp.org>, 20/01/07).
- University of Michigan* (2002) 'US husbands are doing more housework while wives are doing less', Institute for Social Research, news release, 12 March (www.umich.edu/news).
- US (United States) Department of Labor* (2004) *Time-Use Survey — First Results Announced by BLS*, Washington: Bureau of Labor Statistics.
- Vargas, V.* (2003) 'Feminism, globalization and the global justice and solidarity movement', *Cultural Studies*, vol 17, no 6, pp. 905—20.
- Vogel, L.* (1983) *Marxism and the Oppression of Women*, London: Pluto Press.
- Vromen, A.* (2003) 'Politicizing community: the private sphere and political participation', *Contemporary Politics*, vol 9, no 4, pp. 371—95.
- Walby, S.* (1990) *Theorizing Patriarchy*, Oxford: Basil Blackwell.
- Walby, S.* (1997) *Gender Transformations*, London: Routledge.
- Walby, S.* (2005) 'Introduction: comparative gender mainstreaming in a global era', *International Feminist Journal of Politics*, vol 7, no 4, pp. 453—70.
- Waldfoegel, J., Danziger, S.M., Danziger, S. and Seefeldt, K.* (2001) 'Welfare reform and lone mothers' employment in the US', in J. Millar and K. Rowlingson (eds) *Lone Parents, Employment and Social Policy*, Bristol: The Policy Press, pp. 37—60.
- Walzer, M.* (1966) *The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics*, London: Weidenfeld and Nicolson.
- Ward, L.* (2002) 'Globalization and the third way: a feminist response', *Feminist Review*, no 70, pp. 138—43.
- Warren, T.* (2003) 'Class and gender-based working time? Time poverty and the division of domestic labour', *Sociology*, vol 37, no 4, pp. 733—52.
- Watts, C.* (1998) 'Time and the working mother: Kristeva's «Women's time» revisited', *Radical Philosophy*, vol 91, pp. 6—17.
- Waylen, G. and Randall, V.* (eds) (1998) *Gender, Politics and the State*, London: Routledge.
- Weber, M.* (1965 [1904—05]) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, London: Unwin University Books.
- West, C. and Fenstermaker, S.* (1996) 'Doing difference', in E. Chow, D. Wilkinson and M. Zinn (eds) *Race, Class and Gender: Common Bonds, Different Voices*, London: Sage Publications, pp. 357—84.
- West, C. and Zimmerman, D.* (1991) 'Doing gender', in J. Lorber and S. Farrell (eds) *The Social Construction of Gender*, London: Sage Publications, pp. 13—37.
- Weston, K.* (2002) *Gender in Real Time: Power and Transience in a Visual Age*, New York, NY and London: Routledge.
- White, S.* (2003) *The Civic Minimum: On the Rights and Obligations of*

- Economic Citizenship, Oxford: Oxford University Press.
- Williams, F.* (2005) 'A good-enough life: developing the grounds for a political ethic of care', *Soundings*, Summer, pp. 17—32.
- Williams, J.* (2000) *Unbending Gender: Why Family and Work Conflict and What to Do About It*, Oxford: Oxford University Press.
- Wilson, E.* (1977) *Only Halfway to Paradise: Women in Postwar Britain 1945—68*, London: Tavistock Publications.
- Wolin, S.* (1961) *Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought*, London: George Allen and Unwin Ltd.
- Young, I.* (1990) *Justice and the Politics of Difference*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Young, M. and Schuller, T.* (eds) (1998) *The Rhythm of Society*, London and New York, NY: Routledge.
- Yuval-Davis, N.* (1998) 'Beyond differences: women, power and coalition politics', in N. Charles and H. Hintjens (eds) *Gender, Ethnicity and Political Ideologies*, London: Routledge, pp. 168—89.
- Zalewski, M.* (2000) *Feminism after Postmodernism: Theorising Through Practice*, London and New York, NY: Routledge.
- Zelizer, V.* (2005) *The Purchase of Intimacy*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВАЛЕРИ БРАЙСОН

ГЕНДЕР И ПОЛИТИКА ВРЕМЕНИ

ФЕМИНИСТСКАЯ ТЕОРИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ

Перевод с английского Алексея Якубина

(Російською мовою)

*Дизайн обкладинки – В. С. Соловійов
Загальна редакція – Л. Й. Зубрицька
Наукове консультування – В. Якубіна*

Підписано до друку 04.03.2011. Формат 60x84^{1/16}
Друк офсетний. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Умовн. друк. арк. 13,95. Наклад – 300 прим.

Видавництво «Центр учбової літератури»
вул. Електриків, 23 м. Київ 04176
тел./факс 044-425-01-34
тел.: 044-425-20-63; 425-04-47; 451-65-95
800-501-68-00 (безкоштовно в межах України)
e-mail: office@uabook.com
сайт: www.cul.com.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 2458 від 30.03.2006